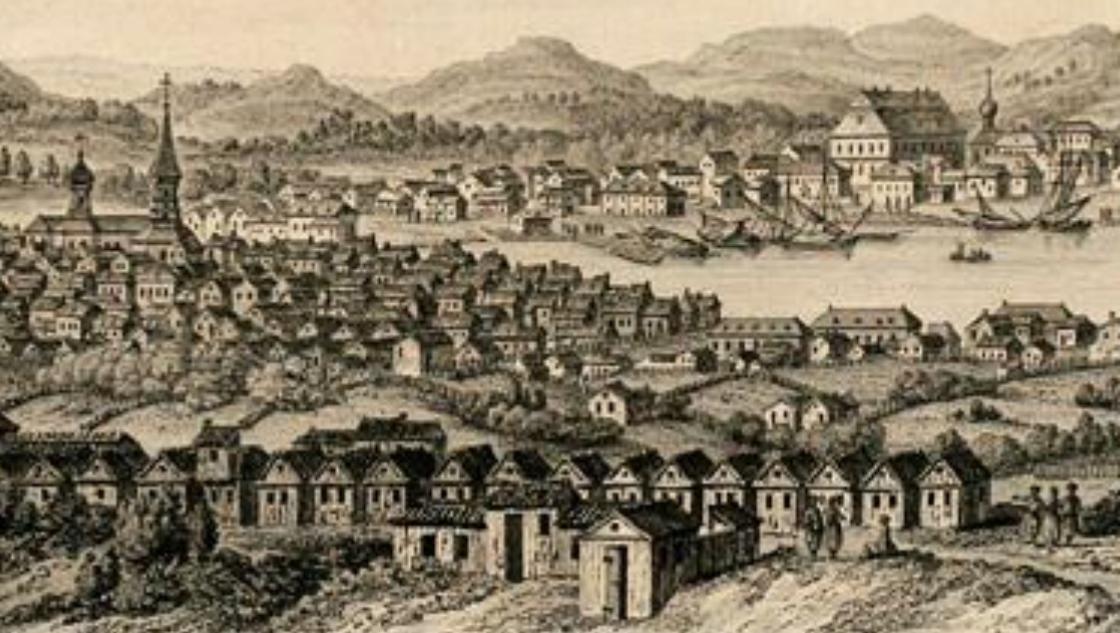

А. М. Сафронова

**ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ
ЕКАТЕРИНБУРГА
(1724 – 1750 гг.)**

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. М. Сафронова

ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ ЕКАТЕРИНБУРГА
(1724–1750 гг.)

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2023

УДК 94(470.5)
ББК ТЗ(235.554)–7
С 218

Рецензенты:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН Л. А. Дашкевич;

доктор исторических наук, профессор Уральского государственного
педагогического университета М. В. Попов

Сафронова А. М.

С218 Первые учителя Екатеринбурга (1724—1750 гг.) / А. М. Сафронова – Екатеринбург :
Изд-во Урал. ун-та, 2023. – 244 с. : – ISBN 978-5-7996-3755-2. – Текст : электронный.
ISBN 978-5-7996-3755-2

Монография является первым специальным исследованием, посвященным учителям русскоязычных школ Екатеринбурга – словесной, арифметической, знаменования (рисования), пения, – внесшим основной вклад в формирование и развитие социокультурной сферы города. Характеризуется роль В. И. Геннина и В. Н. Татищева в организации этих учебных заведений, поиске учителей и регламентации их деятельности. Реконструируется состав учительских кадров, источники их формирования, уровень образования, сроки работы в школах, программы и методы обучения, положение в социуме: оплата труда, часы ежедневного пребывания в школах, постоянное использование для выполнения различных поручений начальства, наказания за оплошности и проступки. Делается попытка реконструкции жизни и судеб первых учителей Екатеринбурга.

Издание предназначено для историков, культурологов, преподавателей вузов и школ, студентов, всех, интересующихся историей культуры и образования Урала и России первой половины XVIII в.

УДК 94(470.5)
ББК ТЗ(235.554)–7

ISBN 978-5-7996-3755-2

© Сафронова А. М., 2023
© Уральский федеральный университет, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

2023 год – юбилейный в истории города Екатеринбурга, родившегося 300 лет назад как завод-поселение. 7 ноября 1723 г. были запущены молоты и выковано первое полосовое железо, 26 ноября в день Святой Екатерины состоялось официальное открытие предприятия.

Екатеринбургский металлургический завод стал самым крупным среди казенных заводов России, неслучайно именно при нем оформился центр управления этими заводами на огромной территории — от Казани на западе до Нерчинска на востоке. Екатеринбург стал крупнейшим центром развития модернизационных процессов в экономике, социальной сфере, культуре в масштабах всей страны. Сюда были направлены десятки выпускников высших учебных заведений Санкт-Петербурга и Москвы, часть из которых прошла стажировку за границей; здесь сформировалась значительная колония иностранных специалистов. В кратчайшие сроки Екатеринбург стал формироваться и динамично развиваться как крупнейший культурный центр, задолго до его официального превращения в город (1781 г.) и это стало уникальным явлением в России первой половины XVIII в.

Большое значение в этом процессе имел субъективный фактор: руководство заводами генералом В. И. Генниным, наделенным Петром I большими полномочиями (1722–1734) и В. Н. Татищевым (1734–1739), являвшимся не только крупным администратором, но и выдающимся ученым России первой половины XVIII в., занимавшим передовые позиции в вопросах развития культуры, в первую очередь образования.

В. Н. Татищев, отстраненный от должности главы заводов из-за жалобы всесильного Демидова, разработал наказ комиссару Екатеринбургского завода Ф. Неклюдову и 15 октября 1723 г., за три недели до пуска завода в строй, он был подписан новым главой заводов генералом В. И. Генниным и вручен для исполнения. Этот

документ стал важнейшей программой будущего развития Екатеринбурга. Особое внимание в нем уделялось организации школьного обучения детей. Первая школа (арифметическая) появилась уже в первые месяцы существования поселения (март 1724 г.), а затем и словесная (май 1725). В 1735 г. открылись школы латинская, немецкая, знаменования (рисования), пения. Формирование и развитие новой социокультурной среды в городе-заводе шло быстрыми темпами, и уже в начале второго десятилетия Екатеринбург занял достойное место в сфере развития школьного образования, которое в 1735 г. было объявлено обязательным для детей с 7 лет, детская грамотность стала повсеместной. Екатеринбург стал оказывать ключевое влияние на развитие образования молодого поколения на огромной территории, подчиненной уральской горнозаводской администрации.

Большую роль в формировании Екатеринбурга как крупнейшего центра образования на горнозаводском Урале в первой половине XVIII в. сыграли учителя. Они представляли важную часть населения наряду с членами администрации, специалистами горнозаводского дела, медиками, поскольку входили в состав лиц, участвовавших в формировании новой социокультурной среды города.

О населении Екатеринбурга этого периода разнообразную информацию можно найти в работах Н. С. Корепанова, посвященных первым десятилетиям истории города¹. В последнее время исследователи обратились к специальному изучению населения Екатеринбурга, общей характеристике его состава, движения², отдельных социальных страт. Д. А. Редин в статье, посвященной роли иностранцев, отметил, что «отличительной особенностью Екатеринбурга стала высокая концентрация в нем выходцев из зарубежных европейских стран» в первое десятилетие города³.

¹ Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2001; Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005.

² Корнилов Г. Е. Трехсотлетняя демографическая история Екатеринбурга: источники и историография // Парадигмы и модели демографического развития : сб. ст. XII Урал. демогр. форума : в 2 т. Екатеринбург, 2021. Т. 1. С. 91–99.; Бородина Е. В., Цеменкова С. И. Источники учета населения раннего Екатеринбурга: особенности и информационный потенциал // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 3. С. 759–775.

³ Редин Д. А. Иностранные выходцы в Екатеринбурге: у начала социальной организации города // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 5. С. 1695–1717.

Е. В. Бородина охарактеризовала состав ссыльных и каторжных в раннем Екатеринбурге¹. Десятки руководителей аппарата управления, биографии их жизненного пути представлены в справочнике, подготовленном С. И. Цеменковой и А. В. Черноуховым².

Автор этой монографии ставит своей целью дать как можно более подробную характеристику представителям учительского корпуса Екатеринбурга, благодаря которым город в развитии школьного образования уже в 1730-е гг. занял передовые позиции в Российской империи.

Подробная информация об учителях первых иноязычных школ Екатеринбурга, немецкой и латинской, представлена нами в монографиях, посвященных этим школам: раскрыта история их назначения на должности, предшествующие должности, которые они занимали, размеры жалованья, вклад в обучение детей, программы и методы обучения в этих школах. Большое внимание уделено привлечению учителей иноязычных школ к переводческой деятельности, составлению языковых словарей, деятельности Лаврентия Сехтинга как пастора и первого библиотекаря Екатеринбурга³.

Судьбам учителей русскоязычных школ мы решили посвятить специальную монографию. Накопление знаний о них шло крайне медленно. В первой монографии о горнозаводских школах Н. В. Нечаева упоминаются учитель арифметической школы Кичигин, Бахорев как помощник надзирателя школ, сообщаются данные о количестве учителей и их окладах согласно нормам заводских штатов 1735 и 1737 гг., цитируются некоторые пункты инструкции Геннина и Заводского устава, касающиеся школ, ошибочно названного автором Горным⁴.

¹ *Бородина Е.В.* Каторжные и ссыльные в Екатеринбурге в 1723 – конце 1730-х гг.: к вопросу о формировании социального пространства города// *Genesis: исторические исследования.* 2020. № 11. С. 14 - 26.

² *Цеменкова С. И., Черноухов А. В.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е — 50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб., 2022.

³ *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге. Екатеринбург, 2018; *Сафронова А. М.* Первая немецкая школа раннего Екатеринбурга. Екатеринбург, 2019; *Сафронова А. М.* Первые иноязычные школы раннего Екатеринбурга (1735–1750-е гг. Екатеринбург, 2020.

⁴ *Нечаев Н. В.* Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия: К истории профессионального образования в России. М., 1944.

В. Н. Будрин цитирует некоторые положения наказа 1723 г., «Учреждения» В. Н. Татищева 1736 г., публикует текст расписания занятий, сопровождающий этот документ, приводит краткие данные об учителях арифметики Санникове, Кичигине, Олонцове, об учителе знаменования Аврамове, в действительности относящиеся к другому человеку; упоминает о Кутузове как учителе словесной школы в 1735 г. (на деле – учителе арифметики в 1725–1727). Кратко сообщает о намерении президента Берг-коллегии Томилова в 1746 г. повысить статус Екатеринбургской школы, расширить круг ее учителей¹. Э. А. Пензин опубликовал документ о смене учителей словесной и арифметической школ в 1729 г.; раскрыл нормы штатов 1726 и 1734 гг., касавшиеся школ².

В нашей монографии, посвященной первым школам Екатеринбурга (1724–1734), имеется специальная глава «Кадры учителей. Источники комплектования»³. Характеризуется вклад учителей школы рисования и пения в обучении молодежи⁴, уровень образованности учителей Екатеринбургской арифметической школы⁵.

Но в целом деятельность учителей русскоязычных школ Екатеринбурга в первой половине XVIII в., остается до конца не изученной. Мы не имеем полных сведений о них, их вкладе в организацию обучения; не представляем, сколько детей прошло курс обучения у них.

Нам важно знать, каковы были источники формирования состава первых учителей в нашем городе, к каким социальным слоям

¹ Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга–Свердловска. Свердловск, 1950. С. 50–55, 58–60, 64–68, 70–72.

² Пензин Э. А. Из истории екатеринбургских школ в 1720–1730 гг. (по документам Сибирского обербергамта) // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979. С. 124–132; Он же. Школы при горных заводах Урала в первой трети XVIII в. (по документам местных органов горнозаводского управления) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 57–75.

³ Сафронова А. М. Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): К 275-летию основания. Екатеринбург, 2000. С. 44–63.

⁴ Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург, 2016. С. 100–140.

⁵ Сафронова А. М. Уровень образованности учителей Екатеринбургской арифметической школы первой половины XVIII века // Педагогическое образование в России. 2019. № 8. С. 6–11.

населения они принадлежали, каким был их предшествующий жизненный путь, уровень образования, чем занимались они до назначения на учительскую должность, как долго пребывали на ней, по какой причине прекратилась их работа в школе. Словом, необходима как можно более подробная биография их жизненного пути, включая продолжение карьеры после отставки с должности учителя.

Особый интерес представляют вопросы, относящиеся к организации учебного процесса: регламентация труда учителей, их обязанностей по обучению и воспитанию школьников, контроль за выполнением ими своих обязанностей со стороны надзирателя школ, программы и методы обучения, учебные пособия, скорость обучения. Особенностью труда учителей Екатеринбурга было постоянное использование многих из них для выполнения срочных работ, с отрывом от занятий в школах или параллельно им, важно понимать, как это влияло на скорость обучения школьников.

Большой интерес представляет положение учителей в социуме: размеры их жалованья по сравнению с другими категориями населения, длительность рабочего дня, наличие праздничных дней, отношение других слоев населения к учителям, наказания за оплошности и проступки. Все эти вопросы мы задумали отразить в специальной монографии, посвященной учителям Екатеринбурга. В связи с этим было подготовлено четыре статьи об учителях арифметической и словесной школ. Первая посвящена характеристике состава учителей арифметической школы Екатеринбурга в 1740-е гг., их происхождения, вклада в обучение детей, выполнения ими побочных обязанностей¹. Подробно рассмотрена деятельность Федора Санникова как учителя арифметической школы в 1735–1741 гг. и надзирателя екатеринбургских школ в 1747–1751 гг.² Специальная статья посвящена ссыльным, из состава которых формировался корпус учителей словесных школ, обучавших детей грамоте³. Ограниченный

¹ Сафронова А. М. Учителя арифметической школы Екатеринбурга (1740-е гг.) // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 3 (31). С. 9–23.

² Сафронова А. М. Федор Санников — учитель Екатеринбургской арифметической школы (1734—1741) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 3. С. 430–445; Сафронова А. М. Деятельность Федора Санникова как надзирателя школ Екатеринбурга (1747–1751) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 6. С. 449–466.

³ Сафронова А. М. Вклад ссыльных в распространение грамотности среди детей Екатеринбурга в 1734-1740-х годах // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 3. С. 790-804.

объем статей не позволил изложить в них все имеющиеся у нас данные, они дополнены, расширены.

Сам характер издания общей монографии, посвященной учителям, позволяет не только реконструировать весь состав учительского корпуса Екатеринбурга, но и увидеть большое разнообразие их судеб, жизненных путей, раскрыть особенности их положения в зависимости от учебного заведения, где они трудились. Возникает возможность увидеть трансформацию источников их комплектования во времени, большие различия в их материальном положении, в отношении к учителям со стороны горнозаводского начальства, изменения в отношении к организации и деятельности школ, произошедшие в 1740-е годы по сравнению со второй половиной 1730-гг., другими словами, при В. Н. Татищеве как начальнике заводов и после него. Рассмотреть, как кризис в деятельности горнозаводских школ отразился на судьбе учителей и учащихся.

При написании монографии мы постарались использовать как можно более широкий круг источников, относящихся к теме. Прежде всего, это опубликованные документы нормативно-правового характера – инструкции, составленные В. Н. Татищевым: наказ 1723 г. заводскому комиссару Ф. Неклюдову, утвержденный В. И. Генниным¹, т. н. инструкция В. И. Геннина, включенная им в «Описание» заводов 1735 г.², проект Заводского устава как законодательного акта, регламентировавшего полномочия коронной администрации заводов, где большое внимание уделялось обязанностям главного межевщика, отвечавшего с 1735 г. за деятельность школ, и эта глава действовала в виде инструкции, врученной ему³. Это и «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать», составленное Татищевым в ноябре 1736 г.⁴, названное историками первым уставом народной школы. Во всех этих нормативных актах большое внимание Татищев уделил регламентации труда учителя по организации обучения и воспитания школьников, сформулировал ряд новых важных идей, вошедших в историю педагогики России первой половины XVIII в. К этой группе документов примыкают определения, вынесенные Сибирским обер-

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М., 1990. С. 69–95.

² Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735. М., 1937. С. 99–101.

³ Горный журнал. 1831. Ч. 1. Кн. 2. С. 190–191; Ч. 3. Кн. 9. С. 316–320.

⁴ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 235–243.

бергамтом и Канцелярией Главного правления Сибирских и Казанских заводов (с 8 октября 1734 г.). Как Геннин, так и Татищев как начальники заводов издавали свои указы, иногда приказы, касавшиеся школ.

Особое место среди источников принадлежит указам Берг-коллегии (1720–1731), замененной Коммерц-коллегией в 1731 г., указам Анны Иоанновны и Кабинета министров, к которым Татищев имел право прямого обращения в 1734–1736 гг. В 1736–1742 гг. заводы были подчинены новому органу, Генерал-берг-директориуму, а с 1742 г. вновь созданной Берг-коллегии. Указы этих органов в купе с доношениями глав уральских заводов, Сибирского обер-бергамта, Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов дают представление об инициативных проектах уральского начальства, реакции со стороны высших и центральных органов управления на них, позволяют судить о политике этих органов в отношении горнозаводских школ.

Важное место занимают и заводские штаты 1723, 1726, 1729, 1733, 1735, 1737 гг., которые определяли число учителей, размеры их жалованья, но важно учитывать время введения их в действие, корректировку их норм, тот факт, что не всегда их нормы соответствовали действительности.

Привлекалась также переписка Татищева с членами уральской Канцелярии после его отбытия в Самару в качестве начальника Оренбургской экспедиции, переименованной им в комиссию. С июня 1737 г. по январь 1739 г. Татищев отправлял в Екатеринбург указы, в основном в ответ на доношения уральской Канцелярии, в т. ч. касавшиеся школ¹.

Особую ценность в качестве источников имеют протоколы заседаний Сибирского обер-бергамта и Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов с определениями, принятыми в отношении школ и их учителей, назначениях их на должность, оплате труда, повышении в чине, дополнительных поручениях, дававшихся учителям, и другим вопросам. Именно протоколы представляют собой первичную совокупность всех вынесенных начальством определений, причем только в них зафиксированы решения, принятые по инициативе самого начальства. В ГАСО сохранился полный комплекс этих протоколов с 1725 г.,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 40—43.

которые с января 1735 г. стали формироваться в дела помесячно. Мы использовали записи протоколов по 1750 г. включительно¹.

С января 1736 г. по инициативе В. Н. Татищева в составе Канцелярии Главного заводов правления было создано школьное повытье, где начали формироваться т. н. «школьные книги», сосредотачивавшие всю текущую документацию, поступавшую главному межевщику Игнатию Юдину, назначенному в 1735 г. ответственным за деятельность школ, — доношения от учителей о выдаче жалованья, повышении его, приобретении учебных пособий, бумаге; неуспевающих учениках, аттестатах лучших учеников и т. д. Здесь же откладывались отпуски доношений Юдина в Канцелярию по этим вопросам, копии указов Канцелярии, ведомости об успехах школьников и другие документы².

Большую ценность имеют ведомости об успехах учащихся в овладении предметами, подаваемыми учителями по третям года: январскую (январь—апрель), майскую (май—август) и сентябрьскую (сентябрь—декабрь). С 1736 г. они стали составляться по единому формуляру, имели 9 граф: «время вступления в науку», «из каких чинов», «звание имян», «с какою наукою в треть вступили», «во оной трети что обучали», «был ли в лечении в гошпитале или в отпуску в дом», «возвратился оттуда», «переведен в другую науку», «бежал или умре». В графе «звание имян» указывался также возраст ученика, получение им казенного жалованья³. Ведомости дают нам возможность судить о количестве обучаемых детей, их возрасте, порой соответствующим возрасту юного учителя, позволяют установить наличие коллективных приемов детей, а последовательный учет новых фамилий учащихся – подсчитать общее число обученных учителем детей. Сопоставление времени начала обучения и его завершения позволяют судить о скорости продвижения в обучении грамоте, основам арифметики, геометрии и т. д.

Важную роль в качестве источников имеют справки, наводившиеся по требованию начальства делопроизводителями школьного повытья Канцелярии по тому или иному вопросу. Они содержат дополнительную информацию и позволяют полнее судить о том или ином лице, событии, действии.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193–407.

² Там же. Оп. 1. Д. 624, 691, 692, 760, 762, 907, 952, 1035, 1076. 1128, 2321 и др.

³ Там же. Д. 602, 625, 694, 737, 756, 816, 857, 906, 956, 957.

Раздел 1.

ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ ЕКАТЕРИНБУРГА (1724–1734 гг.)

Глава 1.

ПЛАН ОРГАНИЗАЦИИ ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ШКОЛ В. Н. ТАТИЩЕВА 1723 г.

Н. К. Чупин убедительно доказал, что автором наказа заводскому комиссару Неклюдову 1723 г. был В. Н. Татищев: этот документ почти из слова в слово включает наказ Татищева комиссару Бурцеву 1721 г., черновой экземпляр наказа исправлен и дополнен рукой Татищева, в доношении 1724 г. Татищев прямо указывает: «чтобы поступлено было по учиненному от меня и по подписанному рукою генерал-майора Геннина наказу, каков дан заводскому комиссару»¹. Участвовал Татищев и в составлении заводских штатов 1723 г.

Принадлежность авторства наказа 1723 г. Татищеву, а также его участие в разработке штатов имеют принципиально важное значение. В заводских штатах впервые упоминалось об открытии учебных заведений в Екатеринбурге, закладывалась финансовая основа школ, в наказе же комиссару регламентировались все важнейшие направления их деятельности на ряд лет вперед. Учитывая это, мы вполне заслуженно можем считать Татищева одним из основателей не только Екатеринбургского завода, нашего города, но и школьного дела в нем.

В. Н. Татищев был отстранен от руководства заводами Петром I из-за жалобы всесильного Демидова и на Урал отправлен генерал В. И. Геннин для разбирательства жалобы. Татищев временно был

¹ Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Отд. 2. С. 82.

отстранен от участия в решении дел, но выполнял отдельные важные поручения нового главы заводов.

В апреле 1723 г., за полгода до пуска завода в строй, была составлена «Роспись приказным служителем всех заводов и земского правления с их годовым денежным и хлебным жалованьем» — по сути, первый вариант штатов¹. Если Чупин указывал на составление Татищевым вместе с Генниным штатов в ноябре 1723 г., то этот первый вариант, по нашему мнению, можно целиком считать принадлежащим Татищеву: в нем употреблялись термины, предложенные им ранее — «горное начальство», «Исетской завод», безусловно, от него исходили положения о действии школ при всех четырех казенных заводах Урала.

Этим документом при строящемся Исетском заводе вводились четыре должности учителей: чтения и письма, арифметики и геометрии, черчения, а также знаменования (рисования). Учителем арифметики и геометрии был показан Петр Рыбников, преподававший эти предметы в Уктусской школе, т. е. уже тогда, видимо, Татищев предполагал перевод арифметической школы с Уктуса в Екатеринбург. Фамилии других учителей не назывались. Предусматривалось повышение жалованья Рыбникову с 21 руб. в год до 24 руб. Учитель чтения и письма должен был получать вместо 12 — 18 руб. Новым для Урала преподавателям знаменования и черчения предполагалось платить в два раза больше, чем учителю грамоты, — по 36 руб. в год. Особая сумма (60 руб. в год) выделялась на «содержание школы», всего на обеспечение екатеринбургских школ — 174 руб., в то время как «учителю и на школу» при Уктусском, Алапаевском, Каменском заводах — лишь по 30 руб. в год².

Ясно, что уже весной 1723 г., когда только разворачивалось строительство нового завода, предусматривалось сделать будущую школу при нем самой крупной, центральной. 22 апреля 1723 г. начальник заводов В. И. Геннин, рассматривая эту Табель, приговорил: с 1 мая 1723 г. ввести новые размеры жалованья согласно ее положениям³.

15 октября 1723 г., за три недели до пуска Екатеринбургского завода в строй, Татищев закончил составление наказа комиссару

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 624.

² Там же.

³ Там же. Л. 625.

заводов Федору Неклюдову. Наказ регламентировал круг обязанностей комиссара по контролю за всеми казенными заводами Урала — Екатеринбургским, Уктусским, Алапаевским и Каменским¹.

Этот документ стал важнейшей программой будущего развития Екатеринбурга как европейского города. Нам неизвестно наличие подобных документов в отношении других городов России. В 15 его подробных главах регламентировалось содержание «канцелярии и канцелярских порядков», деятельность суда, порядок возведения жилья, начало и конец рабочего дня на заводских фабриках, в конторах и других учреждениях в увязке с длиной светового дня и временем года; утвержден перечень светских и религиозных праздничных дней. Излагались обязанности мастеров, караульной службы, правила организации торговли, работы кабаков, порядок пользования лесами, меры по предотвращению и тушению пожаров.

Большое значение, которое Татищев придавал деятельности школ, проявилось уже в самой структуре наказа — в нем была выделена особая глава 11 «О школах и учении детей», включавшая 22 развернутых пункта². Во введении к этой главе он обосновывает причины организации школ и первый же пункт посвящает строительству помещения для них:

Понеже здесь есть нужда и тягость немалая во отправлени[и] дел от недостатка помощников, письмо умеющих, також и дела без записок весьма смятны, что не токмо в несколько лет, но по прошествии нескольких месяцев уже обрести не можно, кто у какой работы был, что сделал, того ради желаю я, дабы здешней, так простой и упрямой народ хотя мало во обычаях чтанием книг пременить и во услуги е. в. способнейших учинить, заводы же довольством обученными чтания, писания, арифметики и геометрии в лутчее состояние и размножение привести, определяю построить школу для обучения всех детей здешних жителей таким образом.

1. Школы построить при Исецких заводах, две избы большия, между ими сени, окна красные, столы, скамьи и прочее, что потребно к тому, чтоб было плотно, гладко, чисто и бес скудости³.

Как видим, Татищев обосновывает необходимость школ целями практическими — для развития заводов и налаживания делопроизводства в органах управления ими, и просветительскими —

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М., 1990. С. 69–95.

² Там же. С. 87–89.

³ Там же. С. 87.

именно школы позволят подготовить молодое поколение, людей новой ментальности, на формирование сознания которых повлияет чтение книг, но опять-таки подчеркивает, что школы позволят «во услуги е. в. способнейших учинить».

В этом документе Татищев более четко в сравнении со штатами показал центральный характер екатеринбургских школ. Еще в 1721 г. он основал первые на Урале словесные школы при Уктусском, Алапаевском заводе и слободах при этом заводе, арифметические школы в Уктусе и городе Кунгуре¹. По наказу 1723 г. предполагалось открыть словесные школы при Екатеринбургском и Каменском заводах, Уктусскую арифметическую перевести в Екатеринбург, так как для параллельного обучения арифметике в двух близлежащих центрах не было еще достаточного числа обученных грамоте учащихся: в начале XVIII в. курс «наук» был строго последовательным, к арифметике приступали, получив твердые навыки в чтении и письме.

В Екатеринбургскую арифметическую должны были переводить учеников, закончивших словесные школы не только Екатеринбургского, но и Уктусского, Алапаевского, Каменского заводов, удаленных от Екатеринбурга на десятки верст. Постепенно на периферии предполагалось открыть свои арифметические школы, но и тогда центральный характер екатеринбургской не утрачивался: только здесь должны были продолжать обучение геометрии, черчению и рисованию выпускники других школ — эти предметы были необходимы для составления чертежей, планов заводов, рудников, дорог, населенных мест².

Чтобы ускорить подготовку специалистов высокой квалификации, в которых так нуждались заводы Урала, Татищев задумал превратить Екатеринбургскую арифметическую школу в учебное заведение, сочетавшее основы общего обучения с производственным трудом. «Когда которые возрастныя обучатся геометрии, — говорилось в наказе, — оных немедленно определять в работы, к каким делам кто охоту возымеет и место есть». Поскольку обучение геометрии предполагалось проводить только в Екатеринбургской

¹ См. подробно об этом: *Сафронова А. М.* Горнозаводские школы Урала в первой четверти XVIII века. Екатеринбург, 2022.

² *Татищев В. Н.* Записки. Письма. С. 88.

арифметической школе даже после постепенного открытия арифметических школ при других заводах, можно говорить, что и профессиональную подготовку планировалось ввести лишь в Екатеринбурге, причем для небольшой группы учащихся, закончивших обучение геометрии, а не приступивших к ней, как это было сделано в феврале 1723 г. в Уктусской арифметической.

Наказом закреплялся принцип соединения этой профессиональной подготовки с дальнейшим изучением школьных дисциплин: «и у тех работ быть им после обеда, а до обеда ходить в школу, доколе окончат науки». Поскольку после геометрии ученики приступали к черчению, а затем рисованию, обучение ремеслам должно было сочетаться с изучением этих специальных предметов.

В наказе Татищев впервые сформулировал положения о развитии сознательного подхода к обучению ремеслам у школьников, о взаимосвязи школьной и производственной «науки»:

...велеть ученикам, когда которой к работе придет, не токмо присматриваться, но и руками по возможности применяться о искусстве ремесла, в чем оно состоит, внятно уведомиться и рассуждать, из чего лучше или хуже может быть, которое мастера ремесл должны им открывать, а учитель показать, принадлежащие к тому чертежи начертить, старья смеривать и счерчивать и вновь, что потребно, прибавливать или убавливать¹.

Обращает на себя внимание призыв Татищева учитывать склонности и физические возможности детей при выборе ремесел:

определять в работы, к каким делам кто охоту возымеет и место есть», распределять «возрастных», «малолетних до удобности к работе, по окончании чертежей, учить знаменоват, а доколе мастера не будет, отпущать домой². Это, безусловно, являлось положительным моментом и, с одной стороны, облегчало овладение сложными профессиями, с другой, предотвращало огромную физическую перегрузку малолетних школьников.

Татищевым предусматривались меры заинтересованности учеников в профессиональном обучении: приступившим к нему должны были платить вознаграждение «до сущей работы» по 60 коп. на месяц или 7 руб. 20 коп. в год. Это примерно половина оклада кузнеца (15

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 89.

² Там же.

руб. в год), немногим меньше оклада заводских учеников при плотине (10 руб.), домне, литейной (12 руб.), занятых полный рабочий день. «Ежели где у ремесла опростаетца место подмастерское или работничье, оных учеников» предписывалось «производить прежде других, и оных оклад давать им, дабы чрез то к науке лучшую охоту возымели»¹.

Эти положения наказа явились первой в истории России программой соединения общего образования с профессиональным обучением на школьной скамье. В ходе ее изложения В. Н. Татищев впервые сформулировал четыре важнейших принципа профессионального обучения, используемых и поныне: введение практических занятий на определенной стадии общеобразовательной подготовки, установление по возможности тесных взаимосвязей между школьными и практическими занятиями, учет склонностей и физических возможностей детей при определении к ремеслам, использование таких методов заинтересованности в обучении, как введение оплаты ученического труда, преимущественного распределения учащихся на вакантные места.

В условиях острой нехватки грамотных людей, постоянного увеличения потока документов в заводских конторах и в главной канцелярии, в первую очередь учетных, наказом предусматривалось использование школьников для помощи подьячим:

Ежели для письма, когда во время сочинения ведомостей потребно будет, то брать от учителей человека по два и по три, за которое должны им подьячие заплатить, которым они помоществуют, по три копейки на день².

Обучение в школах объявлялось обязательным для «детей церковных и приказных служителей, мастерских, подмастерских и *всех завоцких жителей*», «вольнопришедших» предписывалось принимать «всякого чина людей»³ — потребность в грамотных была большая, многие заводские специальности были немислимы без умения писать, требовали знания арифметики, мастерским высокой квалификации были нужны основы геометрии, черчения. Поэтому

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 89.

² Там же.

³ Там же. С. 87.

наказом предусматривались строгие меры наказания за уклонение от обучения:

Ежели которой ученик от лености учиться не похочет и в школу ходить не будет, за оное брать с родителей или хозяев их, у кого они живут, пени, за первой день одну, за другой две, за третьей и большия по 3 копейки, и оныя деньги делить учителям¹.

Поскольку дети брались в школы не только из заводских поселков, но и из приписных к заводам слобод, а для обучения арифметике должны были свозиться в Екатеринбург с других казенных заводов, Татищев понимал, что без материальной поддержки они не смогут обучаться в школе. Наказом 1723 г. предписывалось зачислять на казенное жалованье всех взятых в школы из слобод и с других заводов, детям же сиротам и тем, чьи отцы имели до 12 руб. жалованья в год, оно должно было выплачиваться и при условии посещения школы по месту жительства. Размер жалованья оставался таким же, как в Уктусской и Алапаевской школах: по полтора пуда ржаной муки в месяц и 1 руб. в год на одежду и обувь².

Наказом определялся состав учебных пособий школ: чтению дети должны были обучаться по азбукам и часословам, при обучении письму, арифметике, черчению писать по черным деревянным доскам мелом, бумага распределялась между школьниками ограниченно: на арифметику — по 8 листов, геометрию и черчение — по 12 листов каждому. Циркули, транспортиры, чертежные перья для Екатеринбургской арифметической школы обязывался подготовить комиссар заводов, подрядив особого мастера для изготовления их с образца.

Если ученик что-либо из школьных пособий потеряет или испортит, он должен купить взамен утраченного или возместить его цену.

В наказе 1723 г. Татищев определил точное число часов занятий в день, сообразуя его в целях экономии свеч со временем года: летом — 12, осенью и весною — 9, зимою — 7 часов. Зимой, «в короткие дни», в арифметической школе учение должно было отменяться, ученики на месяц отпускатся домой, чтобы «ученное твердить», а по возвращении свидетельствоваться учителями, не забыли ли пройденное.

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 88.

² Там же. С. 88–89.

Наказом 1723 г. определялась программа светского и нравственного воспитания учащихся¹. Учителя обязывались учеников «обучить честно говорить, кланятца, старейших почитать словом и местом не токмо в школе, но и в домех», вставать при появлении постороннего лица в школе, отвечать ему «кратко с почитанием, а в лишней розговор и в спор не вступать». Учителя не должны были допускать сквернословия, брани между учениками, непристойных и вредных для здоровья игр.

Важное место уделялось религиозному воспитанию: по субботам до обеда попам или дьяконам приказывалось приходить в школу, читать Евангелие с катехизисом, толковать их, «дабы всяк знал, что запрещаетца и позволяетца». По воскресеньям и праздникам ученики должны были ходить в церковь, «читать книги по очереди на вечерне, утрени и обедне и притом обучаться пения согласного».

Отметим и такое положение, введенное в наказ Татищевым: «Також ученикам пред протчими детьми, которые не учатся, почтение должно отдано быть, не взирая на чин отца его и лета». Ученики отдавались в полную власть учителя: «Доколе оныя ученики в школе суть, не имеют над ними никто суда и власти, кроме учителя, разве дело коснется великое, то судить тому, где отец его судим»².

С учеников, поступивших в школу своею волею и не получавших казенного жалованья, учителям разрешалось брать «за труд»: за обучение чтению – 50 коп., письму – 30 коп., арифметике – 50, геометрии – рубль, за чертежи – два рубля, знаменованье – три рубля, «а сверх того кто похочет более дать или учитель меньше взять, оставлять в их волю»³.

В наказе формулировались и требования к личности учителя, меры воздействия на него в случае недостойного поведения:

Ежели учитель будет ленив, в науке оплошен и неспособен, учеников для своей корысти в дома без ведома отпускать, во определенных правилах не надзирать, за оное наказывать по пристойности вычетом денег, кованьем, работою и тому подобным. Ежели ж весьма негоден, то сыскать на его место достойнаго и донести

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 88.

² Там же. С. 89.

³ Там же.

обстоятельно в Горное начальство, а особливо пьянствующих учителей не терпеть¹.

В целом наказ 1723 г. определил основные стороны жизни екатеринбургских школ. Он являлся руководством для комиссара, ответственного за деятельность учебных заведений, а также для учителей, которые получали с него копии при вступлении в должность. Почти все его основные положения, касавшиеся екатеринбургских школ, были претворены в жизнь.

20 ноября 1723 г., за несколько дней до отъезда с Урала, В. Н. Татищев и В. И. Геннин подписали второй вариант составленного ими штатного расписания, которым предусматривалось увеличение оклада будущему учителю знаменования с 36 до 48 руб. в год, суммы на содержание екатеринбургских школ и жалованье школьникам увеличивались с 60 до 120 руб. При этом школы при Уктусском, Алапаевском, Каменском заводах в расписании уже не фигурировали, т. е. рост Екатеринбургской школы должен был происходить за счет снятия субсидий с учебных заведений других казенных заводов². Повидимому, эти изменения были внесены в штаты по предложению Геннина — ведь месяцем ранее в наказе Неклюдову Татищев планировал не только сохранить, но и развить сеть заводских школ.

В конце 1723 г. Татищев доставил эти штаты в Берг-коллегию, 11 февраля 1724 г. состоялось их обсуждение. Члены Берг-коллегии предписали:

Школьнику Рыбникову для обучения учеников быть в геометрической школе, жалованье ему давать до указу по тридцати по шти рублев в год. И школьников же ис Кунгура, которые пожелают, свести их в одно место на Екатеринбургские заводы, а на содержание оной школы дабы определить из заводских прибыльных денег по триста рублев в год, и ис того содержать оных до ста человек.

И того смотреть, чтоб в том жалованье содержаны были токмо самыя бедныя, которые кроме оного жалованья пропитатца не могут, а у которых есть отцы, которые их могут от себя пропитать, и таких обучать на их кошта и написать оных учеников в Табель³.

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 88.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 758. Л. 4.

³ Там же. Л. 17 об.

Таким образом, Берг-коллегией были внесены существенные коррективы в основы деятельности будущих екатеринбургских школ: увеличено жалование Рыбникову с 24 до 36 руб. в год, а между тем, как сообщал Геннин в своем мнении на исправленный Берг-коллегией штат в августе 1724 г., были убавлены оклады некоторым дельным работникам, например, Гордееву и Клеопину¹. Суммы же на содержание школ были увеличены со 120 до 300 руб. в год, но за счет закрытия Кунгурской школы, и таким образом окончательно predetermined судьба екатеринбургских — они стали единственными государственными учебными заведениями на горнозаводском Урале на протяжении последующих десяти лет.

В феврале 1724 г. Геннин доносил в Берг-коллегию:

Солдаты ныне строят в Екатеринбурге другую молотовую, лудильню, гостиной двор, церковь, хлебной анбар, тюрьму, письмохранительную полату, анбар...больницу, школу, корчмы и постоянные дворы².

Представление о помещении школы дает предыдущее доношение Геннина в центр, посланное в январе: «канцелярия Обер-Берг-Амта построена на каменном основании»; около нее «школа – две светлицы учебных и команда для учителя и хранения книг и инструментов и прочего, в которой будет до 100 человек обучатся младенцев, которые до днесь на Уктуссе собраны»³.

Первой была переведена с Уктусского завода в Екатеринбург арифметическая школа. Дата ее перевода установлена историком А.Г. Козловым — 17 марта 1724 г.⁴ К сожалению, каких-либо документов о ее переезде выявить не удалось. Словесную школу оставили еще на некоторое время на Уктусе. Только по прошествии года, в апреле 1725-го, комиссар Неклюдов, уезжая на Уткинскую пристань, дал инструкцию надзирателю лесов Шеинкову:

корчму очистить и поставить окончины, а когда она будет в готовности, перевести с Уктуса и здешних всех школьников. Велено быть во оной корчме всем, для того, чтоб они были при одном надзирании, и над учителя смотреть накрепко, чтоб они учеников

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1010. Л. 310, 311.

² Там же. Д. 1036. Л. 96 об.

³ *Нечаев Н. В.* Школы при горных заводах Урала ... С. 42.

⁴ *Козлов А. Г.* Вехи истории: (К 250-летию Свердловска). Свердловск, 1973. С. 9–10.

обучали прилежно и содержали их порядочно, как у них о том данные инструкции повелевают¹.

В конце апреля 1725 г. «оная корчма строением в совершенство окончилась», и 27 апреля Шеинков послал уктусскому приказчику Никите Петрову указ: отправить в Екатеринбург учителя, учеников «и что при той школе обреталось книг и прочего для обучения школьников», перевезти столы и скамьи, все «прислать сюда без остатку»². И хотя приказывалось сделать это «в немедленном времени», прошел почти месяц, пока словесная школа перебралась в Екатеринбург³.

Судя по доношению Уктусской заводской конторы, это произошло 21 мая 1725 г. — 56 учеников вместе с учителем и всем школьным имуществом прибыли на новый завод. Учебные пособия и мебель перевезли, видимо, на лошади: 33 книги, 30 досок для письма, ящик «для держания книг», два больших стола, три скамьи⁴.

Поскольку Неклюдов приказал разместить всех учеников в одном месте, арифметическая школа также должна была перебраться в корчму. Причины, почему школы не могли действовать в специально выстроенном для них здании, не ясны. Геннин сообщал в центр, что оно рассчитано на 100 человек, следовательно, о тесноте его речи идти не могло. Возможно, строившееся для школы здание понадобилось под какое-то другое учреждение.

Так, в Екатеринбурге появились собственные учебные заведения, которым суждена была долгая жизнь и которые сыграли важную роль в формировании Екатеринбурга как центра образования горнозаводского Урала.

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 9. Л. 92.

² Там же.

³ Там же. Л. 94.

⁴ Там же. Л. 93–94.

Глава 2.

УЧИТЕЛЯ СЛОВЕСНОЙ ШКОЛЫ ЕКАТЕРИНБУРГА (1725–1734)

До последней четверти XVIII в. в России не существовало специальных учебных заведений, которые бы готовили учителей школ. Каждое ведомство, открывавшее школы, заботилось о подборе кадров, используя свои возможности: назначали церковнослужителей, отставных солдат, писчиков, в цифирные школы рассылали учеников Московской школы навигаторов, Морской академии. На Урале, где быстрыми темпами строились заводы, требовавшие десятки грамотных людей и специалистов, было особенно трудно найти не занятых на производстве или в многочисленных конторах людей, которых можно было использовать в качестве учителей.

В первых словесных школах Уктусского и Алапаевского заводов в 1721 г. обучать обязали «по совместительству» служителей церкви — дьячка и дьякона. Уктусский дьячок Петр Федоров оказался в письме «не искусен», его заменили местным обывателем Копыловым, но и от него пришлось отказаться из-за пьянства, вернуть прежнего учителя, прозванного к тому времени Грамотчиковым¹. Несмотря на такую фамилию, обучал он плохо. И когда в 1724 г. на Уктусе объявился отставной дьячок с Каменского завода Яков Попов, рискнувший обратиться с прошением о приеме на должность учителя, его не только предпочли Грамотчикову, но с последнего решили взыскать выплаченное жалование — как штраф «за неприлежное обучение» детей².

Из-за горького опыта с первыми учителями Попова предписывалось в случае плохого отношения к работе и пьянства «держат у обучения всегда под караулом, а временем и сковано». Но это предостережение оказалось излишним.

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 11. Л. 43.

² Там же. Д. 7. Л. 97.

Яков Попов – первый учитель грамоты в Екатеринбурге (май 1725 – май 1729)

Это был пожилой человек, уже покинувший по старости должность дьячка в церкви Трех Святителей при Каменском заводе. Он переменил место жительства, перебрался на Уктусский завод вслед за двумя сыновьями, зачисленными властями в марте 1723 г. в арифметическую школу при этом заводе. В январе 1724 г. Екатеринбургская заводская контора сообщала в Обер-бергамт: из-за детей «... он съехал ... на Уктуския заводы, а ни х какому делу... не определен, и желает ... обучать словесную школу читать и писать, и которые пожелают, отчасти и пения», и просит определить учителем с жалованьем¹. Просьбу Якова Попова удовлетворили, поскольку дьячок местной Николаевской церкви Федор Грамотчиков писал плохо, помогал ему в обучении письму собственный сын, ученик арифметической школы. Жалованье Попову назначили малое, всего 9 руб. в год, как и Грамотчикову, в то время как копиисты Обер-бергамта, заводских контор получали по 12 руб. Новому учителю, сменившему место жительства, приходилось постоянно просить о выдаче части жалованья раньше положенного срока, вместо трети года – за конкретные месяцы: деньги требовались на обустройство, за оплату жилья, заготовку сена для скота, на питание себе и детям². Яков Попов и стал первым учителем Екатеринбургской словесной школы, переведенным вместе с учениками и имеющимися школьными припасами с Уктусского завода в Екатеринбург.

Указ об этом был отправлен в Уктус приказчику Никите Петрову из Екатеринбургской заводской конторы 28 апреля 1725 г.: прислать «сюда словесной школы учителя с ученики и со всем прибором ко учению в немедлении». При этом предписывалось

корчму очистить и поставить окончины, и запоры, и пристойное число столов, скамей, а когда она будет в готовности, перевести с Уктуса и здешних всех школьников, и велено быть им во оной корчме всем для того, чтоб они были при одном надзирании...³.

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 97.

² См. об этом: *Сафронова А. М.* Горнозаводские школы Урала в первой четверти XVIII века. С. 36–39.

³ ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 92.

Потребовался еще месяц на доведение корчмы в порядок, и 21 мая в Екатеринбургской конторе отмечено: «Учитель с учениками и со всем прибором при доношении прислан»¹. Ясно, что обе школы стали размещаться в одном новом здании.

В Екатеринбург вместе с учителем прибыло 56 учащихся, из них казенное жалованье получала незначительная часть, — всего 10 человек или 17,8 %. Переведенные с Уктуса в Екатеринбург ученики были жителями не только Уктусского завода, отстоявшего от Екатеринбургского на 7 верст, но и Алапаевского, Каменского, удаленных на 90 и 132 версты, близлежащих к ним острогов и приписных слобод. В ведомости школы за март 1725 г., накануне ее переезда в Екатеринбург, числилось 60 учеников, из них 40 новеньких. Большую часть учащихся составляли дети с Уктусского завода, 27 из них были зачислены в результате переписи в ноябре 1724 г., когда приказывалось учесть детей и в приписных слободах «у всех церковных, приказных служителей, мастерских, подмастерских и всех заводских жителей, кроме крестьян и бобылей..., от 7 до 15 лет, которые не определены в школу». Не взяли учиться больных (глухих, косноязычных детей) и отказали 15-летним как великовозрастным².

Фамилии восьми учащихся шли в ведомости под рубрикой «в письме тверждения рук Алапаевские» и четверо как «Катеринбургские»: «в часословах» — Иван и Петр Левзины (вероятно, дети секретаря В. И. Геннина Матвея Ловзина) и Устин Глазунов; Ефим Мокроносков «в письме тверждения рук».

На протяжении всех четырех лет работы Попову приходилось принимать новых учеников — Екатеринбургская словесная школа интенсивно пополнялась. Указом Сената от 14 июля 1725 г. разрешалось приписных к заводам крестьян, зачисленных в число рекрутов, вместо отправки в армию «определять в заводские работы и обучать всякому мастерству, из них же содержать для охранения заводов и пограничных слобод»³. Екатеринбургская заводская контора в октябре 1725 г. отправила в подчиненные конторы Уктусского, Каменского, Алапаевского заводов указ: у определенных в мастерства людей, записанных в подушный оклад, «детей их

¹ ГАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 4. Л. 65 об.

² См.: Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 66. Л. 686–687.

³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 5. Л. 180 об.

определять в науки»¹. Собирались в школу и дети боярские: в декабре 1725 г. Иван Будаков и Осип Голенищев были взяты учиться грамоте².

На протяжении 1726 г. школу постоянно пополняли группы детей, вызывавшихся на смотр с Алапаевского и Каменского заводов. На Алапаевский завод в феврале поступил указ о переписи приказных, мастеровых людей и прочих служителей, их детей, братьев, пасынков и других родственников мужского пола с указанием лет³. По ее итогам Обер-бергамт устраивал смотры детей и распределял их к делам, а малолетних в школы.

В июне 1726 г. В. И. Геннин, отправляясь в поездку по заводам, издал указ, 30-м пунктом которого предписывалось Обер-бергамту собрать к смотру мастерских детей Каменского завода и распределить на свободные места, согласно новым штатам, а *малолетних определить в школу* с оговоркой:

...буде же явится, что у отца один сын и есть, а он при старости или дряхл, или один сын явится у вдовы, таких не брать и отдавать отцам или матерем их возвратно⁴.

В середине сентября 21 человек с этого завода пополнил школу. Но явились далеко не все. Каменской конторе предписали набрать из детей мастеровых 41 человека, чтобы заполнить все 100 комплектных мест в обеих школах⁵, положенных согласно заводским штатам 1726 г.

Екатеринбургская земская контора в 1726 г. представляла к смотру своих подопечных — детей подьячих, писчиков, детей боярских из слобод, приписных ко всем четырем заводам. Земские комиссары обязывались подписаться, что никто на их территории не остался вне смотра, и отметить тех, кто в отлучке⁶. В апреле Обер-бергамт постановил: впредь присылать всех разночинцев разом, а не порознь, чтобы не было подставок⁷.

В целом, документы показывают, что уральская администрация в 1726 г. пристально следила за зачислением детей в екатеринбургские

¹ ГАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 4. Л. 178 об.

² Там же. Л. 225.

³ Там же. Д. 7. Л. 7.

⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 795. Л. 158 об.

⁵ Там же. Л. 324–324 об.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 101.

⁷ Там же. Л. 146 об.

школы и оставляла дома лишь одного ребенка. При этом руководствовалась не отвлеченными идеями о просвещении подрастающего поколения, а меркантильными интересами ведомства: в грамотных ощущалась острая нужда, часть штатных мест нечем было укомплектовать.

Новыми заводскими штатами 1726 г. вводился комплект учащихся в обеих школах «до 100 человек, которых содержать на гошпитальные деньги», вычитаемые из жалованья у работников по 1 коп. с рубля. Жалованье Попову было увеличено до 12 руб. в год¹.

Указом от 20 сентября 1726 г. Берг-коллегия разрешила определять в заводские ученики *«из драгунских и салдатских детей и протчих чинов людей, також и ис приписных сирот, кои неспособны ко обучению в школу»*². Получив указ в канун нового года, В. И. Геннин и член Обер-бергамта Р. Ф. Горчаков 30 декабря определили:

«сирот и всякого звания, також драгунских и салдатских и других разночинцов» заводского ведомства «детей малолетних определить всех в комплект по Табелю в школу для обучения», одного из сыновей оставлять при отцах³.

В июле 1727 г. В. И. Геннин вынес приговор:

...у всех здешних жителей, мастеровых людей и бобылей, и разночинцов, забрать всех детей и родственников, которые обретаются не у дел ко смотру и переписать», годных определить в работу, малолетних — в школу, чтобы был полный комплект⁴.

3 октября 1727 повторно предписал:

А понеже сколько известно, что школьников комплекта ста человек не имеетца, того ради набрать из здешних шатающихся ребят и определить в школу, чтоб был комплект полной, сто человек, которых велеть обучать с прилежностью⁵.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 10. С. 92.

² Там же. Д. 194. Л. 155–155 об.

³ Там же. Л. 465–465 об.

⁴ Там же. Л. 77.

⁵ Там же. Д. 195. Л. 491–491 об.

Но судя по списку учеников в мае 1728 г., по прошествии трех лет деятельности словесной школы в Екатеринбурге, в ней не осталось ни одного ученика с этого завода! Большинство, 16 человек, было с Каменского завода, 11 — с Алапаевского, 10 — с Уктусского, причем все — дети заводских работников, за исключением одного, сына уктусского «жителя». Пятеро были из Камышловской слободы — трое детей боярских (Иван Булдаков, Федор Ярцев и Дмитрий Чернышев) и двое детей отставного писчика Голубева. Всего у Попова обучалось грамоте 42 ученика¹.

В делах Обер-бергамта имеется сводный реестр переписанного населения 1728 г., не определенного к делам: детей, пасынков, племянников мастеровых, бобылей, разночинцев, причем не только Екатеринбургского завода, но и прилегающих поселений — жителей деревни Мелковой, например². Реестр не датирован, но время проведения «разбора» детей и юношей по нему выясняется из последующих документов — 1 апреля 1728 г. «разбор» завершился³. Всего официально было принято 93 человека, вероятно, несколько «возрастных» учеников были готовы обучаться в школе арифметической, завершая усвоение грамоты на дому.

Среди 88 человек, направлявшихся в школу безоговорочно, 75 были детьми мастеровых (35 детей мастеров, 27 — подмастерьев, 13 — заводских работников), трое — детьми приказных, двое — писчиков и 8 — прочих разночинцев (целовальника, церковного старосты, бывшего дьячка и т. д.). Возраст их колебался от 7 до 18 лет: 31 человек как раз подросли к зачислению, им было по 7–8 лет, 9-летних — 11 человек, 10–11-летних набралось поровну — по 8 человек, 12-летних — трое, 13-летних — 9, 14-летних — 11, 15-летних — двое, 16 летних — 4, 18 летних — 1.

Но эти ребята не считались еще официально определенными, не включались в списки школьников, составлявшиеся в мае—июне 1728 г., может, потому что подавались в связи с предстоящим решением вопроса о жалованье вновь набранных. С мая до конца июня велось выяснение, сколько учеников в словесной школе, сколько в комплекте на жалованье в обеих, делалась прикидка, чтобы не выйти за пределы комплекта при зачислении вновь принятых.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 177. Л. 94 об.–95.

² Там же. Л. 77–93.

³ Там же. Л. 97.

Только 28 июня 1728 г. в Сибирском обер-бергамте слушали реестр переписи и предложения о назначении жалованья. В обеих школах жалованье получали 59 человек, из вновь принятых право на него имели 52, что превышало комплект на 11 человек. Решено было принять 93 человека по реестру, 52-м назначить жалованье с 1 июня 1728 г., а лишних 11 учеников из «возрастных и непонятных» распределить к делам¹. Так состоялось официальное зачисление первой большой партии юных екатеринбуржцев для обучения грамоте.

Ясно, что нагрузка на учителя ложилась большая, школа постоянно пополнялась новыми учениками. Одновременно дети непонятливые, заболевшие трудно излечимыми болезнями, из школы увольнялись. Овладевшие письмом переводились для овладения новой «наукой» – в школу арифметическую.

Наряду с обучением детей грамоте учителю приходилось самому хлопотать о приобретении новых учебных пособий – в марте 1725 г., накануне переезда в Екатеринбург, весной 1728 г. в связи с новым пополнением школы.

Поскольку книги от постоянного употребления большим числом учащихся портились, выпадали и терялись листы, обрывались края листов, стирался текст, их приходилось чинить, эта обязанность вменялась самому учителю. В ноябре 1725 г. заводская контора просила контору казенную «о покупке и о присылке одной кожи телячьинной в словесную школу для починки азбуков»².

В октябре 1726 г. Попов просил дать ему для починки учебников бумаги, кожи, клею и освободить его на это время от переплета конторских книг. В апреле 1728 г., на третий день после решения о передаче закупленных когда-то для Каменской школы пособий в Екатеринбургскую, Попов снова просил заводскую контору прислать для переплета и оклейки книг по фунту ниток и мутоуза (тесмы), 4 фунта клею; в октябре того же года — нитей фунт, мутоуза — 3 фунта³.

Руководство Сибирского обер-бергамта использовало это умение учителя, и постоянно вызывало Попова для переплета документов, в большом количестве формировавшихся как в делопроизводстве этого

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 177. Л. 105 об.

² Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 4. Л. 197

³ Там же. Д. 9. Л. 120 об., 175 об.

учреждения, так и в конторах Екатеринбурга. Попов поднаторел в этом занятии и стал настоящим мастером-переплетчиком. Эту побочную работу уральское начальство ставило порой выше его занятий в школе. Так, в октябре 1726 г. Попову приказали конторские книги переплести «без замедления», а если из-за одновременной починки учебных книг не хватит времени на обучение школьников, разрешалось передать это главное занятие на время старшему ученику¹.

К переплету дел в Екатеринбург Попов начал привлекаться, еще работая на Уктусе, и добился оплаты этого труда. 14 марта 1724 г. подал прошение: «Сего 724 году переплетал я здесь в Канцелярии всякие письма и книги..., а за работу... мне платы не было». 19 марта на Уктус прикащику Петрову пришло письмо из Екатеринбурга: «...пришли суда дьячка каменского Якова для переплета писем конечно сего дни..., понеже оной дьячок без ведома вчерашнего числа из Обер-бергамта бежал»². Деньги за переплет ему выплатили.

Но в августе 1726 г. В. И. Геннин и Р. Ф. Горчаков приказали купить для переплета кож, клея, ниток, сколько понадобится,

...дела все, имеющиеся во Обер-бергамте, переплесть в кожанья обертки показанному словесной школы учителю *за ево окладное жалование*, и покамест он дела переплетать будет, велеть обучать учеников, кому он из учеников своих лутчих в науке прикажет.³

В декабре 1728 г. учитель Попов потребовал «*на дело приходных и расходных книг на все заводы и в дистрикты*» клею 10 фунтов, холста 212 аршин, муки, шнура 300 аршин⁴. Сам объем затребованных и полученных материалов свидетельствует, что масштабы его работы по переплету дел были огромны. По сути, Яков Попов, учитель, переплел все документы за 1725–1728 гг., хранящиеся сейчас в Государственном архиве Свердловской области, которые широко используются исследователями.

Но в мае 1733 г. в ходе проверки счетов, выписанных казначеем И. Замощиковым, была обнаружена выплата Попову «без указа» 3 руб. 34 коп., которые предписывалось взыскать на его детях,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 368 об.

² Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 273.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л.

⁴ Там же. Д. 196. Л. 479.

Василии и Прокопии¹. И эта сумма свидетельствует о больших масштабах переплетных работ, осуществлявшихся Поповым, параллельно обучению детей грамоте.

В. И. Геннин 3 октября 1727 г., в связи с предстоящим пополнением словесной школы в результате переписи юных жителей Екатеринбургa, приказал *«учителя Попова переменить для того, что он плохо учит и потакает ребятам, да и глазами мало видит»*². Видимо, характер Якова Попова был мягким, он не отличался строгостью к ученикам. Заметим, обучал он в основном детей, взятых с других заводов, оторванных от семьи на долгое время, и, может, такое отношение к ученикам было предпочтительнее, чем строгость, перерастающая в злобу и свирепость.

Но замены Попову не нашлось. В декабре 1727 г. он обучал 66 учеников, азбуку начал один, часослов обучали 53, псалтирь — двое, десять человек учились писать³. В связи с новым приемом детей в 1728 г. девять «возрастных» учащихся из словесной школы были распределены на Уктусский и Полевской заводы, еще пятерых учитель представил к распределению дополнительно⁴.

Судя по позднейшим выпискам, сделанным в связи с прошением младшего сына Попова, Никиты, об определении в школу, его отец скончался 21 мая 1729 г.⁵ Поскольку новый учитель пришел в школу 2 мая 1729 г., можно считать, что Попов трудился на ниве просвещения еще полтора года после неудачной попытки заменить его, почти до последних дней своей жизни. Всего он проработал учителем более пяти лет, из них четыре года — в Екатеринбургe и обучил чтению и письму более сотни детей со всех четырех казенных заводов — Уктусского, Алапаевского, Каменского, Екатеринбургского. Были среди них и жители нескольких приписных к заводам слобод.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 210. Л. 29.

² Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 195. Л. 491–491 об.

³ Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала... С. 67.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 177. Л. 121 об., 122 об.

⁵ Там же. Оп. 12. Д. 202. Л. 88.

Учитель Иван Патрушев (май 1729 г. – февраль 1730)

Нового учителя — Ивана Кобелева, видимо из-за не звучности фамилии, стали называть Патрушевым¹. Э.А. Пензин полагал, что это разные личности и писал о смене трех человек на учительской должности в Екатеринбурге в 1729 г.² Между тем документы говорят о прямой замене Попова Патрушевым. 2 мая 1729 г., одновременно со сменой учителей арифметической школы был решен вопрос и о замене учителя словесной:

А в словесной школе учителем на место негодного учителя Якова Попова быть екатеринбургскому жителю Ивану Кобелеву и школьников обучать с прилежностью³.

Жалованье ему определили «по Табелю» 12 руб. в год, как и Попову, ровно в два раза меньше, чем учителю школы арифметической.

Иван Патрушев – уроженец города Кунгура, «в малых годах» пришел в Арамилскую слободу, прожил в ней лет 15, бежал от разорительного набега башкир, находился в Шадринском остроге «у письма площадных дел», т.е. писал для жителей различные бумаги за плату, потом устроился в Окуневском остроге «у письма мирских дел молодым подьячим». В течение двух лет, во время строительства Верхнеуктусского завода, он пробыл у записки работников, потом два месяца трудился в Арамилской слободе «у письма мирских дел», но от того письма крестьянским миром был отставлен. В 1722 г. поставлен в пономари в Николаевскую церковь на Уктусском заводе, но священник и церковный староста отказали ему, так как бранился, «непослушен был», называл старосту клеветником. Этот послужной список был составлен после ухода Патрушева из школы в связи с подачей им прошения о выдаче жалованья за последние полтора месяца работы⁴.

Не известно, кем работал Патрушев непосредственно перед назначением на должность учителя. Ясно лишь, что он, как и Попов, был пожилым человеком, но имел тяжелый характер, и недолго удерживался на одном месте. Школа не стала исключением — через

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 198. Л. 4–5.

² Пензин Э. А. Школы при горных заводах Урала в первой трети XVIII в. С. 71.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 198. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 202. Л. 292–293.

восемь с половиной месяцев, 14 февраля 1730 г., Патрушева «по старости» уволили¹. По прошествии двух недель после увольнения, во время посещения школы членом Обер-бергамта, надзиравшим за школами, Р. Ф. Горчаковым, ученики подали ему доношение о взятках бывшего учителя. 16 человек написали, сколько давали ему: четверо заплатили по 2 коп., девять учеников — по 3 коп., с троих учитель взял по-крупному — 13 коп., 20 коп., муки ржаной полтора пуда, а это – месячный провиант школьника! Горчаков донес о взятках в Сибирский обер-бергамт, и Патрушева арестовали. Через две недели был вынесен приговор: высечь его плетьюми нещадно, взятые им деньги и хлеб отдать школьникам с распиской².

Только в октябре 1730 г. Патрушев решился просить о выдаче ему жалованья за январь и 17 дней февраля, и в этом схитрил, прибавив 4 лишних дня, получил деньги лишь в феврале 1731 г. с предписанием быть записанным в бобыли на Уктусском заводе, платить подушные деньги, «в заводских работах быть ему с ними в равенстве»³.

Сергей Иванович Ярцев (февраль 1730 – ноябрь 1734)

В феврале 1730 г. впервые в словесную школу пришел молодой учитель Сергей Ярцев, человек не случайный, как Патрушев, — выпускник уральских школ. Титул дворянина и землю с крестьянами получил еще его дед, а отец погиб в ходе Северной войны⁴. По данным А. Г. Козлова он – сын верхотурского дворянина, родился в 1703 г. «Начал службу в 1720 г., продолжил в горном ведомстве с 1723 г.»⁵. Но как нам удалось установить, только в апреле 1723 г. в ходе очередного набора Сергей Ярцев, обученный грамоте на дому, был взят в арифметическую школу Уктусского завода⁶, закончил обучение уже в Екатеринбургской.

Был учеником при плавильных делах на Екатеринбургском заводе с жалованьем 12 руб. 96 коп. в год, посылался на Пыскорский и

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 202. Л. 291.

² Там же. Д. 199. Л. 264.

³ Там же. Д. 201. Л. 285 об.

⁴ См.: *Корепанов Н. С.* Первый век Екатеринбургa. Екатеринбург, 2005. С. 122.

⁵ См.: *Козлов А. Г.* Творцы науки и техники на Урале XVII – начало XX века. Свердловск, 1981. С. 179.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 1208.

Егошихинский заводы учиться «в литье меди к платному делу». В феврале 1726 г. был отправлен по-прежнему к Екатеринбургским плавильным делам. В Табели заводов в июне 1726 г. показан учеником «при штыковом горне», ему предписывалось быть при платном дворе, когда бывает там нужда в переплавке на штыки медных платных обресков»¹. По-видимому, отличался сметкой — осенью 1727 г. посылался на Пыскорский завод «для показания, как лить медные штыки»². В том же году его перевели в ученики при штаб-лекаре Спринцеле, с тем же жалованьем. 14 февраля 1730 г. Ярцев подал прошение об отставке с должности лекарского ученика «за увечьем ноги» – видимо, в госпитале ему приходилось много ходить, ухаживая за больными, и нога болела. Так Ярцев оказался на должности учителя в возрасте 26–27 лет³.

В ведомости за майскую треть 1730 г. у него числилось 90 учащихся, по современным меркам, он один обучал три класса, причем успешно!⁴ В январе 1733 г. Ярцев закончил обучать грамоте сразу 21 ученика, и они были переведены учиться арифметике⁵.

В штате уральских заводов в ноябре 1733 г. показано в школе «словесной мастеров 1», жалованье – 24 руб.⁶ По акту о передаче заводов от Геннина Татищеву (октябрь 1734 г.) у него числилось 70 учащихся, из них шестеро – «в твержении письма», 16 обучались письму, трое читали псалтирь, 45 – часослов. При этом 40 человек начали обучение 1 марта 1734 г., из них четверо уже писали, двое учили псалтирь, т. е. навыки грамоты приобрели еще на дому.

Видимо, в связи с увеличившейся нагрузкой Ярцев как учитель был показан шихтмейстером с 1 июня 1734 г.⁷, т. е. ему был присвоен младший офицерский чин. Жалованье он стал получать уже повышенное – 36 руб. в год⁸.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 10. С. 46.

² Там же. Оп. 12. Д. 194. Л. 33 об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 237. Л. 126; Оп. 12. Д. 195. Л. 439–439 об.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 237. Л. 597 об.

⁵ Там же. Оп. 12. Д. 209. Л. 18.

⁶ Там же. Д. 16. Л. 6 об.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 450. Т. 2. Л. 213–214.

⁸ *Геннин В. И.* Описание Уральских и Сибирских заводов. С. 101.

Сергей Ярцев проработал в школе почти пять лет, 25 ноября 1734 г. он был назначен В. Н. Татищевым на должность шихтмейстера на Шайтанский завод А. Н. Демидова¹, до января 1735 г. шихтмейстеров готовили к их будущим обязанностям как представителям государства от его имени контролирующим деятельность частных заводов. Но жалоба могущественного А.Н. Демидова в Кабинет министров послужила поводом к отмене института шихтмейстеров согласно его резолюции от 12 декабря 1735 г. Сергей Ярцев после этого так и остался на заводских должностях. С 1748 г. возглавлял Верх-Исетский завод, с 1751 г. – Алапаевский².

Федор Корноушенков (ноябрь 1734 – ноябрь 1735)

На том же заседании Канцелярии Главного заводов правления от 25 ноября 1734 г., одновременно с назначением Ярцева в шихтмейстеры на завод Демидова, был решен и вопрос с его заменой:

...а вместо ево у обучения робят словесному быть до рассмотрения и пока к тому достойный сыщетца ис присланных в сылку без наказания Федору Корноушенку³.

Жалованье ему как ссыльному назначили 15 руб. в год⁴.

Так состав учителей Екатеринбурга впервые пополнился ссыльным, причем предполагалось, что это будет человек временный, до появления достойной кандидатуры. Но получилось так, что он положил начало комплектованию учителей грамоты Екатеринбурга людьми, оказавшимися здесь в ссылке, и стал первым в их списке.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 492.

² См.: *Козлов А. Г.* Творцы науки и техники...С. 179.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 492.

⁴ Там же. Л. 493.

Глава 3.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ АРИФМЕТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ (1724–1734)

Подбор учителей в арифметическую школу был еще более затруднительным, чем в словесную. В 1721 г., открывая первые арифметические школы при заводах, В. Н. Татищев просил сибирского губернатора А. М. Черкасского прислать двух-трех выпускников из Тобольска — там действовала одна из крупнейших в России цифирных школ, — но получил отказ¹. Пришлось в течение нескольких лет в Уктусской и Кунгурской школах вести занятия Степану Братцеву и Дмитрию Одинцову, выпускникам московской Артиллерийской школы, прибывшим на Урал вместе с В. Н. Татищевым в 1720 г. Преподавание в школе они совмещали с исполнением заводской должности шихтмейстера. Братцев ведал приходом–расходом припасов на Уктусском заводе, а Одинцов контролировал работу рудников близ Кунгура. За обучение математике они не получали какой-либо дополнительной оплаты. Только в 1722 г., по прибытии из Москвы новой партии выпускников Артиллерийской школы, в Уктусскую арифметическую был назначен первый «освобожденный» учитель, солдатский сын Петр Рыбников «из геометрии»².

Петр Константинович Рыбников (март 1724 – август 1725)

Петр Рыбников стал первым «освобожденным» учителем арифметики и геометрии на горнозаводском Урале. С января 1723 г. как учитель Уктусской арифметической школы он стал получать жалованье по 24 руб. в год. В апреле 1723 г. в «Росписи приказным служителям всех заводов и земского правления с их годовым денежным и хлебным жалованьем» — по сути, первом прообразе штатов³, на строящемся Исетском заводе учителю арифметики и

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 117–117 об.

² Там же. Д. 616. Л. 173–174.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 624–625 об.

геометрии показано «давать до указа» 24 руб. Начальник заводов В. И. Геннин, рассматривая Табель, 22 апреля 1723 г. приговорил: с 1 мая 1723 г. ввести новые размеры жалованья, согласно ее положениям¹. Т. е. уже в апреле, за несколько месяцев до пуска нового Екатеринбургского завода в строй, предполагался перевод туда арифметической школы с Уктусского завода. В Табели казенных заводов в ноябре 1723 г. Рыбников показан солдатским сыном, учителем арифметики и геометрии в школе Екатеринбургa с жалованьем 24 руб. в год, с пометой — впредь быть «по-прежнему»².

Рыбников преподавал ученикам наряду с арифметикой и геометрию. К геометрии лучшие ученики приступили еще на Уктусе в начале 1723 г. Но в «Росписи приказным служителем всех заводов...» в апреле 1723 г. на строящемся Исетском заводе наряду с учителем арифметики и геометрии было показано еще два учителя — черчения и знаменования (рисования) — с жалованьем по 36 руб. в год каждому³.

На вакантные должности учителей черчения и рисования, которых невозможно было найти на Урале, В. И. Геннин дважды в 1723 г. просил Берг-коллегию найти специалистов в столице⁴. В феврале 1724 г. в ответ на это Берг-коллегия предписала:

...в учителя велеть брать из тамошних, которыя посланы из Берг-коллегии от артиллерийских наук, кого пристойно..., а нарочных из Санкт-Питербурха туда посылать есть не без убытка, понеже станут требовать великаго жалованья⁵.

Если учесть предшествующие доношения уральской администрации о трудностях с подбором учителей, занятости выпускников московских школ на заводских должностях⁶, такое решение центра было недалновидным и его можно расценить как отписку. Правда, при рассмотрении первых штатов уральских заводов в том же феврале 1724 г. члены Берг-коллегия вынесли свое определение, так и оставшееся на бумаге:

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 625 об.

² Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. С. 161.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 624–625 об.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1527. Л. 41.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 10. Л. 95 об.

⁶ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 117 об.; Д. 621. Л. 110–125 об.

Учителю в школе знаменительному и чертежному быть одному и требовать оного из Артиллерии», жалованья ему против Табели генерала-маэора сорок восемь рублей¹.

Арифметическая школа была переведена с Уктусского завода в Екатеринбург первой, годом раньше словесной. Как уже отмечалось, в январе 1724 г. Геннин доносил в Берг-коллегию о строительстве помещения для нее, рядом с Обер-бергамтом из двух светлиц и помещения для учителя, хранения книг и инструментов.

Дата перевода школы в Екатеринбург установлена историком А. Г. Козловым — 17 марта 1724 г.² К сожалению, каких-либо документов о ее переезде нам выявить не удалось, как и ведомостей о численности ее учащихся. Являясь «освобожденным» учителем наряду с обучением подростков Рыбников выполнял и отдельные поручения начальства, требовавшие его знаний. В первые недели строительства Екатеринбургского завода, 27 марта 1723 г., Геннин приказал только что назначенному им комиссаром Ф. Еварлакову:

Послать тебе геометрической школы учителя Рыбникова, велеть ему от Уктусских до Исетских заводов провести прямую дорогу шириною 6 сажен. И оную измерить, и поставить столбы с подписанием на обе стороны. По речкам и болотам сделать мосты, а на малых грязях гати шириною 3 сажен. По обе стороны прокопать рвы глубиною и шириною с аршин³.

Перед нами – яркое описание сложных условий, в которых учителю приходилось делать это измерение, наверняка, используя и своих учеников. Эта новая дорога между Уктусским заводом и Екатеринбургом составила тогда, согласно данным Геннина, 7 верст⁴, позже превратилась в Уктусскую улицу, соединявшую два завода.

Подобные поручения давались Рыбникову и после перевода школы в Екатеринбург. В описи документов Алапаевского завода за 16 марта 1725 г. зафиксирован указ из Екатеринбургской заводской конторы «о меряни[и] верст с Алапаевского заводу до Курьинской пристани школьному учителю Рыбникову и вручении ему копии с

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1527. Л. 68 об.

² См.: Козлов А. Г. Вехи истории: (К 250-летию Свердловска). Свердловск, 1973. С. 9–10.

³ Корепанов Н. С. Никифор Клеопин. Екатеринбург, 2014. С. 22.

⁴ Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. С. 447.

инструкции»¹. На Курьинскую пристань свозили железо с Алапаевского и Синячихинского заводов для последующей доставки его по Чусовой в Москву и Петербург². Поэтому важно было знать точное расстояние пути, по которому железо возили на пристань приписные крестьяне. Оказалось, что расстояние это составляло 172 версты³. Можно себе представить, сколько физических сил и времени было потрачено Рыбниковым, чтобы измерить столь большой отрезок пути.

Но не долго Рыбникову удалось послужить учителем в Екатеринбургe. 31 августа 1725 г. его ученики, Яков Санников «с товарищи», подали в заводскую контору доношение, что Петр Рыбников «от сего временного света в вечное житие отыде».

Прошел почти месяц, как 29 сентября в Обер-бергамте слушали доношение однокашника Рыбникова по Артиллерийской школе, Афанасия Митенева, о выдаче ему из заслуженного жалованья умершего на помин его души и оплате труда школьника Логачева, заменявшего учителя. Начальство постановило: выдать Митеневу из жалованья Рыбникова с 1 по 30 августа 1 руб. 87 коп., держать их с распискою; пожитки Рыбникова оценить, письма, оставшиеся после его смерти, описать и отдать Митеневу для передачи брату Рыбникова, но если явятся письма о школьном обучении или о заводских делах – взять с описью в заводскую контору. Школьнику Логачеву выдать из пожитков Рыбникова что-нибудь по усмотрению конторы⁴. Подлинные документы заводской конторы за этот год не сохранились. Н. К. Чупин выявил их в свое время и привел «полное перечисление богатств» Рыбникова:

Кафтан суконный черный, верхний, ветхий, цена 1 гривна.

Кафтан китайчатый новый–33 алтына 1 копейка.

Камзол лосинный, –1 рубль.

Шуба под китайкой старая, – 1 полтина.

Штаны суконные васильковые ветхие, – 1 алтын.

Сапоги поношенные немецкие – 30 копеек.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 167.

² Геншин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. С. 580.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 488 Л. 3–3 об. Мы благодарны К. А. Уланову за предоставление этих данных.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 88 об.–89.

Шапка, вершок гвоздичный, поношена, – 20 коп.
Шляпа черная, поношена, – 1 алтын.
Башмаки с пряжками, поношены, – 6 копеек.
Рукавицы теплые, ветхия, – 2 копейки.
Перчатки старья, рондужья, – 1 коп. (Рондужой называлась замша из овечьей или козьей шкуры).
Чулки черные старые, простые, – 4 коп.
Кортик без портупей, – 30 коп.
Две подушки периных, подержанные, наволоки крашенные, – 1 коп.¹

Эта опись имущества весьма красноречива. Имея повышенный по сравнению с учителями словесных школ оклад (24, а затем 36 руб.), проработав на ниве просвещения более двух с половиной лет, Рыбников сумел приобрести лишь один новый кафтан! Все остальные предметы одежды числились в единственном числе как «старые» и «ветхие». И, заметим, похлопотал о выдаче жалованья, оплате труда школьника, заменившего учителя, о вещах Рыбникова его товарищ, но отнюдь не члены администрации.

Михаил Силыч Кутузов (сентябрь 1725– октябрь 1727)

Итак, две недели вместо скончавшегося Рыбникова вел занятия ученик арифметической школы Логачев, видимо, и во время болезни учителя, за что был вознагражден из его пожитков. А 15 сентября 1725 г. на должность учителя Сибирский обер-бергamt назначил Михаила Кутузова, дворянина, выпускника Морской академии – высшего учебного заведения, действовавшего в Санкт-Петербурге с 1715 г.²

В делах РГАДА нами обнаружена «скаска» Кутузова³, из которой следует, что он — сын капитана, имевшего поместья в Белозерском уезде, поступил в Морскую академию в апреле 1718 г. За шесть с половиной лет получил прекрасное образование: изучил арифметику, геометрию, тригонометрию, астрономию, географию, навигацию, артиллерию, фортификацию, геодезию, живописное дело, солдатскую эскерцицию; умел биться на рапирах.

В октябре 1724 г. 20-летний Кутузов был избран Татищевым в числе юношей для поездки в Швецию — учиться заводскому делу. Но

¹ См.: *Чутин Н. К.* Сборник статей, касающихся Пермской губернии. С. 18.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 77 об.

³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1010. Л. 386.

волею Берг-коллегии, решившей удовлетворить настойчивые просьбы В. И. Геннина о присылке нескольких толковых учеников столичных школ на Урал, он попал в число восьми молодых людей, отправленных на уральские заводы¹.

В апреле 1725 г. Кутузов прибыл в составе группы выпускников в Екатеринбург, 23 июня был распределен «в работы», направлен на Екатеринбургский завод к плавильным делам с жалованьем 36 руб. в год, какое получал и в Морской академии². Но когда заводская контора потребовала прислать учителя в арифметическую школу вместо скончавшегося Рыбникова, Обер-бергamt 15 сентября 1725 г. определил:

Понеже по Табелю определено быть двум учителем, одному обучать знаменительного и чертежам, другому арифметика и геометрии, в чем настоит необходимая нужда, того ради ныне оные науки все велено обучать шихтмейстеру Кутузову, которой определен до указа в Екатеринбургe к плавильным медным делам, понеже свыше ево, Кутузова, в науках, по скаскам их, при Екатеринбургe не имеетца, и между присланными от Академии учениками он, Кутузов, искуснее.

А для вспоможения ему, Кутузову, против Табеля другога для обучения арифметики и геометрии выбрать ему, Кутузову, из обучающихся здешних учеников или из неопределенных здешних обывателей, которые оные науки обучили. Выбрав, освидетельствовать и по свидетельстве о том объявить в Сибирской обер-бергamt доношением³.

Таким образом, уральская администрация, назначив Кутузова учителем «высших наук», доверила ему подбор кандидатуры на должность учителя арифметики и геометрии. В октябре 1725 г. (без указания числа), он сообщает о результатах своей работы по подбору второй кандидатуры на должность учителя: «из [з]дешних обучающихся арифметической школы учеников выбраны и свидетельствованы. Которой бы к тому делу, чтоб быть учителем, достойнаго не изобрелось, понеже еще оные ученики в науках своих показанных явились не совершенны»⁴.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 11 об.

² *Цеменкова С. И., Черноухов А. В.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала... С. 176.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 77 об.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 85. Л. 129 об.

11 октября 1725 г. в делах Екатеринбургской заводской конторы зарегистрирован ее указ Кутузову «о приеме при сем по приложенному регистру Екатеринбургских и Уктуских заводов обывателей, которые арифметика и геометри[и] обучали для свидетельства»¹.

Фамилии этих молодых людей называет Кутузов в своем доношении: свидетельствовал детей заводского комиссара Ф. Неклюдова Данилу и Сергея, судебного комиссара Д. Карвацкого — Михаила, польского шляхтича капитана И. Королевича (Я. Кралевица) — Ивана, прибывшего из Нового Усолья откупщика И. Минюхина — Федора, «но из оных, которой бы арифметик и геометрию твердо знал и учиникам, ныне обучающимся, ясно показывать мог, такого не изобрелось»².

Этот документ — ценное свидетельство того, как узок был круг людей, не определенных к делам, знавших начала математики. Ясно также, что представители местной администрации и торговцев в начале 1720-х гг. обучали своих детей грамоте и основам математики на дому — в ведомостях первых школ они не числились.

В конце доношения Кутузов задает вопрос уральской администрации:

...во оном указе показано, чтоб обучать знаменительного и чертежам, а какое знаменование и какие чертежи, и многих ли человек учеников оным наукам обучать, того в том указе ясно не показано. Того ради Сибирскому обер-бергамту арифметическая школа доносит, дабы на сие доношение учинено было решение³.

Действительно, указ о назначении Кутузова для обучения рисованию и черчению не раскрывал конкретно программу этих «наук», но ответа на этот вопрос Кутузов так и не получил.

Знаменательно, что Берг-коллегия указом от 18 января 1726 г., прибывшем в Екатеринбург 20 апреля, узнав о назначении Кутузова в школу, задала членам Обер-бергамта вопрос: «для обучения... знаменательного и чертежей» Кутузов «по наукам своим учителям быть удобен ли и для вспоможение ему ково другова выбрать надобно

¹ ГАСО. Ф. 38. Оп. 1 Д. 4. Л. 167 об.

² Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 85. Л. 129 об.

³ Там же. Л. 129 об.–130.

ль?»¹. Судя по выпискам, на этот указ никаких действий в отношении второго учителя до июня 1726 г. не предпринималось.

В Табели уральских заводов от 9 июня 1726 г., утвержденной В. И. Генниным, под рубрикой «Школа мафематической науки» начальник заводов дал высокую оценку Кутузову как учителю и специалисту в области черчения:

Ныне до указу для надзирания в науке и обучения арифметика и геометрии и тригонометрии, також и для обучения чертежей, которые к горным и заводским делам принадлежат, ис присланных от Берг-коллегии Академии учеников из круглой навигации шихтмейстер Михаил Кутузов. Оного шихтмейстера Кутузова надлежит производить по степене в чины так, как и протчих шихтмейстеров при горных делах, а паче маркшейдерских дел, понеже оного Кутузова наука ко оным маркшейдерским делам прилична и жалованье, по мнению моему, надлежит ему впредь производить против других, ежели во оном деле доброе знание и искусство примет, якобы гитенфервальтеру, по 70 рублей в год, а ныне получает прежней оклад в год 36 руб.²

С 1726 г. Кутузов был приставлен «к составлению карт, планов и чертежей». В июле 1726 г. Геннин поручил ему проведение первой комплексной картографической работы. За лето М. С. Кутузов посетил Каменский, Алапаевский, Синячихинский, Лялинский, Пыскорский и Егoшихинский заводы, где снял предварительные планы. Всю осень 1726 г. Кутузов обрабатывал полевые материалы, к январю 1727 г. передал готовые чертежи и планы В. И. Геннину, в том числе знаменитый план Екатеринбургa 1726 г.³ В 1727 г. Геннин поручил ему сделать чертежи всех рудников и заводов для отсылки в Кабинет и Берг-коллегию, в связи с чем запретил использовать для других дел⁴.

Кутузов пробыл на должности учителя два года. Он был слишком ценным специалистом, и в конечном счете его затребовали к заводским делам. В декабре 1726 г. В. И. Геннин и В. С. Горчаков приказали обучаться маркшейдерскому делу у иноземца В. Штифта

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 88. Л. 223.

² Там же. Оп. 12. Д. 10. С. 92.

³ *Цеменкова С. И.* Первые картографы горнозаводского Урала: Михаил Силыч Кутузов // Вестник Рязанского государственного университета. 2020. № 4 (69). С. 9.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 195. Л. 159.

шести ведущим работникам, в том числе и Кутузову, и для этого ехать на Пермские заводы, как только Штифт прибудет туда из Ляли¹. Некоторые члены Обер-бергамта возражали против отрыва от дел такого большого числа людей, полагая, что можно послать двух-трех, а остальным перенять знания от них. Но Геннин считал, что «ученик от ученика не может так обучитца, как от самого мастера», в марте 1727 г. последовал его повторный указ — готовиться к посылке на Пыскор, — и в мае Кутузов уехал².

Овладение маркшейдерским искусством — подземной геодезией, заключающей в себе правила съёмки подземных горных выработок, — было делом чрезвычайной важности. Как констатировала Берг-коллегия в одном из указов 1726 г., она «в маркшейдерской науке из русских учеников... поныне еще ни одного человека не видит»³. Именно на Урале велась их подготовка, первых на всю Россию, и неудивительно, что Кутузов оказался в их числе. Учитывая большую загруженность Кутузова, Геннин 3 октября 1727 г. вынес решение о его отставке с учительской должности:

... понеже Кутузову за иными нужными рисованиями, которое зело нужно бывает, недосуг, и лутчя ему быть при горных делах, нежели школу ведать⁴.

В 1729 г. по распоряжению Геннина уже берггешворен Кутузов и его однокашник по Морской академии, вице-маркшейдер В. С. Горчаков, участвовали в составлении «обстоятельных» планов заводов, рудников и месторождений с целью отсылки их в Сенат. В июле Обер-бергамт разрешил «для вспоможения в том деле и работы брать им школьников, во арифметике и геометрии обретающихся, по своему разсмотрению, которые к тому угодны будут». В октябре 1729 г. Кутузов подал готовые чертежи восьми заводов и рудников в Обер-бергамт, просил дать ему двух школьников и две подводы для поездки на Сиячихинский, Каменский, Полевской заводы. Двум школьникам, Семену Шилову и Ивану Сатюкову, жалованье выдали на всю треть, до 1730 г.⁵

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 443–443 об.

² Там же. Д. 195. Л. 158 об.–159; Оп. 1. Д. 88. Л. 228 об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 88. Л. 68.

⁴ Там же. Оп. 12. Д. 195. Л. 491 об.

⁵ Там же. Д. 198. Л. 243, 187–188.

В июле 1730 г. для поездки на Каменский завод для описания, довольно ли там железных руд, в каком расстоянии от заводов находятся леса, как лучше доставлять топливо, Кутузов должен был наряду с описанием, чертежами, подать и свое мнение в Обер-бергamt. Через месяц вся информация была представлена¹.

В ноябре 1730 г. берггешворен Кутузов был назначен руководителем разведочной экспедиции в Илимский уезд Иркутской провинции с целью поиска месторождений серебряных и свинцовых руд. Вернулся с командой в Екатеринбург лишь к маю 1735 г.²

В июле 1735 г. уральское начальство уже под началом Татищева приняло решение о сочинении чертежей всем заводам, рудникам, фабрикам Урала. Кутузову поручалось составление тройственных чертежей Екатеринбургского ведомства с помощью выделения двух учеников школы и хотя бы раз в неделю – надзирателей Екатеринбургского, Уктусского и Верх-Исетского заводов; «прилежно их к тому обучать, ему же и школу надзирать, доколе кто на место Коркодинова определен будет»³. Но поскольку по определению Канцелярии Главного заводов правления от 3 ноября 1735 г. «над школами и учителями велено смотрение иметь механику Бахореву и сверх того главному межевщику Юдину», сочинять чертежи могли Бахорев с новым учителем Санниковым, 25 ноября 1735 г. Кутузова решено было послать управителем на Полевской завод⁴. Повторно он учительствовал совсем недолго.

Таким образом, мы видим, что обучение черчению учащихся арифметической школы могло продолжаться и вне занятия Кутузовым учительской должности, в процессе поездок для выполнения заданий уральской администрации, и по прямому ее поручению в ходе копирования в едином масштабе тройственных чертежей в 1735 г.

Кутузов управлял Полевским заводом до середины 1737 г., в 1738 г. руководил строительством Иковского завода вблизи Нагайбакской крепости, обследовал рудники в Казанском горном

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 220. Л. 308, 313.

² Цеменкова С. И. Первые картографы горнозаводского Урала... С. 9–10.

³ Сафронова А. М., Цеменкова С. И. Подготовка чертежей казенных и частных заводов Урала по заданию В. Н. Татищева в 1735–1738 гг. для «исторической книги»: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 16. Екатеринбург, 2016. С. 339–340.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 226. С. 171.

начальстве. В 1740 г. трудился в Екатеринбурге. Умер в ноябре 1741 г., прослужив при заводах более 15 лет¹.

Феоктист Балакин (июнь 1726–май 1729)

В заводские штаты 9 июня 1726 г. наряду с Кутузовым была внесена фамилия второго учителя арифметической школы:

Да вспоможение оному Кутузову для того, что когда бывает в отлучении у сочинения ланткарт и протчих чертежей, учитель арифметика, геометрии и тригонометрии из Екатеринбургской школы из учеников, которой обучен от оного шихтмейстера Кутузова — Феоктист Балакин» с окладом 12 руб.²

Балакин, сын работника Алапаевского завода, начинал учиться в словесной школе при этом заводе, в ведомости за январь 1723 г. показан в числе выучивших псалтирь³. В апреле 1723 г. по инициативе Татищева восемь школьников, учившихся писать, были высланы на Уктусский завод, в их числе и Феоктист⁴. В декабре мы видим его среди учеников Уктусской арифметической школы, просящих о назначении жалованья⁵. В составе учащихся этой школы в марте 1724 г. Балакин еще раз переменял место обучения и жительства, стал екатеринбуржцем.

Так, благодаря включению Феоктиста Балакина в заводской штат, выпускник Екатеринбургской арифметической школы впервые стал ее учителем. Когда Кутузова отрывали от преподавания к заводским делам, а это делалось часто и надолго, Балакин вел занятия самостоятельно. Примечательно, что он мог обучать всем трем предметам математики – арифметике, геометрии и тригонометрии. При назначении его учителем, согласно Табели 1726 г., в школе обучалось 38 человек – двое в тригонометрии, девять – в геометрии, 27 – в арифметике⁶.

Прошло чуть больше месяца после отставки Кутузова, как 11 ноября 1727 г. Балакин был арестован вместе с четырьмя

¹ *Цеменкова С. И.* Первые картографы горнозаводского Урала... С. 12–13.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 85. Л. 131 об.

³ Там же. Д. 22. Л. 70.

⁴ Там же. Л. 473–473 об.

⁵ Там же. Л. 643.

⁶ Там же. Оп. 12. Д. 16. С. 92.

товарищами по обвинению в *«суеверии и в держании волшебных писем, в которых писаны якобы слова о присушке девок»* — по тем временам обвинению серьезному¹. Через полгода, 27 апреля 1728 г., Сибирский обер-бергамт вынес приговор: «за суеверие и шептание слов» по силе Морского устава «бить вместо кошек плетью на площади нещадно и отослать к церковному публичному покаянию». После наказания освободить всех четверых из-под караула на поруки².

Неизвестно, кто замещал Балакина во время содержания под арестом, возможно, он продолжал трудиться в школе в кандалах, безвыходно, под надзором приставленного караульного. Во всяком случае на заседаниях Обер-бергамта вопрос о его замене не поднимался — протоколы об этом умалчивают. После освобождения Балакин проработал в школе до мая 1729 г. и был переведен в копиисты горного повывья Сибирского обер-бергамта. Несмотря на поступившее требование Тобольского архиерейского приказа выслать всех участников дела о волшебстве в Тобольск, заводские власти решили Балакина туда не отправлять — при Обер-бергамте в копиистах была крайняя нужда³.

Балакин сумел «отличиться» и в другом деле. В 1728 г. ему поручили заготовку с учениками веников для екатеринбургской казенной бани. Информация об этом случайно попала на страницы протоколов Обер-бергамта в связи с обнаружением недостачи веников. В феврале 1729 г. начальство слушало доношение целовальника бани Забелина «о неимении при ней веников» и его запрос, брать ли деньги за парение со школьников. Вызванный в Обер-бергамт Балакин показал, что летом заготовил с учениками веников 6 тысяч дружков⁴, но целовальнику их не сдал, сложил в сарае. Забелин же утверждал, что там лежало тысячи с две. Было принято соломоново решение: взыскать недостающие 4 тысячи с Балакина и Забелина, а если этого количества до будущего лета не хватит, покупать веники на «зборные с парельщиков деньги з запискою». О деньгах со школьников умалчивалось: по-видимому, они продолжали париться бесплатно⁵.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 196. Л. 206.

² Там же. Л. 206-207.

³ Там же. Д. 198. Л. 102 об.–103.

⁴ Согласно словаря В. Даля «дружка» — пара чего-то, в данном случае — веников.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 197. Л. 75.

Видимо, эта история подтолкнула Геннина к решению заменить Балакина выпускником московской Артиллерийской школы, поэтому в феврале 1729 г. он предписал вызвать его с Пермских заводов. Но как раз в этот момент подал прошение об определении к делам медековальщик Никита Каркадинов, получивший серьезную травму на производстве. 2 мая 1729 г. они сменили друг друга¹. Но, судя по протоколам заседаний Канцелярии Главного заводов правления (с 8 октября 1734 г. так стал называться Сибирский обер-бергamt), Балакин и на новой должности часто наказывался: в июне 1735 г. его приказано было высечь нещадно плетью при всей братии и быть сковану у работы в течение месяца. В июле наказали батожем, в декабре – за то, что долго делал выписку по делу беглеца, а потом и медлил с составлением протокола по делу².

Никита Иванович Каркадинов (Коркодинов) (май 1729–июнь 1735)

Балакин был заменен Никитой Каркадиновым, выпускником столичных школ. Он родился в 1705 г., с 1717 г. учился в Московской школе навигаторов или математико-навигационных наук, в 1721 г. был переведен в Морскую академию – высшее учебное заведение³. В делах Берг-коллегии нам удалось обнаружить документы о юношеских годах этого человека, однокашника Кутузова по Морской академии. В стенах академии Каркадинов изучил арифметику, геометрию, тригонометрию, живописное дело, часть навигации, артиллерии, геодезии, фортификации, солдатской экзерциции⁴.

В 1724 г. его, 19-летнего сына солдата лейб-гвардии Семеновского полка, советник Берг-коллегии В. Н. Татищев избрал для поездки в Швецию в числе прочих учеников для обучения специальностям, особо нужным на заводах России. Поездка в Швецию состоялась по указу Петра I Сенату от 1 октября 1724 г. По инструкции Берг-коллегии из 16 молодых людей восемь человек Татищев должен был определить на медные заводы и рудники в Фалуне для обучения

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 198. Л. 4–5.

² Там же. Д. 221. С. 15; Д. 222. С. 49; Д. 227. С. 173.

³ *Цеменкова С. И., Черноухов А. В.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала... С. 167.

⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1010. Л. 389 об.

плавильному, обжигальному, гармахерскому делу и ковке меди, по два человека к каждому мастерству. Среди обучавшихся ковке меди был и Никита Каркадинов. Обучение длилось более двух лет, в течение 1725–1727 гг. По возвращении в Санкт-Петербург шестеро стажеров получили назначение на уральские заводы, в том числе и Каркадинов¹. В марте 1728 г. он прибыл с семьей в Екатеринбург, был определен к плавильному делу с жалованьем 27 руб. в год.

Но уже в июне Каркадинов получил тяжелую травму. Как сообщил в прошении о назначении к другому делу, «выпал из снастей незапно с пятником молот, которым я ковал медь и пал оной на ногу, которую всю раздавило и изувечило вечно». Лечение в госпитале в течение 9 месяцев не помогло, работать медековальщиком он больше не мог².

Начальство решило использовать знания Каркадинова, полученные в Морской академии, на учительском поприще и 2 мая 1729 г. назначило его учителем в арифметическую школу вместо Балакина с жалованьем 24 руб. в год, приказав при этом обучаться рисованию и «малеванию» чертежей, обещая по овладении этим искусством повысить жалованье³. Поэтому Каркадинов одновременно с преподаванием математики занялся повышением своей квалификации – начал учиться составлению заводских чертежей.

В 1733 г. учитель был аттестован маркшейдером А. А. Татищевым и шихтмейстером П. Я. Яковлевым в этом умении, представив «чертеж Екатеринбургской крепости и в ней всему заводскому и хоромному строению, новозачатой церкви» – имелась в виду церковь во имя Святой Анны Пророчицы. В аттестате Каркадинову записали: «чертежи заводские копировать может», некоторые может выполнять самостоятельно⁴.

В штате уральских заводов 1733 г. об учителе арифметической школы показано: «мастеров 1» с окладом 36 руб. Этот штат был введен в действие указом Геннина от 10 мая 1734 г.⁵ В «Описании» заводов В. И. Генина читаем: «Шихтмейстеру, которой обучает

¹ Юхт А. И. Поездка В. Н. Татищева в Швецию // Ист. записки. 1971. Т. 88. С. 317, 320.

² См.: Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала... С. 168.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 198. Л. 4–5.

⁴ Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала... С. 168.

⁵ ГАСО, Оп. 12. Д. 16. Л. 6 об.; Оп. 1. Д. 506., Л. 1-2.

арифметики, и геометрии, тригонометрии, и чертежам, и рисовать ручному», жалованье 36 руб. , «ныне налицо 1». В колонке «К тому в добавку надобно» стоит прочерк¹. Эти данные свидетельствуют, что официально в арифметической школе в это время числился лишь один учитель, Каркадинов.

В списке учеников арифметической школы 1734 г., составленном в связи с передачей дел от Геннина Татищеву, числится 32 человека. Из них четверо «во обучении чертежей», в геометрии – двое, в окончании арифметики – один, «арифметик обучают» 25. Учитель – «шихтмейстер Никита Коркодилов», с 1 июня 1734 г.² С этого дня в соответствии с присвоенным учителю младшим горным чином и жалованье его увеличилось до 36 руб.

Уже при новом начальнике заводов, Татищеве, в июне 1735 г., Каркадинова решили снова назначить к расковке меди, чтобы он показывал, как она в Швеции производится³. Но наличие травмы мешало его дальнейшему продвижению по службе, сказывалось и чрезмерное увлечение алкоголем во второй половине 1730-х гг. В 1741 г. он был отправлен в отставку в возрасте 36 лет с предписанием: «жить ...на своем пропитании» при Пермских заводах, где он служил в последние годы надзирателем работ⁴.

Яковлев Петр Яковлевич (ноябрь 1732 –1734?)

В феврале 1729 г. по требованию В. И. Геннина Пермскому бергамту приказали выслать в Екатеринбург двух выпускников московской Артиллерийской школы, прибывших на Урал в группе из шести человек в конце 1728 г. Одного из них, сына дворянина Якова Овцына, предполагалось назначить учителем в Екатеринбургскую школу вместо Балакина, другого, сына священника Петра Яковлева – в ученики к доменному делу. Яковлеву назначили 15 руб. в год жалованье, за прилежное обучение оно было повышено до 24 руб.⁵

¹ Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. С. 101.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Т. 2. Л. 212–212 об.

³ Там же. Д. 12. Л. 260–260 об.

⁴ Цеменкова С. И. Выпускники Морской академии на горных заводах Урала: служба и судьба // *Quaestia Rossica*. 2022. Vol. 5. P. 1762–1763.

⁵ Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала... С. 189.

Поскольку на место Балакина успели определить Каркадинова, вопрос о назначении учителя из московских школьникоB отпал.

Яковлев, будучи при доменном деле, успешно повышал свою квалификацию, изучал геодезию. В 1732 г. с берггешвореном К. А. Гордеевым составлял чертежи, уточнял границы лесоотводов к Невьянскому, Суксунскому заводам А. Демидова, составлял карту лесных дач от Уткинской пристани вниз по течению реки Чусовой¹.

Результаты картографической работы Яковлева понравились Командиру, и в ноябре 1732 г. В. И. Геннин определил:

...екатеринбургскому доменному ученику Петру Яковлеву быть шихтмейстером у обучения школьникоB рисованию, чертежей и для отправления случающихся во Обер-бергамте чертежей и для помощи маркшейдером, и ему же присматриватца и в доменном строении².

Так, в арифметической школе снова появился второй учитель «высших наук» Петр Яковлев – сын священника, родившийся в 1711 г., т. е. в возрасте 21 год. В московской Артиллерийской школе он получал жалованье в два раза меньше, чем дворяне, 7 руб. 20 коп. против 14 руб. 40 коп. у дворян. По прибытии на Урал в конце 1728 г., был определен в Пермский бергамт «к горным, заводским и пробирным делам», затребован в Екатеринбург к доменному делу.

Фамилия Яковлева в документах в связи со школьниками не фигурирует — возможно, потому что он учил лишь нескольких человек и по совместительству, официальным учителем не считался. В списке ученикоB арифметической школы 1734 г. «во обучении чертежей» числились А. Кичигин, И. Бортников, Я. Олонцов и П. Сомов. Заметим, Каркадинова наряду с А. Татищевым в 1733 г. аттестовывал и Яковлев, т. е. он в рисовании и деле чертежей стоял выше учителя. Возможно, этих учащихся в чертежах он дополнительно и наставлял.

Таким образом, за первые десять лет работы екатеринбургских школ в словесной сменилось четыре учителя, в арифметической — пять. Волею заводского начальства они попадали на должность, по его же воле смещались с нее. При этом о желании ни у кого не спрашивалось, мнение самого человека в расчет не принималось.

¹ *Цеменкова С. И., Черноухов А. В.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала... С. 223.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1050. Л. 143.

Глава 4.

ПОЛОЖЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ В СОЦИУМЕ

Важным для нас является вопрос о положении учителей екатеринбургских школ: сколько часов в день они трудились, насколько их труд был интенсивен, какова была оплата их труда по сравнению с другими работниками заводов. Документов об этом не так уж много, но в совокупности они позволяют представить эти стороны жизни первых в нашем городе учителей.

Вопрос о жалованье решался Обер-бергамтом при назначении на должность учителя. В принципе, размеры оплаты определялись действовавшими заводскими штатами, но в некоторых случаях администрация подходила индивидуально, учитывая высокий уровень познаний и предшествующую должность. Оклады были годовые, как у всех мастеровых и работных людей, занятых на заводском производстве, заработанные суммы выдавались по третям года.

Лица, обучавшие детей чтению и письму, получали поначалу самое низкое жалованье — 9, потом 12 руб. в год. В апреле 1723 г. «Росписью приказным служителем всех заводов и земского правления с их годовым денежным и хлебным жалованьем», на строящемся Исетском заводе будущему учителю словесного и письма вместо 12 руб. полагалось давать 18 руб. И новый глава заводов В. И. Геннин, рассматривая Табель, 22 апреля 1723 г. приговорил: с 1 мая 1723 г. ввести новые размеры жалованья, согласно ее положениям¹. Но учителю словесной школы жалованье так и не было повышено, осталось в прежних размерах.

В Табели 1726 г. указывалось: «Учитель словесного и писать с Каменских заводов церковной дьячок Яков Попов — 12 руб.»² Столько же получали Иван Патрушев, поначалу — и Сергей Ярцев. Последний на должности гармахерского ученика имел даже больший оклад — 12 руб. 96 коп. в год. Только с 1 июня 1734 г. Ярцеву был присвоен младший офицерский чин шихтмейстера, и жалованье он

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 624–625 об.

² Там же. Оп. 12. Д. 10. С.92.

стал получать повышенное – 36 руб.¹ Ссылному же Корноушенкову, сменившему Ярцева в 1734 г., дали всего 15 руб., чем он был, вероятно, доволен².

Учителя арифметической школы, как лица, владевшие основами арифметики, геометрии, тригонометрии, порой и черчением, и способные обучать этим сложным предметам, получали жалованье более высокое по сравнению с учителями словесной школы. В 20-е гг. XVIII в. знаниями математики владел еще сравнительно узкий круг людей, тем более не каждый мог преподавать ее. И не случайно, в Екатеринбурге на должность учителя арифметической школы назначались выпускники столичных учебных заведений. Эти учителя и по уровню знаний, и по положению были близки своим однокашникам, занимавшим должности шихтмейстеров и постепенно поднимавшимся по лестнице чинов.

Петру Рыбникову, выпускнику московской Артиллерийской школы, уральское начальство штатами 1723 г. назначило жалованье 24 руб. в год, а Берг-коллегия в своем мнении на штат не поскупилась и увеличила оклад до 36 руб.³ Михаилу Кутузову, овладевшему широким кругом знаний в Морской академии, первом в стране высшем специальном учебном заведении, Обер-бергамт сразу же положил оклад в 36 руб.⁴

Не прошло и года, как в Табели заводов в июне 1726 г. Геннин отметил особые способности Кутузова и возможность произвести его в гиттенфервальтеры с окладом 70 руб. после дополнительного обучения горным делам⁵. Поэтому вскоре Кутузов и был отозван к заводским делам и на заводских должностях стала выстраиваться его дальнейшая карьера.

Помощнику при Кутузове, Феоктисту Балакину, той же Табелю 1726 г. назначили жалованье малое, как начинающему, равное учителю словесной школы, всего 12 руб. в год⁶. Он выдвинулся среди своих недавних одноклассников, но не смог воспользоваться предоставленной ему возможностью подняться над своей средой –

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Т. 2. Л. 213–214.

² Там же. Оп. 12. Д. 215. Л. 493.

³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 758. Л. 17 об.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 78.

⁵ Там же. Д. 10. С. 92.

⁶ Там же. Л. 92.

оказался замешанным в деле «о присушке девок», не смог правильно провести и кампанию по заготовке веников со своими учениками для екатеринбургской бани. Не случайно Геннин задумал сразу же после этой истории заменить его выпускником московской Артиллерийской школы. Видимо, не случайно и на новой должности копииста Обербергама Балакин не раз подвергался наказанию.

Никите Каркадинову, сменившему Балакина, получившему солидную подготовку в Морской академии и в Швеции, дали оклад вдвое больший — 24 руб. в год, обещая увеличить его при условии овладения рисованием и раскраской чертежей¹. И при составлении новых штатов Геннин присвоил Каркадинову, как и Ярцеву, звание шихтмейстера, и с июня 1734 г. он стал получать 36 руб. в год.² Особое положение занял и шихтмейстер Яковлев, оклад которого также составлял 36 руб.³

Следует признать, что учителя арифметической школы, являвшиеся выпускниками столичных школ, занимали среди жителей Екатеринбурга особое положение, как и их однокашники, назначенные на заводские должности. К тому же через некоторое время, по воле начальства, и учителя переводились на заводские должности и пополняли ряды своих товарищей.

Как отличалось жалованье учителей от других должностных лиц? Мастера на заводах в 1733 г. получали в основном 30 руб. в год, доменный — 60 руб., ученики при них — 12 руб., слесарь, токарь, столяр имели 20 руб., кузнец — 15. Сравнительно высоко оплачивались должности делопроизводственные: секретарь Обербергамта получал 150 руб., протоколист — 80 руб., копиист — 18. Высоко оплачивались должности старшего лекаря — 220 руб., младшего — 144, бухгалтера — 250 руб. в год⁴.

Труд первых учителей словесных школ Екатеринбурга оценивался на уровне начинающих заводских учеников при мастерах, также, как труд вахтмистров, денщиков при горных офицерах, сторожей Обербергамта, получавших те же 12 руб. в год, т. е. чрезвычайно низко. Меньшие оклады имели только солдаты и рекруты (10 руб.), некоторые сторожа (8–9 руб.).

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 198. Л. 5.

² Там же. Оп. 1. Д. 450. Т. 2. Л. 212–212 об.

³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1050. Л. 143.

⁴ См. об этом: ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 16. Л. 6–6 об.

Назначая 12-рублевый оклад учителю грамоты, начальство, видимо, учитывало их предшествующий социальный статус – церковного дьячка (Попов), писчика, пономаря, от услуг которого отказывались за негодностью (Патрушев), ссыльного (Корноушенков – с 15 руб.) Только Ярцеву жалование повысили до 24, а с присуждением чина шихтмейстера в 1734 г. – и до 36 руб. Вероятно, в расчет принималось его происхождение как дворянина, и, видимо, какие-то дополнительные услуги, оказываемые им по поручению начальства параллельно с обучением детей. Да и обучал он, как отмечалось выше, в 1730 г. 90 учащихся, к январю 1733 г. подготовив 21 из них к переводу в арифметическую школу

Чтобы представить истинную ценность этих денег, приведем данные о ценах на отдельные товары: 1 пуд масла конопляного (16,3 кг) стоил тогда 1 руб. 20 коп., говядины — 20–25 коп. Корову можно было купить за сумму от 2 до 5 руб., лошадь — за 10–15 руб. В казенном магазине ржаная мука на Урале в 1729 г. отпускалась по цене 8 коп. за 1 пуд, во время неурожая базарная цена возрастала до 15–20 коп. и выше. Холст стоил 3 коп. за аршин (0,71 м), сукно отечественное — 55 коп., свечи сальные — 36 коп. за 100 штук, сажень дров — 50 коп.¹

Бывали случаи, когда учителя получали жалование с большой задержкой. Например, Ярцев, сменивший Патрушева на учительской должности 15 февраля 1730 г., не получил денег за последние полтора месяца, когда был учеником при лекаре. Только благодаря подаче прошения он вернул их через три месяца². Пострадал и Патрушев, не получив сумму за последние полтора месяца работы в должности учителя — его забыли показать в именном списке на получение жалования в 1730 г. Патрушев решился на подачу прошения о деньгах лишь в октябре месяце, а распоряжение об оплате вышло через год после отставки, в феврале 1731 г.³

Если Патрушеву в скитаниях удалось как-то избежать ревизской переписи, то Ярцев из небольшого жалования платил подушный оклад и оставался должником за 1729 г. Балакин за пять месяцев ареста получил жалование половинное, как и полагалось по нормам тех лет,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 423; Д. 26. Л. 624; Оп. 12. Д. 224. Л. 52 об.; РГАДА. Ф. 171. Оп. 1. Д. 107. Л. 27 об.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 200. Л. 7.

³ Там же. Д. 201. Л. 285 об.; Д. 202. Л. 291.

но заработанное почти за 40 дней работы до ареста сумел вернуть лишь через полтора года¹. Как видим, о своих долгах учителям власти иногда забывали, но о долгах учителей казне — нет. Как уже отмечалось, в 1733 г., по прошествии нескольких лет после смерти Якова Попова, обнаружилось, что в 1726 г. он получил «без указа» за переплетные дела 3 руб. 34 коп., которые приказано было взыскать с его сыновей².

Правда, учителям разрешалось подрабатывать — обучая «вольно пришедших» учеников. Наказом Татищева 1723 г. устанавливалась определенная такса за их обучение: чтению — 50 коп., письму — 30 коп., арифметике — 50 коп., геометрии — рубль, черчению — два, знаменованию — три рубля, «а сверх того кто похочет более дать или учитель меньше взять, оставлять в их волю»³. Но эти случаи не фиксировались в документах, поэтому трудно судить, имели ли учителя такой приработок.

Инструкцией Геннина предписывалось «с вольно пришедших» «за труд учителем брать, по чему у них между собою договор состоитца», одновременно вводилась плата в пользу учителя и с учеников, окончивших обучение:

И когда кто из учеников из школы выдут со свидетельством, что они тому обучились, то мастерам сверх жалованья за то учение учеников давать из ученического жалованья за каждого человека цыфирной совсем по рублю, словесной и письменной — мастеру по пятидесят копеек с каждого человека⁴.

Но платить учителю должны были лишь учащиеся, окончившие школу со свидетельством, а учеников непонятливых, по болезни начальство могло уволить из школы и до окончания обучения. Учащихся обеих школ могли в любой момент в случае нужды определить к делам, поэтому до официального окончания обучения дело не доходило. Примечательно, что по общероссийскому законодательству обучившимся арифметике ученикам цифирных школ полагалось заплатить учителю 1 рубль⁵.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 198. Л. 172.

² Там же. Д. 210. Л. 29.

³ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 89.

⁴ Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. С. 100–101.

⁵ См. об этом: ПСЗРИ. СПб., 1830. Т.5. № 2778.

Сомнительно, чтобы подобная плата за окончание школы со свидетельством осуществлялась на практике: казенного жалованья зачастую не хватало на еду и приобретение одежды, обуви. О какой же плате учителю могла идти речь из положенного ученикам жалованья? Нам не встретилось ни одного документа на эту тему. В отношении учащихся, пришедших в школу своею волею, это могло иметь место, но они не получали жалованья, и могли отстать от обучения по своему желанию в любое время. На них эта норма не могла распространяться.

Самим же учителям, видимо, приходилось платить за казенное жилье, которым его обеспечивали власти. Кроме того, по одной копейке с каждого рубля жалованья учителя, как и все служащие, работники заводов, платили в пользу госпиталя. За это они имели право и реальную возможность лечиться в госпитале Екатеринбурга без какой-либо платы, получать лекарства по рецепту лекаря для лечения на дому.

Учителя семейные, как и обычные жители Екатеринбурга, обзаводились скотом, имели сенные участки, летом заготавливали сено в дни, когда ученики увольнялись от занятий для помощи родным в сенокосных работах. Ярцеву пришлось даже вступать в спор за свои родовые сенные угодья. Домашнее хозяйство являлось хорошим подсобьем для содержания семьи. Учителя, не создавшие семьи, Петр Рыбников, Михаил Кутузов, жили, вероятно, не ведя никакого подсобного хозяйства. Учителя, как и другие жители Екатеринбурга, посещали торжища, где приобретали себе продукты питания, одежду, обувь.

Рабочий день учителя был долгим. Как уже отмечалось, по наказу 1723 г. в летние дни, когда не надо было жечь свечей, занятия длились 12 часов, осенью и весной — 9, зимой — 7 часов с перерывом на обед¹. Это же число часов, в соответствии с длиной дня, сохранялось и впоследствии. Геннин в «Описании Уральских и Сибирских заводов» приводит данные о конкретных часах работы. Нас удивит раннее утреннее начало рабочего дня: с 10 марта до 10 сентября — с 5 часов утра, с 10 сентября до 10 октября — с 6 часов, с 10 октября до 10 ноября — с 7 часов, с 10 ноября до 20 января — с 8 часов утра. Поскольку с 20 января солнце начинало всходить раньше, и работа должна была начинаться с 7 утра, с 20 февраля — с 6 утра, с 10 марта —

¹ Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. С. 89.

снова с 5 утра. В. И. Геннин предписывал: «На работу и с работы бить в колокол по адмиралтейскому регламенту»:

Токмо по утру на работу бить всегда до указных часов за полчаса перед работою, чтоб мастеровые и работные люди могли убраться и в работы вступить с начала самого указного часа, а не позднее. Ежели ж кто на работу притти опоздает, с теми о штрафе и о вычете из жалованья чинить, как регламент и указы повелевают¹.

Таким образом, колокол будил жителей Екатеринбурга очень рано, с весны до осени – в полпятого утра! Так вставали и учителя, и ученики. В делах Екатеринбургской заводской конторы за декабрь 1726 г. зарегистрирован документ «о вычете у арифметической школы учителя Михаила Кутузова за прогульные за полтора часа, словесной школы учителя Якова Попова за прогульной один час денег из их жалованья»². По-видимому, они оба попали под какую-то проверку.

Редко встречаются в делах решения начальства о наказании учителей. В 1726 г. ученики пострадали из-за неподачи документов о выдаче им жалованья. 21 октября, слушая дело, В. И. Геннин и Р. Ф. Горчаков приговорили: «для чего учителя о даче им (ученикам. – *Авт.*) хлебного жалования июня с первого числа во Обер-бергамте указу не требовали и чрез четыре месяца оным провианту не давано, за оное несмотрение учинить им, учителем Попову и Балакину, наказание: бить батожем, ибо от неимения провианта понуждены оныя школьники, не имея здесь родителей, искать пропитания миром...»³.

По-видимому, сбой в выдаче жалованья произошел из-за введения новой Табели, составленной в июне 1726 г. и введенной в действие с 1 июля⁴, предписывающей до 100 школьников

... содержать на гошпитальные деньги, которые по указу вычитаютца по копейке от рубля. Школьником давать жалованье по 2 рубли на год, да провианту по полтора пуда на месяц тем, у которых отцы получают жалованья меньше 30 рублей, а которые больше, тем не давать⁵.

¹ Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. С. 108–109.

² ГАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 4. Л. 210.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 369 об.–370.

⁴ Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 4а. Л. 1 об.

⁵ Там же. Д. 10. С. 92.

То есть, Табелью 1726 г. в два раза была увеличена денежная сумма жалованья – с одного до двух рублей в год. Расширен и круг учащихся, получавших жалованье, — размер годовых окладов отцов, дававших право на него, увеличивался с 12 до 30 руб. в год. Таким образом, право на жалованье получили дети подмастерьев, имевших оклады 15–20 руб., токарей, слесарей, каменщиков и других заводских работников, подьячих.

В связи с такими изменениями порядка назначения жалованья члены Обер-бергамта сами должны были позаботиться о составлении новых списков учащихся к его выдаче. Но они этого не сделали, переложили вину на учителей, не похлопотавших об этом. Впредь же предписывалось выдавать школьникам жалованье от земской конторы по рапортам учителей в начале каждого месяца. В данном случае наказание было не совсем справедливым, на наш взгляд, противоречило установке В. И. Геннина в отношении мастеров и подмастерьев: «С мастерами и подмастерьями в наказании поступать осмотрительно, чтоб напрасно не оскорбить, и наказание бы было достойное...»¹.

Учителя должны были давать задания детям, проверять их выполнение, а в условиях индивидуального обучения, когда работа с классом еще отсутствовала, это требовало больших сил, тем более что на одного учителя в екатеринбургских школах приходилось слишком много учеников. Так, в словесной школе в мае 1725 г. их было 56, в июне 1726 — 62, весной 1728 г. — 42 да принято для обучения еще 93, и, хотя несколько человек из них попали сразу же в арифметическую, а из словесной 9 учеников распределили к делам, престарелому Попову в последний год своей жизни пришлось учить более сотни человек одновременно. Такая же большая нагрузка навалилась потом на юного Ярцева, у которого в 1730 г. обучалось 90 учеников к маю же 1734 г. осталось 69, после того, как 21 перевели в арифметическую школу².

У учителей арифметической школы подопечных было поменьше: в сентябре 1725 г. у Кутузова — 42 человека, в июне 1726 г. — 38, причем в это время в школе появился второй учитель, Балакин. В мае

¹ Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. С. 11.

² ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 9. Л. 93–94; Ф. 24. Оп. 12. Д. 10. Л. 46 об.; Оп. 1. Д. 177. Л. 94 об.–96; Д. 506. Л. 93 об.

1729 г. Балакин обучал 42, в мае 1734 г. Каркадинов — 33 ученика¹. Но, учитывая, что процесс обучения математике был более сложным и к тому же учителя одновременно обучали двум-пяти предметам: арифметике, геометрии, тригонометрии, черчению, рисованию, следует признать, что труд в арифметической школе был не менее интенсивным и утомительным, чем в словесной, а при этом и более ответственным.

Учителя отвечали не только за обучение, но и за воспитание своих подопечных. Наказом Татищева 1723 г., как уже отмечалось, предписывалось воспитывать в детях честность, вежливость, почтение к старшим: «старейших почитать словом и местом не токмо в школе, но и в домах... Когда кто в школу придет человек знатной для дела или присмотрения их науки, должны все встать и по достоинству чина отдать поклон, ежели о чем спросит, дать отповедь кратко с почитанием, а в лишней розговор и в спор не вступать». Учителям полагалось следить, чтобы ученики, «кроме их науки», посторонних разговоров не вели, не бранились, не сквернословили в школе и вне ее².

Учителя должны были вести ежедневный учет посещаемости, отмечать пропуски занятий, каждый месяц составлять ведомости об успехах учащихся, «кто, сколько, в котором месяце обучил». Учителям полагалось подавать ежемесячные рапорты и на получение жалованья школьникам, отмечать число пропущенных дней. Они составляли доношения и подавали в Обер-бергамт о выдаче необходимых книг, инструментов, бумаги и других припасов, о побегах школьников, на них возлагалась обязанность штрафовать учеников за леность, пропуски занятий, подвергать их телесному наказанию.

За пренебрежение своими обязанностями учителя также подлежали наказанию. Наказ 1723 г. предписывал:

Ежели учитель будет ленив, в науке оплошен и неспособен, учеников для своей корысти в дома без ведома отпущать, во определенных правилах не надзирать, за оное наказывать по пристойности вычетом денег, кованьем, работою и тому подобным... а особливо пьянствующих учителей не терпеть³.

¹ Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. С. 38; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 10. Л. 46 об.; Оп. 1. Д. 177. Л. 94–94 об.; Д. 506. Л. 93 об.

² Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 88.

³ Там же.

Выходными были воскресные и праздничные дни. В отличие от наших дней, праздников в XVIII в. было много: в 30-е гг. с 25 декабря по 7 января — Рождество Христово, 19 января — восшествие на престол Анны Иоанновны, 28 — ее день рождения; 2 февраля — Сретение Господне, 3 февраля — тезоименитство Анны Иоанновны (день ангела), Сырная неделя, первая и последняя неделя Великого поста; 25 марта — Благовещение, неделя Пасхи; 28 апреля — коронование Анны Иоанновны, Вознесение Господне — один день, Сошествие Святого Духа — день; в августе: 6 — Преображение Господне, 15 — Успение Богородицы; в сентябре: 5 — тезоименитство цесаревны Елизаветы Петровны, 8 — Рождество Богородицы, 14 — Воздвижение креста; 21 ноября — Введение Богородицы в храм; в декабре: 7 — рождение принцессы Анны, 9 — ее тезоименитство, 18 — рождение цесаревны Елизаветы Петровны¹.

Но учителя в эти дни не были полностью свободны. Вместе со всеми жителями Екатеринбурга они должны были посещать церковные службы, которые являлись для них, по сути, работой:

Во дни недельные и праздничные учителем каждому своей школы учеников всех для моления Богу в церковь приводить без нетов и велеть им, учеником, читать книги друг со другом по очереди на вечерне, утрени и обедне и при том обучатца пения согласно. А кто из них во время службы божией в церкви не будет, а зачем — правильной вины не докажет, и отпущен ни от кого никуда не был, за что оных учеников и учителей штрафовать по указом без упущения, чтоб впредь они от того предостерегались².

По распоряжениям Обер-бергамта учителей как словесной, так и арифметической школ отрывали от преподавания для выполнения различного рода поручений. Учителя арифметической выполняли в основном высококвалифицированную работу. Например, Кутузов снимал планы местности, выезжал для этого за десятки и сотни верст, о чем приведены подробные данные о нем как учителе.

Балакин, не имевший такой высокой квалификации, использовался на работах попроще. В 1728 г., например, заготавливал с учениками веники для екатеринбургской казенной бани.

Учитель арифметической школы Каркадинов по заданию уральского начальства вел наблюдения за погодой. В январе 1734 г.

¹ Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. С. 110.

² Там же. С. 99–100.

академик И. Г. Гмелин, один из руководителей академического отряда 2-й Камчатской экспедиции, проезжая через Екатеринбург, договорился с В. И. Генниным о проведении метеорологических наблюдений, оставил барометр, термометр, флюгер и наставление о том, как эти наблюдения вести¹. Екатеринбург стал одним из первых населенных пунктов России, где начались постоянные наблюдения за температурой воздуха, атмосферным давлением, направлением ветров. Сначала их вел маркшейдер Андрей Татищев, потом их поручили Каркадинову, и так эта обязанность переходила от одного учителя к другому, сменявшему его на должности.

Учитель словесной школы Попов постоянно привлекался для переплета дел в Обер-бергамте и заводских конторах, причем выполнял эту работу за небольшую дополнительную плату. Но в августе 1726 г. Геннин и Горчаков обязали его все дела, имеющиеся в Обер-бергамте, переплести в кожаные обертки «за его окладное жалование», т. е. без дополнительной оплаты. Работа была настолько большой, что Попова, по сути, забирала из школы на долгий срок и он не совмещал переплетные обязанности с преподаванием. Обучать школьников предписывалось одному из лучших учеников, по выбору Попова². Он же чинил и все учебные книги в словесной школе.

Часть учителей жила в казенных квартирах, пристроенных к школьному помещению. Ремонтировались эти квартиры за казенный счет. В октябре 1733 г. Геннин постановил: чинить окна, полы и прочее во всех таких помещениях за свой кошт³.

Полная зависимость от воли начальства, невозможность распорядиться своей судьбой, по сути — отсутствие права на выбор специальности, низкое жалованье, интенсивный труд, постоянное использование для выполнения побочных работ — характерные черты положения первых уральских учителей. Но благодаря их самоотверженному труду удалось в короткие сроки разрешить проблему подготовки кадров для промышленности — обеспечить заводы грамотными людьми.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 498. Л. 1.

² Там же. Оп. 12. Д. 194. Л. 255.

³ Там же. Д. 207. Л. 96.

Раздел 2.

УЧИТЕЛЯ РУССКИХ ШКОЛ (1735–1750-е гг.)

Глава 1.

ПОЛИТИКА В. Н. ТАТИЩЕВА И КАНЦЕЛЯРИИ ГЛАВНОГО ПРАВЛЕНИЯ СИБИРСКИХ И КАЗАНСКИХ ЗАВОДОВ В ОТНОШЕНИИ ШКОЛ (1734–1750)

Вернувшись на Урал второй раз в качестве начальника заводов в октябре 1734 г., Татищев не мог не воспользоваться возможностью претворить в жизнь свои идеи «умопросвещения», которые он подробно изложил в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищ», в основном законченном как раз перед приездом на Урал¹.

Назначение Татищева на должность начальника казенных заводов Урала и Сибири состоялось 17 марта 1734 г. Инструкция, регламентировавшая его деятельность на этом посту, после подписания 23 марта 1734 г. Анной Иоанновной приобрела силу закона². Одним из ее пунктов Татищеву предписывалось устроить на Урале «хорошую школу и брать в оную тамо дворянских, подьяческих и не служащих церковников детей...»³. По сути, Татищев, недовольный первым вариантом инструкции, составленной президентом Коммерц-коллегии П. П. Шафировым, сам составил ее

¹ См.: *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 51—132.

² ПСЗРИ. Т. 9. № 6559.

³ Там же.

текст. Организация «хорошей» школы предполагала открытие в Екатеринбурге учебного заведения, призванного готовить собственные командные кадры для развивающейся промышленности.

Татищев прибыл в Екатеринбург 1 октября 1734 г.¹, 8 октября принял от В. И. Геннина управление заводами и 9 октября составил первое доношение в Кабинет министров, сообщил: «*А ныне я велел по-прежнему при всех заводах и в Кунгуре школы возобновить и сверх того у Соли Камской такую же учредить*»².

К 1734 г. дополнительно к четырем заводам – Каменскому, Уктусскому, Алапаевскому и Екатеринбургскому – в строй действующих вошли еще восемь – в 1723 г. Лялинский и Пыскорский; в 1724 – Егошихинский, Полевской, Синячихинский; в 1726 г. – Верх-Исетский (цесаревны Анны) и Верхнеуктусский (цесаревны Елизаветы); в 1733 – Сысертский (императрицы Анны). На Урале стало действовать 12 казенных предприятий, намечалось строительство новых.

21 октября 1734 г. Канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских заводов (с 8 октября так стал называться прежний Сибирский обер-бергамт) приняла определение о проведении переписи «годных в научение детей разночинцовых, детей боярских, однодворцовых, церковничьих, подьяческих и мастерских *при заводах и в слободах* от шести лет и выше»³.

4 января 1735 г. екатеринбургские школы были переданы в ведение члену Канцелярии, главному межевщику, Игнатию Юдину, ему же поручено написать правила о содержании школ и «разослать»⁴. Использование термина «разослать» подразумевало, на наш взгляд, отправку правил на все казенные заводы.

Решался вопрос и с обеспечением словесных школ учебными пособиями: «что к тому книг потребно, о том, собрав известия, велеть тамо или на Ирбитцкой ярмонке купить, а буде еще чего не достанет, то писать в Москву с нарощным, чтоб двести букварей купя, суды прислал». На левом поле протокола было приписано: «и пятнатцать граматик русских». Таким образом, в первые же дни нового, 1735 г.,

¹ Татищев В. Н. Записки Письма. С. 163.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 27.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 112 об.

⁴ Там же. Л. 17-18.

начал претворяться в жизнь план В. Н. Татищева по организации школ при всех казенных заводах Урала.

Через месяц, 8 февраля 1735 г., члены Канцелярии во главе с Татищевым вынесли ряд новых важных решений, касающихся школ¹:

«1) в здешнюю школу, собрав в Екатеринбурге, на заводе цесаревны Анны (Верх-Исетском. — *Авт.*) и на Уктуских обоих заводах всех детей от семи лет, кои еще в школу не написаны, и обучать;

2) здешних же и других заводов и дистриктов детей поповых и церковничьих, которые хотя написаны и в архиерейскую школу, всех собрав, выслать сюда, невзирая ни на какия их отговорки, хотя и показывать будут, что оные назначены в архиерейские школы, и как собраны будут, по тому ж обучать».

Таким образом, все дети священников и церковнослужителей с заводов и приписных слобод (а именно там располагалось большинство церквей) подлежали обучению в Екатеринбурге. Безусловно, инициатива эта исходила от Татищева. Он видел в детях духовенства, проживавших на территории горнозаводского ведомства, потенциальных учащихся латинской школы, пока же хотел ускорить их обучение грамоте: под боком у начальства хорошие учителя (а предполагалось, видимо, что в Екатеринбурге будут лучшие) могли быстрее привить детям навыки чтения и письма на русском языке.

На этом же заседании было принято важное решение о нормах выдачи казенного жалованья учащимся школ. Оно полагалось не всем, предписывалось: «тем, которых отцы жалованья более дватцати пяти рублей получают и живут сами при школах, то есть в тех самых местах, где школы учреждены, также поповским и церковничьим жалованья не давать». Оно полагалось детям, у которых «отцы хотя и более оного жалованья получают», но «от домов их отлучены в школы», т. е. взяты учиться из других населенных пунктов, а также малоимущим, чьи отцы имели оклады меньше 25 руб. в год, «хотя и при самих школах живут», т. е. учатся по месту жительства.

Размеры жалованья дифференцировались в зависимости от ступени обучения: в словесной школе — по 3 руб. в год, в арифметике, геометрии «и языках» — по 4 руб., чертежах и фортификации — 5 руб., архитектуре и механике — 6 руб.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 217. Л. 30–32.

Власти понимали, что без материальной поддержки большинство «иногородних» не смогут учиться вдали от родителей, старались поддержать и малоимущих, поскольку обучение в школе уже не позволяло детям помогать дома по хозяйству, заниматься подработкой на стороне. Возможность получать казенное жалование являлась мощным материальным стимулом, делавшим школы привлекательными для низших слоев населения.

При этом ученики, учившиеся на коште родителей, получали свободу выбора будущей деятельности: «Которые жалованья брать не будут, тех по обучении определять во услуги по воле их родителей, где они себе за лутчее почитать будут, а которые жалованье брать будут, тех определять в пристойные работы по разсуждению Канцелярии»¹.

В тот же день были определены и нормы жалованья будущих учителей. Справедливо отмечалось, что «которые с воли... будут обучать, яко дьячки и к тому способные другие, оным без определенного жалованья свободного пропитания иметь будет не отчего, и ради того» предписывалось давать учителям чтения и пения в год по 18 руб., арифметике и письму – по 24 руб.

Снова констатировалась необходимость разработки инструкции для учителей: «как им во обучении учеников и в содержании школ поступать, предписав правила, розослать на заводы».

2 октября 1735 г. Юдин подал доношение о выполнении задания: «сочинены правила, как при словесной и арифметической и протчих наук в школах поступать»². Они состояли из двух частей, автором их был сам межевщик Юдин, подписавший эти документы. Первые адресовались учителям словесной школы и назывались «Правила отроком, начинающим учиться чтению книг божественнаго писания», состояли из 15 кратких пунктов³. Начинать обучение полагалось с азбуки или букваря «до понятия слогу», затем переходить «к писанию скорописных литер» по часу после полудня. С обучившимися этому «начинать чтение книг и писание сочиненных речей». «Обучившихся «до твердости» чтению книг, обучать право писати и читати»⁴.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 217. Л. 31 об.-32.

² Там же. Оп. 1. Д. 776. Л. 38.

³ Там же. Л. 39-41.

⁴ Так в тексте.

Далее излагались нормы, имевшиеся в ранее действовавших инструкциях: по субботам священникам или дьяконам полагалось с утра читать Евангелие и катехизис с толкованием, по воскресеньям и праздникам ученикам быть в церкви и читать по очереди книги на вечерне, утрени и обедне. Излагались правила поведения в школе. Как только научится внятно читать букварь, «то немедленно ему начать и писать... давать им вместо чтения ис книг нравоучительные статьи из Библи[и] и тому подобной книги выписывать и при том обучать в особливой час арифметики». Т. е. вводились правила параллельного обучения предметам. Давался перечень часов обучения в день в зависимости от времени года, список праздничных дней. Обучившихся чтению и письму предписывалось «отсылать с атестатами от учителей в научение арифметика».

Вторая часть называлась «Правила, как поступать во училищах арифметика, геометрии и протчих наук» (14 пунктов)¹. Для обучения арифметике предназначались деревянные доски, бумаги 8 листов, на геометрию—12. Во время обучения геометрии ученики должны «чертежи чертить, заводское здание снимать мерою и на чертежи класть, что потребно, прибавливать и убавливать». После геометрии обучать «следующия науки: планиметрию, стереометрию, тригонометрию, механику, геометрию суптеранею или маркшейдерскую науку». Прочие пункты были продублированы из правил для словесных школ.

Несмотря на то, что Юдин сам получил образование в столичных учебных заведениях, начал ведать всеми школами от имени Канцелярии, он оказался негодным разработчиком нормативных документов, призванных регламентировать деятельность словесных и арифметических школ, открывавшихся при казенных заводах. Написанные им правила были настолько примитивными, что не могли получить одобрение со стороны Татищева, следовательно и прочих членов Канцелярии. Под текстом правил отмечено: «Сие дело... значитя нерешенным, а по справке ...9-го ноября 1736 года учинено “Учреждение”... Василием Никитичем Татисчевым», с него и разосланы копии»².

Тем временем, 30 мая 1735 г. Татищев сообщил кабинет-министрам о составлении им Заводского устава, который через месяц

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 776. Л. 42-43 об.

² Там же. Л. 44.

был отправлен на высочайшее рассмотрение и утверждение в качестве закона¹. Большинство норм устава, касавшихся школ, были сформулированы впервые, отличались новизной, что позволяет считать этот документ одним из важнейших сочинений Татищева как деятеля Просвещения.

В 1-ю главу Заводского устава, определявшую круг обязанностей главного правителя заводов, Татищев ввел статью 29-ю под названием «О школах и учении», где изложил его обязанности в отношении школ². В главе кратко декларировалась сама обязанность главы заводов «устроить школы, принять искусных и способных учителей, купить полезные книги, инструменты»; определялся социальный состав учащихся — дети управителей, церковнослужителей, приказных, мастеров «и всякаго звания заводских жителей, кроме крестьянских детей»; начальный возраст обучения — «от 6 лет»; программа обучения — «как чтанию и писанию русскому, так и арифметике и геометрии, а способнейших из оных немецкому и латинскому языкам, также математике и другим высшим наукам, наипаче Закону Божию и гражданскому». Содержалось общее указание на определение казенного жалованья «неимущим», преимущественное распределение обучившихся к делам и представления в чины.

Явным противоречием российскому законодательству являлось включение в число учащихся детей церковнослужителей, подлежащих на основе Духовного регламента 1721 г. и серии указов обучению в школах духовного ведомства³. Лишь дети не служащих церковников, исключавшиеся из духовного сословия, могли приниматься в школы других ведомств; именно они упоминались в качестве потенциальных учеников «хорошей» школы именной инструкцией 1734 г., адресованной Татищеву. В данном случае Татищев явно преувеличил свои полномочия, исходя из того, что все население края должно подчиняться власти горного ведомства, а значит и церковнослужители⁴.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Кн. 1582. Л. 130 об.

² Горный журнал. 1831. Ч. 1. Кн. 2. С. 190—191.

³ См.: ПСЗРИ. Т. 6. № 3718, 3854, 4021, 4126, 4105

⁴ См. подробнее об этом: Сафронова А. М. В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горно-заводских школах Урала в 30-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Вып. 4. Екатеринбург, 2004. С. 71—99.

Программа обучения в школах обрисовывалась в общих чертах, ясно, что она усложнялась по сравнению с предшествующим периодом – вводились латинский и немецкий языки, до этого ни в одной из светских и духовных школ Урала не преподававшиеся, и другие «высшие науки».

Наибольшее число положений о школах было включено Татищевым в 6-ю главу «О должности главного горного межевщика или Обер-маркшейдера». Именно этому должностному лицу вверялся постоянный контроль за школами. Характерно, что этот контроль главный межевщик должен был осуществлять наряду с другими обязанностями — надзором за межеванием лесов, прокладкой дорог, креплением горных копей, составлением геодезистами ландкарт всех уездов Горного ведомства для отсылки в Академию наук. Подобная практика поручения школ лицам, уже имевшим определенные обязанности, являлась характерной для XVIII в. Следует лишь подчеркнуть удачный выбор Татищевым такого лица, выполнявшего работы квалифицированного, творческого характера, являвшегося одновременно и членом Канцелярии, принимавшем непосредственное участие в решении дел, касавшихся школ.

Именно главный межевщик должен был проводить сбор детей от 6 лет, контролировать ход их обучения. Последняя мысль была развита Татищевым:

...чтоб такие младенцы напрасно времени не теряли и надмерным долговременно в школе держанием отягчены и науки им в омерзение приведены не были; того ради по временам расписать, когда учиться и гулять имеют, однакож и оное по разности возраста, ибо младенец 10 лет в день осьми часов, а 6 летний и 6 часов, летом без труда не может снести¹.

В этом предписании мы видим в зародыше важнейшие теоретические положения педагогики — о необходимости разумного чередования учебы и отдыха, о влиянии правильной организации обучения на его результаты, на отношение детей к обучению; об учете возрастных особенностей детского организма при определении часов обучения в день — и впервые сталкиваемся с намерением ввести их в школьное законодательство. Возможно, Татищев был первым, кто вообще затронул эти проблемы в нашей стране.

¹ Горный журнал. 1831. Ч. 3. Кн. 9. С. 316.

В статье 10 «О порядке учения» Татищев сформулировал мысль о введении параллельного обучения предметам в горнозаводских школах:

...чтоб младенцы не долго над одним чтанием сидели, как скоро который (ученик. — *Авт.*) порядочно складывать научится, то есть когда первое младенцам учение или букварь внятно, хотя и складом читать будет, то немедленно ему начать писать...; а за тем давать ему вместо читания из них нравоучительныя статьи из Библии и тому подобной книги выписывать, а при том обучать в особливый час арифметике...».

Татищев обосновал пользу параллельного обучения: оно способствует лучшему усвоению предметов — письмо «складыванию немалая помощь»; повышает заинтересованность ученика в обучении грамоте, ускоряет сам процесс его — «такое по малу с большею охотою в кратчайшее время учиться может» и «к прилежности лучшая охота явится»¹.

Наказом 1723 г. заводскому комиссару Татищев пытался ввести одновременное обучение письму и арифметике, геометрии и ремеслам в школе при Екатеринбургском заводе². На законодательном уровне такая методика обучения предлагалась Духовным регламентом, «Регламентом морским», «Уставом Кадетского корпуса»³, но в них речь шла «о высших науках» — истории, географии, артиллерии, навигации и т. п., которые повсеместно так и преподавались. В «Инструкции определенным к гарнизонной школе офицерам» 1732 г. обосновывалась необходимость одновременного обучения чтению и письму⁴. Татищев же впервые пытался закрепить на законодательном уровне параллельное обучение всем трем основным предметам начальной школы, которые в подавляющем большинстве учебных заведений первой половины XVIII в. изучались последовательно.

В статье 11 «О содержании учеников» формулировались обязанности межевщика по контролю за учителями. Фактически здесь

¹ Горный журнал. 1831. Ч. 3. Кн. 9. С. 316—317.

² Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 89.

³ ПСЗРИ. Т. 6. № 3718, 3937; Т. 8. № 5881.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 365. Л. 26.

излагались программные требования к учителям, к их методам обучения и воспитания детей:

... чтоб с младенцами не слабо и не жестоко поступали, прилежно и внятно не токмо наукам, ремеслам принадлежащим, но страху Божию и благочестному житию поучали; с ними ласково поступали и более любовью нежели страхом обходились, и для того не токмо в школах, но и в гуляньи за ними надзирать и им игор вредительных и досадительных недопускать¹.

Т. е. в целом предписывалось использовать гуманные методы обучения и воспитания. По сути, это сокращенное изложение соответствующих положений инструкций Татищева 1721, 1723 г. Примечательна оговорка: «о чем наша Академия наук обстоятельнее правила и рассуждения в наказе профессору предписать повинна».

Введение ее в законопроект можно рассматривать, на наш взгляд, как попытку Татищева повлиять от имени государства на разработку новых программных документов в Академии наук, с которой он осуществлял постоянные контакты и был, видимо, в курсе поднятых в 1733 г. профессорами Академии проблем². Замечательна сама мысль о привлечении именно Академии, главного научного центра страны, к разработке правил обучения и воспитания, которые могли, по мысли Татищева, послужить образцом для других учебных заведений.

Татищев предписывает главному межевщику «не меньше же надзирать и над хозяевами, у которых отлученные от родителей школьники жить будут, чтоб их порядочно содержали».

В статье «О училищах и припасах» содержались общие положения о материальном обеспечении училищ. Межевщик должен был следить, чтоб школы «покоями были довольны и способны, а наипаче чтоб не близко кабаков, но при церкви и к полю стояли». «В книгах, бумаге, инструментах, також в дровах, свечах и тому подобных потребностях оскудения не было, так же бы оное с надлежащим порядком и бережью употребляли».

В обязанность межевщику вменялось учащихся, закончивших обучение, «свидетельствовать по достоинству знания», поощрять способных: «для определения достоинства им пред нижайшими в науках почтение допускать, дабы чрез то к наукам всяк лучшую охоту

¹ Горный журнал. 1831. Ч. 3. Кн. 9. С. 317.

² См.: Уставы Академии наук СССР. 1724—1974. М., 1974. С. 9.

имел». При этом «ленивых, непокорных и распутных принуждать, смирать и наказывать, колико возможно безоплошно, дабы злости измладенчества вкорениться не допустить; наипаче же за лжи, кражи, из котораго всякое зло родится, наказывать». Т. е. формулировалась мысль об умелом воздействии на учащихся, более подробно развитая в наказе заводскому комиссару 1723 г.

Особый интерес представляет статья 14-я «О поступках с детьми иноверцев». Межевщику предписывалось принимать таких детей в школы наравне с русскими, отданных по воле родителей знакомить с законом христианским, «катехизис толковать», при этом «ни к чему против воли родителей их не принуждать», закон их не поносить, «ибо чрез то более отгоняют, нежели привлекают, но хотя того закона неправности и обличать, однакож правильными, а не лживыми и вымышленными доказательствы». Детей, которые «куплены» или остались без родителей, какого б они закона ни были, прилежно обучать исповеданию Восточной церкви, и когда истину его познают, крестить и следить, чтобы не вернулись в прежнюю веру.

При этом предлагалось языка

...всякаго учиться не воспрещать, но паче к тому поохочивать и стараться..., чтоб тех языков, которые тамо в близости живут, колико возможно лексиконы сочинять и такую орфографиею писать, как они сами выговаривают однако оное принимать от людей таких, которые в своем языке и русском довольное знание имеют, а паче чтоб писать и читать умели, а что котораго года соберется оное для сочинения порядочных лексиконов послать в нашу Академию наук¹.

Включение этого развернутого положения в Заводской устав при явной недоработке других пунктов далеко не случайно. Подробно обосновав в «Разговоре» выгоды обучения нерусских народностей — для государства, развития науки и культуры², Татищев воспользовался возможностью провозгласить на законодательном уровне политику привлечения отдельных представителей башкир, татар, мари и других народностей, проживавших на обширной территории ведомства Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов в горнозаводские школы. Это, безусловно, положительно сказалось бы

¹ Горный журнал. 1831. Ч. 3. Кн. 9. С. 318—320.

² Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 103—104.

на распространении грамотности среди них, способствовало бы приобщению их к русской культуре.

Заметим, Татищев одновременно стремился закрепить на государственном уровне и положение о необходимости изучения языков этих народов и составлении лексиконов их языков для отсылки в Академию наук.

В январе 1735 г. Татищев разработал и Наказ шихтмейстеру, адресованный представителю государственной власти по контролю за частными заводами, в котором попытался обязать владельцев частных заводов открывать школы для обучения детей. А. Н. Демидов своим прошением, поданным в Кабинет министров, решил судьбу этого наказа. Резолюцией кабинет-министров от 12 декабря 1735 г. институт шихтмейстеров был вообще отменен¹. Не получил высочайшей апробации и Заводской устав. Но его нормы о школах при казенных заводах были претворены в жизнь на официальном уровне, властью Татищева как начальника заводов. 19 мая 1735 г. он распорядился дать главному межевщику «с должности ево написанной» копию и «по оной... в надзирании школ и протчем поступать»². Эта копия «с должности» и была главой устава, адресованной главному межевщику. В виде инструкции она оставалась действующей на протяжении всей первой половины XVIII в., на нее ссылались руководители заводов, требуя выполнения обязанностей в соответствии с «предписанными».

В ноябре 1736 г. Татищев разработал «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать» — первый программный документ, предназначенный непосредственно учителям всех словесных и арифметических школ, открытых в 1735—1736 гг. при казенных заводах Урала³. Как отмечал известный исследователь истории образования в России А. А. Буров, «Учреждение» можно считать первым уставом русской народной школы⁴. В нем Татищев развил и углубил педагогические принципы, изложенные им в предшествующих инструкциях, ввел новые нормы, касающиеся деятельности учителей и самих школ.

¹ ПСЗРИ. Т. 9. № 6840.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 220. Л. 142.

³ *Татищев В. Н.* Записки. Письма. С. 235—243.

⁴ *Буров А. А.* Первый устав русской народной школы // Сов. педагогика. 1960. № 6. С. 119—129.

Во-первых, Татищев отметил важную роль учителя не только в обучении, но и в воспитании учеников:

Учитель есть человек, которой детей читать и писать или иным каким наукам и познанию полезных правил жизни человеческой обучает, и для того он, яко един отец им обсчий вместо многих родителей. Он должен по совести не токмо в их...учении, но во всех делах, обхожденьях и поступках твердое и прилежное надзирание и попечение иметь, как отец о сусчих детех, и им без лености и продолжения все ясно и внятно добрым порядком и наставлением показывать (п. 1).

Поскольку дети подражают взрослым, Татищев перечисляет положительные черты характера, которыми обязан обладать учитель, и отрицательные, которые ему нельзя иметь:

...должен учитель быть благоразумен, кроток, трезв, не пианица, не зерщик, не блудник, не крадлив, не лжив, от всякого зла...отдален, чтоб своим добрым и честным житием был им образец... (п. 1).

Татищев излагает обязанности учителя по подготовке школы к утренним занятиям: учитель приходит раньше учеников, если учителей несколько, то «молочшей» должен следить, чтобы столы и скамьи стояли правильно, школа «была чиста, а зимою и тепла, чада и смрада чтоб... не было», книги из шкафов «по местам» разложены были (п. 2).

Расписывались дифференцированные часы занятий, изменяющиеся в зависимости от времен года: с апреля по август с 6 час. утра до 10 и с 2-х до 6 вечера, с октября по февраль — с 8 до 11, с 12 до 3-х, в сентябре и марте — до обеда 4, а после обеда 3 часа. Вводились часы параллельных занятий чтением и письмом, письмом и арифметикой – 1 час до обеда и 1 час после.

При этом Татищев учел и возрастные особенности детей: тем, кому меньше 7 лет, учитель может убавить полчаса или больше перед обедом или вечером. Самых младших, лет 5–6, которые «не имеют доле сидеть как 2 часа сподряд», может учитель на полчаса отпустить погулять, «дабы вдруг сиденьем не отяготить и науки им не омерзить». Это правило касалось учеников словесных школ, куда могли быть зачислены «малолеты» (п. 3).

Утром учитель обязывался прочесть ученикам «гласно и внятно» начало из Нового завета, из Евангелия, «по обеде из Апостола», в

среду и субботу часть из катехизиса. Заканчивался день занятий молитвой «Отче наш», произносимой детьми за учителем (п. 4).

Большое внимание Татищев уделил методике обучения детей чтению и письму. Начинающему изучать азбуку учитель должен каждому несколько раз показать буквы, потом посадить рядом с учеником, основательно усвоившим азбуку, чтобы тот «за ним надсматривал», поправлял произносимые названия букв. Учителю полагалось «почасту самому надзирать и поправлять, однакож без всякой злобы и свирепости, но ласкою и с любовию, показуя себя как словами, так и поступками любительно и весело». Как только новичок начнет складывать слоги, учитель снова может приказать одному из учеников помогать в этом новичку, «дабы ему к надзиранию других и прослушиванию уроков времени не оскудевало» (п. 5).

Татищев предложил давать ученикам «мерные уроки», чтобы ученики «охотнее и скоряе обучались и меньше принуждения и надзирания требовали». Выучившего урок «скоро его с похвалою из школы выпустить, чрез что и ленивым подастся лучшая охота». Постепенно объем «мерного урока» увеличивать. Здесь же перечислялись меры наказания ленивых: «не столько битьем, ... более стыдом, нежели скорбию, яко стоя у дверей, привязану к скамье и на земли сидя кому учиться, или неколико часов излишнее пред другими в школе удержать». Если этого недостаточно, «тогда биением по рукам или лехкою плетью по спине», но часто не бить, «ибо тем более побои в уничтожение и ученики в бестрашие приводятся», не бить по голове и щеке (п. 6).

Татищев решил изменить как состав учебных книг для обучения детей чтению, так и методику обучения грамоте. Он подверг критике порядок обучать последовательно азбуке, часослову, псалтири, введенному «неискусством учителей в обычай, и все оное наизусть, а потом писать, которым многих лет до пяти удерживали», дети «силы слов не разумели, писать правильно и порядочно не умели». Татищев предписал «оной порядок отставить». После азбуки читать две «книжицы» – «Первое учение отрокам», сочиненную Феофаном Прокоповичем и «Зерцало человеческого жития», написанную графом Брюсом. При этом проверять, знает ли ученик «силу того, что учил», просить его пересказывать прочитанное (п. 7).

Как только эти «книжицы» ученик «складывать станет, тогда немедленно начать ему и писать буквы на черной деревянной доске ростворенным мелом...писать крупно, чисто и хотя разными, но

употребляемыми почерки», писать в течение часа после обеда. Научившимся писать буквы переходить к написанию «складов» после в послеобеденное время (п. 8).

При этом твердо придерживаться пяти правил: чтобы странных букв и наверху строки не писали; букв не путали, выделяли большую букву; привыкали разделять речь точками и запятыми; «чтобы читающему вразумительно было»; «строки вести прямо и между строк оставлять равно, в котором немалая письму краса есть». Благодаря этому дети «от младенчества правильно и порядочно писать и писаное читать привыкнут». Бумаги давать на письмо «складов» по 6 листов, их хранить, разрешалось брать и «черные бумаги» от Канцелярии, «только им бездельных сказок и врак писать отнюдь не допускать», в Канцелярии могут «набело» переписывать указы и дела (п. 8).

Безусловно, такая замена учебных книг и введение параллельного обучения чтению и письму были шагом прогрессивным. «Первое учение отроком» — букварь, составленный Ф. Прокоповичем специально для детей. В «Предисловии к родителям, наставникам...» обосновывалась польза просвещения, важность раннего воспитания детей. Новшеством являлось изложение материала «просторечием», замена текстов псалмов и молитв их толкованием. Букварь пользовался большой популярностью, в 1720—1724 гг. вышло 12 его изданий. Он рассылался в архиерейские школы, использовался в светских, в домашнем обучении, переиздавался вплоть до середины XIX в.¹

«Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению. Собранное от разных авторов» Я. В. Брюсом, сенатором, президентом Берг-коллегии, также включало в себя азбуку, склады, цифры, краткие нравоучения из Священного Писания. Вторая часть содержала правила «хорошего тона», извлеченные из русских и зарубежных источников.

Татищев уделил внимание и обучению арифметике. Когда ученик «довольно в писании основание положит, тогда начать ему писать и цифирь, выписав ее, начать ходить в арифметическую школу на час перед полуднем и час после, но не всем, а по очереди. Обучение

¹ Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725. М.; Л., 1958. С. 259—261; Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. С. 66.

арифметике завершать на тройном правиле, переходить к геометрии, давать казенные инструменты и бумаги 12 листов. Сохранять все задания, выполненные на листах бумаги, «чтоб при свидетельстве управителю мог оную бумагу не изодрану и не марану показать», это и свидетельство работы учителя. Сшитые в тетради листы с выполненными заданиями управителя в конце года должны были подписывать, чтобы ученики не могли второй раз предъявить записи (п. 9).

Особое внимание Татищев уделил профессиональному обучению школьников, которое пытался ввести еще в 1723 г. (п. 10–12) Обосновал необходимость его введения: «для собственной своей пользы, чтоб в чины правления происходить, и для пользы заводов, чтоб искусством надлежасчую услугу показывать и вновь пользы изобретая приносить могли...». Впервые дал перечень, каким «искусствам и ремеслам» следует обучать. Среди «искусств» выделил четыре:

...1) и главнейшее есть, руды по их внешнему виду познавать и внутреннее содержание испытывать или пробовать и уведывать; 2) подобное сему механика, то есть хитродвижность, чрез которую научиться силу машин вычитать, оные вновь сочинять и с пользою в действо приводить; 3) архитектура, или учение строений, чрез что искусство приобретет, как всякое строение покойно и способно к намеренному употреблению заложить, крепко строить и с пристойною вида красотою отделать; 4) наука знаменования и живописи, к той же архитектуре и протчим наукам и ремеслам в помочь весьма полезна, понеже оная всех природных вещей сусчую подобномерность в членах разуметь и паче свет и тень различать поучает. И сии все от нижнего ремесленника и до вышнего начальника каждому полезны и нужны (п. 10).

Среди ремесел, необходимых всем будущим работникам заводов, «особливо ремесленникам», он выделил также четыре — «каменья резать и грани», токарное, столярное, паяльное; более детально обосновал их пользу — не знающие камнерезного мастерства, «добывая руды, достают различныя каменья, которые иногда многократно дороже стоят, нежели руды 1000 пуд, но за незнанием бросают»; токарное мастерство «как собственно каждому, так наипаче при заводах нужно и полезно», столярное и паяльное — «механикам и другим многим мастерам нужны, и если б кто сам работать не

хотел, чрез оное удобнее о деле или сочинении росказать и ремесленника научить может» (п. 10).

Если по наказу 1723 г. профессиональное обучение должно было проводиться только в Екатеринбургской школе, то согласно «Учреждению» оно распространялось на все учебные заведения, действующие и намеченные к открытию в ближайшем будущем. Его введение ставилось лишь в зависимость от наличия способных людей: «при всех заводах, где искусные учителя или такие ремесленники есть... обучать».

Татищев пошел и на значительное расширение круга детей в школах, охваченных производственным обучением. Как ясно из приложения к «Учреждению», оно должно было распространяться не на небольшую группу подростков, приступивших к «высшим наукам» в арифметической школе, а на всех учащихся «русских школ», за исключением церковнослужительских детей: «понеже церковничьим детям не столько нужно вышеобъявленные ремесла, того ради их некоторым, яко столярному, токарному, пробирному, поьяльному, весьма не учить, разве сам кто к чему охоту возьмееет...».

Была резко снижена и та общеобразовательная ступень, с которой приступали к изучению ремесел — сразу же после овладения чтением, наряду с продолжением обучения письму, с началом изучения цифр и пения.

«Учреждением» вводилось почасовое расписание занятий:

...розделя время по одному часу хотя и всякой день с переменами обучать, так, чтоб некоторые приходили в ту или другую науку до полудни, а другие после полудни, дабы учителя в наставлении могли исправляться и ученики за множеством напрасно не гуляли; но чтоб всякой учитель знал, в которой день и час кто у него обучаться имеет, должен главной той школы начальник роздать всем оным росписи, как приложенные при сем примерные табели показывают» (п. 11)¹.

Введение расписания занятий являлось важным новшеством — в большинстве начальных школ России первой половины XVIII в. расписание не применялось, предметы изучались один за другим, последовательно.

Расписание занятий, которым Татищев сопроводил «Учреждение», было введено в научный оборот В. Н. Будриным, но никем из исследователей не использовалось. В ГАСО оно было

¹ Номер пункта в тексте опущен.

обнаружено нами в фонде Уктусского завода как приложение к «Учреждению», высланному для Уктусской словесной школы в феврале 1737 г.¹

Согласно этому расписанию, учащиеся словесной школы должны были ходить на практические занятия два дня в неделю: во вторник с 10 до 12 часов обучаться токарному; с 14 до 16 — столярному; в четверг с 10 до 12 — пробирному делу, параллельно с обучением в школе письму, «письму цифр» и пению.

Учащиеся арифметической школы делились на две группы — изучающие арифметику и геометрию. Занятия ремеслами для них должны были проводиться ежедневно, как в утренние, так и в вечерние часы, кроме второй половины дня в среду и субботу — для «арифметических» с 8 до 10 и с 16 до 17, «геометрических» — с 10 до 12 и с 14 до 16 часов. «Арифметическим» дважды в неделю по два часа полагалось знакомиться со столярным, токарным и пробирным делом, один раз — с гранильным и паяльным. «Геометрические» продолжали ходить к токарному, столярному, паяльному ремеслам (по разу в неделю на 2 часа) и дважды в неделю — к пробирному.

Для учащихся арифметических школ профессиональное обучение должно было сочетаться с изучением специальных предметов на школьной скамье — для «арифметических» учеников вводилось знаменованье (дважды в неделю по 2 часа), для «геометрических» — знаменованье, архитектура (по 2 часа), механика (два раза в неделю по 2 часа).

Такая программа занятий отличалась большой продуманностью. Наблюдалась преэминентность в обучении столярному, токарному, паяльному делу у «словесных», «арифметических» и «геометрических» школьников: в словесной школе — знакомство с ними, с переходом к арифметике объем занятий увеличивался вдвое, для «геометрических» — уменьшался, кроме пробирного дела. Пробирному делу как мастерству более сложному в арифметической школе уделялось вдвое больше внимания, чем в словесной. Устанавливалась тесная взаимосвязь между практическими и школьными занятиями, они удачно дополняли друг друга, усложнялись по мере перехода к следующей ступени обучения.

Такой распорядок занятий преследовал цель — дать возможность всем ученикам обучиться ремеслам. При этом Татищев не

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 48. Л. 163—163 об.

отказывался от учета склонностей самих ребят, предоставляя им в последующем свободу выбора: «а когда кто к чему большую охоту и способность явит, тогда ему к той науке более времени допустить, а в другом убавить или весьма отставить».

Для ведения практических занятий предписывалось «инструменты и потребные материалы неоскудно заготовлять и в готовности иметь казенное», при этом *«смотреть»*, *чтоб школьники «что-нибудь к заводам или на продажу годное делали, чтоб употребленные припасы напрасно не пропали»*. Таким образом, получение производственных навыков, необходимых школьникам в будущей профессиональной деятельности, должно было осуществляться путем участия их в производственном процессе, пусть на вспомогательных ролях, а само проведение занятий приносить двойную пользу для заводов — ускорять подготовку квалифицированных кадров, способствовать изготовлению дополнительной продукции.

Но в «Учреждении» Татищев опустил два важных вопроса, затронутых ранее в наказе 1723 г. — о возрасте обучающихся ремеслам и оплате их труда. По-видимому, полагал, что «мастерства», вводимые «Учреждением», могут усвоить все ученики, а материальная заинтересованность в условиях привлечения к ремесленному обучению всех детей — излишняя. Но поскольку на нормативном уровне было введено раннее обучение детей, для многих учащихся словесных школ овладение ремеслами могло оказаться весьма затруднительным.

Хотя в «Учреждении» не оговаривались вопросы ответственности за проведение практических занятий, ясно, что основная роль в их непосредственной организации, контроле за осуществлением возлагалась на И. Юдина, главного межевщика, которому поручался надзор за школами от имени Канцелярии, на заводах за это должны были отвечать надзиратели работ.

В пункте 13 Татищев ссылается на прилагавшуюся к «Учреждению» «роспись» праздничных дней, когда занятия в школах отменялись. Устанавливает дни укороченных занятий: по средам и субботам после обеда занятия отменялись, если в течение недели не было праздника; при его наличии — по субботам дети отпускались на час раньше. Здесь же излагались меры наказаний учеников за прогулы. За опоздания, прогул часа занятий, учитель мог применять наказания, изложенные в пункте 6. За прогул целого дня без причины — наказать «на теле», если более дня — вычесть из жалованья «втрое»

из дневной суммы, оповестить «управителя», который родителя или «содержателя» ученика накажет. У не получавших жалованье – «доправить» с родителей те же суммы. Эти деньги, записав, использовать на «школьной расход» и для того о всех прогулах писать «имянно» в месячных ведомостях.

Татищев подробно формулирует положение об особом уважении наиболее успевающих учеников:

...весьма нужно различать, чтоб высший в науке высшее и место имел и всегда у низайшаго правую руку брал, несмотря его рода, ни возраста. И сие преимущество каждой в своей школе, в которой он другого превосходит, имеет... Не в школе же должны все по класам друг друга почитать, и ежели из разных школ в равных класах вместе будут, то латинских пред немецкими и немецкие пред рускими первенствуют (п. 14).

Как и в предыдущих инструкциях оговаривается посылка двух-трех учеников по очереди во время служб в церковь, читать, что им поручит священник, и петь. В праздничные дни учителя обязывались приводить своих учеников в церковь, надзирать над ними; ученикам пения – петь на крылосе (специальном возвышении перед иконостасом) (п. 15).

Учителю полагалось следить за внешним видом своих подопечных, «принуждать ...к чистоте, чтобы никто не приходил в школу не умывшись, не причесавшись, с необрезанными ногтями» (п. 16). Учителям запрещалось принимать в школу, отпускать из школы детей без ведома начальства, требовать и принимать что-либо от учеников сверх получаемого жалованья (п. 17).

Учителям предписывалось смотреть, чтоб родители, родственники, хозяева, у которых живут ученики, «их домашних работ работать не заставляли, например, дрова рубить и пр. тому подобное», от того «в науке напрасно время потеряют, но и от такой тяжелой работы руки портят и чисто писать делаются не способны», из-за этих работ «они данные им уроки...не могут вытвердить, а учитель должен будет отвечать, что они долго в школе учатся» (п. 18).

В нескольких пунктах Татищев давал указания учителям, касающиеся воспитания учащихся, от чего их следует удерживать, какие хорошие качества прививать. Пресекать непристойные игры, кулачки, игру в карты (п. 19). Обучать «честно говорить, кланяться, старейших почитать словом и местом», при посещении училища знатным человеком по делу или «для присмотра их науки», должны

все встать, отдать поклон, ответить, если спросит, «кратко с почтением, а в лишней разговор и спор не вступать (п. 20).

А понеже ложь в младенцах и кража суть такие злодеяния, чрез которые, ежели во младости воздержаны не будут, то в возрасте, от обычая вкоренившиеся, всякое благонравное наставление изгоняют и благополучия лишают, того ради онаго накрепко за учениками смотреть...и наказывать. Ежели же к тому... от родителей повод или причина дастся, то немедленно доносить командиру, которой родителей и содержателей накажет, если же учитель презрит, то сам, яко потакающий, постраждет (п. 21).

При этом Татищев призывает учителей проявлять доброе отношение и любовь к детям, поучать их «благочестному житию» не только в стенах школы, но и в свободное от учебы время:

В содержании учеников учителя должны со младенцами не слабо и не жестоко поступать, прилежно и внятно не токмо наукам, ремеслам принадлежащим, но и страху божия и благочестному житию поучать, с ними ласково поступать и более любовию, нежели страхом обходиться, и для того не токмо в школах, но и в гулянии за ними наблюдать.

«Сквернословия и всякие непристойные слова не токмо во училище, но и вне весьма накрепко запресчаются, и дабы во училище...лишних разговоров, а наипаче брани, не допускать, за которое по пристойности вины и возраста наказывать». Этот 22-й пункт «Учреждения», на наш взгляд, появился не случайно и являлся прямой отсылкой к брани, устраивавшейся Бахоревым в стенах словесной школы в 1736 г., о чем речь пойдет ниже.

Последние пять пунктов инструкции посвящались организации учета в школе, который также возлагался на учителя. Он должен был составлять ежемесячно реестр учащихся, получающих жалованье, отмечать причину их отсутствия, болезнь «или за отлучением куда», «писать имянно о том, у кого сколько в учении дней прогульных и больных, и уволенных». Больных учеников при письме направлять к лекарю, отмечать, с какого по какое число был в лечении, от лекаря принимать также при письме (п. 23).

Каждый учитель должен был вести каждодневную записку о наличии учеников, «отлучающихся» и больных, подавать ее по третям года, а к даче жалованья – помесечно «командующим». О заболевших доктору или лекарю немедленно объявлять и требовать, чтобы

осмотрели и определили «о содержании», чтобы ученики болезни себе «не притворяли или напрасно без надлежащего надзирания и лечения скорби не умножали» (п. 24).

Учителя обязывались вести журнал, в котором отмечать все поступавшие указы от начальства, фиксировать их номера, дату поступления, номер документа. Иметь особую книгу регистрации исходящих документов с указанием номера, даты, с кем отправлено, с росписью этого человека (п. 25–26). Вести приходную книгу всем полученным в школу книгам и инструментам; выданные в пользование ученикам записывать в расходную книгу с указанием, кому отданы, росписью принявшего или его товарища, которому верит, если не умеет еще писать. «И сказывать им», чтобы хранили в чистоте и целости «под страхом наказания и денежного платежа» (п. 27).

В 1736—1737 гг. тексты «Учреждения» были разосланы во все заводские конторы, вручены учителям школ и являлись главным руководящим документом в их повседневной деятельности на протяжении всей первой половины XVIII в.

Нормы об обучении ремеслам, судя по ведомостям, претворялись в жизнь в 1738–1742 гг., но распространялись лишь на учащихся арифметической и знаменованной школ, и то, видимо, на часть учеников. Не удалось перейти и к использованию новых пособий для обучения чтению, из заказанных в Москву по 116 экземпляров книг Прокоповича и Брюса удалось приобрести лишь пять книг «Зерцал» – они как раз только печатались после длительного перерыва¹.

С конца 1730-х гг. горнозаводские школы вступают в полосу кризиса. Кризисом называют ситуацию, когда становится невозможным функционирование прежней модели, требуется принятие решения по ее изменению и появляется шанс на ее обновление. В истории горнозаводских школ Урала такая ситуация начала проявляться в связи с тем, что интенсивное расширение сети учебных заведений при казенных заводах с 1735 г., увеличение численности учащихся в них, получавших казенное жалованье, открытие в Екатеринбурге первых иноязычных школ, немецкой и латинской, приглашение в них дорогостоящих учителей-иностранцев

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 32-36,211.

из столицы привели в конце 1737 г. к большому перерасходу сумм, выделяемых ежегодно на школы заводскими штатами 1735 г.

Впервые перерасход выявился Казначейской конторой в начале 1738 г. Если штатами 1735 г. на школы Екатеринбургского ведомства полагалось 1 500 руб. в год, то перерасход составил 1 313 руб. 43 коп., еще без учета всех видов расходов¹. В 1737 г. учащихся в школах насчитывалось 694 человека, в том числе получавших казенное жалованье – 476, учившихся без жалованья – 218². Казначейская контора предложила в целях сокращения перерасхода сумм не выдавать жалованье учителям за последнюю треть 1737 г., а ученикам – за декабрь и приостановить выдачу в 1738 г. Но начальство 21 февраля 1738 г. отказалось пойти на такой шаг, ссылаясь на то, что

...ныне хлеб и харч против прежних годов в великой дороговизне находится. Школьники же не токмо сырые, но и имусчие отцов, от недостатка на содержание не только платья не имеют, но и дневной писчи лишены, которую, как видно, многие получают чрез мирское подаяние³.

Члены Канцелярии постановили: жалованье всем за 1737 г. выдать, а с января 1738 г. – приостановить в отношении русских учителей и учащихся. Иностранцев, работавших по контракту, лишить жалованья заводская администрация не решилась, хотя на них тратилась бóльшая часть школьных сумм: ректор немецкой школы Б. Штермер получал 400 руб. в год, учитель латыни и пастор Л. Сехтинг – 300 руб., учителя немецкого И. Гейнш и А. Розе – 200 и 100 руб.⁴ О перерасходе штатных сумм решено было сообщить В. Н. Татищеву, находившемуся в Самаре, где он одновременно руководил и Оренбургской комиссией, выехав с Урала в июне 1737 г.

Указом от 11 июня 1738 г. Татищев велел весь перерасход зачислить в положенную на школы штатами 1737 г. сумму и впредь производить жалованье учителям и ученикам по новым штатам, вступившим в официальное действие лишь в 1741 г.⁵

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 20–22 об.

² Там же. Д. 762. Л. 739.

³ Там же. Д. 760. Л. 22 об.–23.

⁴ Розе скончался в июле 1737 г., Гейнш – в декабре месяце.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 762. Л. 196.

31 июля 1738 г. уральское начальство снова рассмотрело дело о школьных расходах, констатировало, что после введения нового штата 1737 г. с перерасходом покончено, осталось даже 500 руб. в наличии¹. Но поскольку комплект учителей еще неполный, при его наполнении появится немало излишнего расхода. Кроме того, штатами 1737 г. учеников на жалованье полагалось иметь только 80, «а налице таковых есть, коим без жалованья быть не можно, близ пятисот человек». Поэтому решено было учителям возобновить выплату жалованья по прежним окладам с августа 1738 г., причем выдать всю удержанную с января месяца сумму. Но учителям словесных школ и пенсия штатами 1737 г. оклады уменьшались с 18 до 12 руб. в год, и в уменьшенном виде суммы подлежали выплате с января 1738 г.

Выплату казенного жалованья учащимся не восстановили. Для поддержки самых нуждавшихся – сирот и детей отставных родителей, которых насчитывалось в школах 104 человека, чтобы эти «сирые и неимущие ... не бродили по миру и голод не терпели», решили с августа выдавать по пуду ржаной муки на месяц каждому в счет будущего жалованья, «какое им впредь определится», и выдавать его «в начале каждого месяца, а не по прошествии».

Начальство обратило внимание и на учащихся из крестьян и разночинцев, записанных в подушный оклад, предписало «справиться с командами их», если окажется, что записаны с крестьянами, «взять известия», «оныя для чего в школу взяты и по какому указу»².

Осенью 1742 г., 11 сентября, состоялось важное заседание Канцелярии Главного заводов правления, посвященное судьбе горнозаводских школ³. Согласно заслушанной справке, учителей трудилось в школах 15 человек; учащихся, которым полагалось жалованье по нормам, введенным Татищевым в 1735 г., – 392 человека. Всего по заводам на жалованье состояло 139 учеников в словесных школах (получавших по определению от 8 февраля 1735 г. 3 руб. в год) и 86 — в арифметических (по 4 руб. в год). На выплату им исходило 1384 руб. Без жалованья обучалось чуть меньше — 118 человек.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 762. С. 773–775.

² Там же.

³ Там же. Оп. 12. Д. 308. С. 84–91.

Констатировалось, что если число учителей и учащихся не уменьшить, то перерасход штатных сумм будет хроническим. Если сократить часть учителей, но платить жалование всем ученикам, в том числе ученикам немецкой и знаменованной школ (по 4 руб. в год), то оно будет полагаться 392 человекам и перерасход штатной суммы все равно составит 439 руб. Поэтому на заседании 11 сентября 1742 г. члены Канцелярии подполковник Л. Угримов и бергмейстер И. Юдин предложили:

1) Немецкую школу «отставить... для того, что при заводах к делам той немецкой науки дети не так нужны, как из арифметики, геометрии и чертежей, которые не только к приказным и заводским, но и к маркшейдерским и другим делам и ремеслам за способнее быть признаются». Уволить и Сехтинга, пастора и бывшего учителя латинской школы, имевшего оклад 300 руб. в год. Представить об этом Берг-коллегии.

2) Школам быть: при Екатеринбургском, Полевском, Алапаевском заводах, при Пермском, Красноярском и Нерчинском горных начальствах. Екатеринбургские словесная и арифметическая школы должны стать центром обучения детей с близлежащих к Екатеринбургскому заводу: Верх-Исетского (в 2 верстах), Уктусского (7 верст) и Верхне-Уктусского (в 4-х верстах от Уктусского); более удаленных от Екатеринбурга Сысертского (38 верст) и Каменского заводов (90 верст). В школы, оставшиеся при других заводах, также забирать детей с соседних, где они подлежали закрытию¹.

Должны были закрываться словесные и арифметические школы, действовавшие с 1735–1736 гг. при заводах Верх-Исетском, Уктусском, Сысертском, Каменском, Пыскорском, Лялинском; словесная при Северском; всего 13 школ.

Далее шел текст самого определения:

– Выполнить пункт о сокращении сети школ.

– Сократить круг учеников, получавших казенное жалование, давать его только «сиротам, не имущим отцов и отставных от ремесел, також солдатским и разночинским детям».

– «Мастерским и подмастерским детям, которые до сего в школе были на отцовском пропитании и в науках понятны, хотя б они и возрастны были, тем до указу быть по-прежнему в школах».

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 308. С.86.

– Детей подмастерьев, заводских работников и «других чинов», которые получали жалованье «и доучились высших наук» – распределить к делам, малолетних – отдать отцам до 15 лет.

– Детей подьячих, получавших жалованье, кроме сирот, «также распустили к отцам, коих имеют они своим коштом обучить».

– «А буде из них или из мастеровых и работных людей пожелают, чтоб детей их из школы от обучения не отлучать, то таковым быть в оных на пропитании родителей их».

– О Сехтинге требовать определения Берг-коллегии. Не соизволит ли Берг-коллегия «здесь, при заводах, школы определить содержать на таком основании и жалованье, как при полках о солдатских детях учреждено», но давать ли при этом жалованье по определению Татищева 1735 г. всем, чьи отцы имеют оклады меньше 25 руб. в год, или только сиротам, детям отставных, солдат и разночинцев. Также понятливых в науках, «удержанных в школах», содержать ли далее или отпустить к отцам? По мнению Канцелярии, надо «обучить их и определить в мастерства, понеже умеющие грамоте, арифметике, геометрии более способны быть при всяких делах и мастерствах, нежели незнающие оного».

– *«А впредь до указа при всех заводах, как мастерских, так подмастерских и работных людей детей, кроме тех, кои добродотно пожелают обучать на своем пропитании, в школы не брать».* В Берг-коллегию послать доношение с Табелью, сколько каких чинов детей в школах находится и какое у их отцов жалованье.

От подчиненных команд уральское начальство потребовало составить и прислать именные списки, сколько остается в школах детей, сколько будет отпущено домой и определено к делам¹.

Закрытие в 1742 г. словесных школ при Верх-Исетском, Уктусском, Сысертском и Каменском заводах привело к пополнению Екатеринбургской школы за счет перевода в нее части их учащихся. Судя по сводной ведомости 1746 г., 50 учеников покинуло школу, но взамен их пришло 80 человек².

Согласно справке о назначении жалованья, всего 7 учеников с Виза и Уктуса были оставлены к марту 1743 г. в словесной школе Екатеринбургa³, а поскольку по месту жительства обучался грамоте 41

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 308. С. 88–90.

² Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 325. Л. 3–4.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 120.

человек, то продолжили обучение лишь 17 % школьников. Число учащихся арифметических школ, переведенных в Екатеринбургскую, остается неизвестным.

С Каменского завода для продолжения обучения в словесную школу в Екатеринбург перевели всего 11 сирот, детей отставных и разночинцев, которые должны были получать жалованье. Их число устанавливается благодаря доношению учителя Екатеринбургской школы Семена Иванова от 10 марта 1743 г. о необходимости назначения им жалованья: двое сирот учились с октября, остальные – с 6 ноября 1742 г., т. е. четыре-пять месяцев¹. В словесную школу Екатеринбурга зачислили сына унтер-шихтмейстера Якова Михайлова 14 лет, видимо, с согласия отца, на своем коште. Из Каменской арифметической школы был оставлен учиться в Екатеринбурге 16-летний сын свирельщика. Из всех 47 учеников школ Каменского завода лишь 13 продолжили обучение в Екатеринбурге, т. е. 29%. При этом положение их естественно, резко ухудшилось, им пришлось обучаться в удалении от родного дома на 90 верст! Из школы Сысертского завода, где обучалось 35 человек, известно точно о переводе трех, получавших жалованье², но общее число переведенных установить не удалось.

Безусловно, продолжать обучение в школе не при своем заводе, а за десятки верст от дома, было гораздо сложнее как для самих учеников, так и для их семей. Надо было хлопотать о найме квартиры для детей, если по месту учебы не находилось родственников; оплачивать постой у чужих людей, доставлять продукты, одежду. Это касалось как сирот, детей отставных от дел, солдат, получавших жалованье, так и обучавшихся на коште родителей без материальной поддержки со стороны заводских властей.

Закрытие школ при 7 заводах и отправка на учебу детей на другие заводы привели не только к резкому сокращению числа учащихся, но и к резкому росту пространственной мобильности молодежи, вынужденной продолжать обучение вдали от родительского дома. На короткий срок они могли видаться с родными во время отпуска домой на праздники и летом, когда отпускались начальством по домам для помощи в уборке сена.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 126 – 126 об.

² Там же. Л. 119.

В августе 1745 г. одновременно 26 человек из Екатеринбургской словесной школы были переведены в арифметическую. В связи с этим начальство 23 августа приняло решение: «во всех здешней Канцелярии командах вновь собрать детей в школы таких, кои быть должны на жалованье»¹. 6 сентября 1745 г. был издан указ «учинить опись» всем детям от 7 лет, которые должны обучаться в школах по определению от 11 сентября 1742 г. с получением жалованья, «яко салдатским, отставных..., умерших» и присылке их списков в Канцелярию. Причина переписи детей в одном из указов объяснялась так: «понеже ис поданных ис подчиненных команд репортов усмотрено, что многие дети такие есть, что ко обучению в школы по летам их быть годны, а в школы для обучения еще не взяты»².

Полиция Екатеринбургa при доношении от 18 ноября 1745 г. прислала «опись», включившую 81 человека: 9 сирот, 21 сына отставных от дел, а также солдат «и протчих чинов». Уральское начальство 16 декабря предписало взять в школу более половины из них – 43 человека; одного определить к ремеслу, 12 детей оставить при отцах до 15 лет; отыскать и прислать к смотру еще 15 человек. Детей 12 лет начальство решило уже в школу не брать.

«Опись» детей, составленная полицией, достоверно свидетельствует, что даже в Екатеринбургe с 1742 г. никаких коллективных приемов детей для обучения грамоте власти не предпринимали. «Малолеты», не взятые в свое время в 7-летнем возрасте, оказались уже переростками, которых власти из-за этого в 1745 г. лишили права обучаться грамоте³.

По заданию уральского начальства на местах был составлен список детей мастеровых и работных людей от 5 до 16 лет, «явившихся» в ходе ревизии 1745–1746 гг. по всем казенным заводам Урала и Сибири. Екатеринбургской заводской конторой было учтено 207 человек, при Верх-Исетском заводе – 59, Уктусском – 37, Каменском – 18, Сысертском – 57, Полевском – 32, Сылвенском – 56, Кушвинском и Туринском – 83, при всех Пермских – 112, при Алапаевских трех – 162, при Нерчинском горном начальстве – 11, при

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 62.

² Там же. Д. 2321. Л. 140 об., 145 об.

³ Там же. Л. 160–161 об.

Чусовской пристани – 11. Итого 845 человек, а с находящимися в школах – 1147 человек¹.

Отсюда ясно, что число учащихся в горнозаводских школах составило 302 человека или 26,3 % от общей численности детей в возрасте от 5 до 16 лет. Таков итог реформирования сети горнозаводских школ и порядка назначения жалования лишь узкому кругу учащихся, предпринятому властями в 1742 г. 26,3 % учившихся на 1746 год – это показатель, явно улучшенный в результате проведения первого коллективного приема детей в школы в 1745 г., до этого пополнения удельный вес учившихся в школах детей был гораздо ниже.

Но единичные зачисления детей в школу проводились. Начальство шло навстречу просьбам родственников, пожелавших использовать право обучать детей с назначением казенного жалования. Само уральское начальство при отправлении больных или престарелых работников в отставку выясняло, есть ли у них дети, и обязывало отцов представлять их в школу «по достижении возраста». Требовало и от контор, например, Верх-Исетского завода, Екатеринбургского, Конторы судных и земских дел, присылать таких детей в школу².

Ответ на запрос, посланный в Берг-коллегию в 1742 г. о дальнейшей судьбе школ, был важен для уральского начальства, ведь решение о сокращении школ и числа учащихся в них, получавших жалование, рассматривалось как временное, но Берг-коллегия сохраняла молчание. В 1745 г. начальство отправило повторный запрос³.

В 1746 г. многомесячную поездку на Урал совершил президент Берг-коллегии А. Ф. Томилов. 13 сентября он предписал Канцелярии «учинить ряд экстрактов» о заводском производстве, в том числе «о содержании школы и учеников»⁴. На основе этих документов и личного знакомства с делами Томилов вынес определение, зафиксированное в делах Канцелярии как «сообщение», поскольку нормативный акт мог быть принят только от имени всех членов Берг-

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 331.

² Там же. Л. 154, 170, 175 об.

³ Там же. Оп. 12. Д. 308. Л. 85–90; Оп. 1. Д. 1128. Л. 44–45.

⁴ Там же. Оп. 12. Д. 356. Л. 147–148.

коллегии. «Сообщение» имело 18 пространных пунктов, 17-й посвящался школам¹.

А. Ф. Томилов заявил: школам, «чтобы не на всех заводах, но при несколько быть, оное не худо», многие из них находятся близко друг от друга и школы содержать «не без излишняго ж расхода будет», поэтому быть «первой и настоящей большой» школе в Екатеринбурге, где обучать детей и с близлежащих Верх-Исетского и Уктусского заводов; другой, «поменьше» – в Перми, а на прочих заводах «быть на кардинальных с ближними к ним ведомым, а на отдаленных особом»². По сути, Томилов от имени Берг-коллегии одобрил политику сужения сети школ во имя экономии средств на их деятельность.

Более того, Томилов предложил сузить программу обучения в оставшихся школах, учить только чтению и письму, кроме Екатеринбургской и Егошихинской, хотя прежде при заводах действовали школы и словесные, и арифметические. Только лучшие ученики могли, по мысли Томилова, продолжить обучение арифметике в Екатеринбурге. Таким образом, предполагалось и резкое сокращение объема школьных знаний.

При этом Томилов инициировал повышение уровня преподавания в Екатеринбургской школе. Наряду с обучением грамоте, пению, арифметике, геометрии, тригонометрии, черчению, рисованию, знаменованию «и несколько молярства», латинскому и немецкому языкам, предложил ввести новые предметы: маркшейдерство, механику, металлургию, химию, артиллерию, фортификацию, архитектуру, географию, музыку. По сути, Екатеринбургская школа могла превратиться в первое на Урале среднее учебное заведение и одно из лучших в России. В Егошихинской школе предлагалось обучать грамоте, арифметике, геометрии, тригонометрии и маркшейдерству, как и при Нерчинском заводе³.

Ссылаясь на практику столичных школ, где казенное жалованье выдавалось и детям дворян, Томилов предложил вернуться к назначению жалованья в зависимости от окладов отцов, при этом понизить их ценз с 25 до 12 руб.⁴ Но согласно нормам действовавшего заводского штата 1737 г. оклады до 12 руб. получали лишь солдаты,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 50. Л. 503—506.

² Там же. Л. 503 об.

³ Там же. Л. 504.

⁴ Там же. Л. 503.

сторожа, ученики копиистов, конюхов, угольщиков, а низшие заводские работники имели 14—16 руб., не говоря уже о мастеровых. Поэтому попытку Томилова представить новый порядок назначения жалованья как способ расширить круг получавших его школьников следует признать явно несостоятельной.

Томилов предложил установить четкие возрастные границы обучения детей в школах — от 7 до 15 и 18 лет, с увольнением «непонятливых» из школы, как и прежде, к заводским делам. Видимо, до 18 лет предполагалось обучать в Екатеринбургской и Егошихинской школах, где действовала бы расширенная программа обучения. При этом «дворянских, афицерских, управительских, приказных и мастеровых, которых отцы довольное жалованье и пропитание свое имеют, быть на своем коште», «лутчих и которые похотят далее обучаться, допускать еще до двух лет», а потом распределять к делам¹.

Президент коллегии предписал «те школы снабдить инструкциями, слагая со учиненною по пунктам и оному указу в Военной коллегии». Имелось в виду «Рассуждение», подготовленное Воинской комиссией в 1732 г., утвержденное Анной Иоанновной, т. е. ставшее законом, и в сопровождении указа Военной коллегии присланное в Тобольскую губернскую канцелярию. Копию с него уральское начальство запросило в поисках выхода из ситуации с хроническим перерасходом штатных школьных сумм. В 17 пунктах «Рассуждения» регламентировались основы организации гарнизонных школ, в частности, программа обучения детей от 7 до 15 лет – грамоте и арифметике, солдатским экзерцициям; старших, наиболее способных — дополнительным предметам². На этой основе Томилов распорядился «как здесь, в Екатеринбурге, так и на других заводах разобрать и распределить (учеников. – *Авт.*) и о достальных учинить описание, что их будет, и в каких науках останутся, и жалованье имеет быть в год, и что, где, сколько мастеров и подмастерьев есть и надобно быть, и с каким жалованьем, и представить»³.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 50. Л. 504–504 об.

² См. об этом: Сафронова А. М., Кравченко О. С. Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Вып. 14. Екатеринбург, 2014. С. 183–190.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 50. Л. 504 об. – 505.

Томилов констатировал: «Настоящих же учителей или мастеров и подмастерьев дальних наук почти никого нет», поэтому «до сискания оных» предложил в Екатеринбургскую и Егосихинскую школу «выбрать к тому способных из горных и заводских афицеров, а в подмастерья определять из обучившихся» школьников с жалованьем: в математике — по 24 руб. в год, маркшейдерстве, механике, географии — по 30 руб., «высших наук» — 36 руб. в год. Быть им в помощниках учителей от трех до пяти лет с распределением потом в надзиратели, унтер-шихтмейстеры и другие заводские должности. Учителям чтения платить по 12 руб. в год, письма и пеня — по 18 руб., «как и ныне есть»¹. Положительное значение имело распоряжение Томилова о возвращении в знаменованную школу учителя рисования Федора Аврамова, в июне 1745 г. отправленного лесным надзирателем на Сысертский завод. Томилов приказал «быть ему для своего учения в школе безотлучно», а в Сысерть определить другого.

Важные последствия имело замечание Томилова: «для тех школ надобно довольно цыркулей и протчих инструментов, а для того нарочно обучен инструментальной подмастерья Терентей Кочкин, которой здесь от того своего дела был иногда отлучаем к надзиранию работ». Кочкин, выпускник арифметической школы Екатеринбурга в 1735–1742 гг. обучался в инструментальной палате Академии наук у механика Брукнера изготовлению математических и маркшейдерских инструментов². И Томилов предписал: «делать ему те инструменты, что до школы, горного, заводского дела надобно, также и другия, яко мас[ш]табы, транспортиры, пропорционал-цыркули, компасы, часы солнечные, астралабии и протчие, чему он изучен».

Эти инструменты по требованию горных и заводских офицеров выдавать им за плату, «положа цену, во что станет каждое с прибавлением указного процента», «а буде собою не будут брать, им отдавать з запискою, имая за них деньги или вычитая из жалованья, чтоб у них у всех свои были, что до их должностей надлежит». Излишние инструменты разрешалось продавать желающим и отправлять в Берг-коллегию³.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 50. Л. 505.

² См.: Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург. 2016. С. 208–217.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 50. Л. 505–506.

В целом можно сказать, что «сообщение» президента коллегии А. Ф. Томилова имело двойственное значение. Если положения о расширении программы обучения в екатеринбургских школах, привлечении для помощи в преподавании лучших выпускников школ, упорядочивании оплаты их труда, организации центра изготовления инструментов имели положительное значение для развития школьного дела, то ответы на запросы уральского начальства о сети школ, порядке назначения жалованья учащимся никак не разрешали проблемы хронического перерасхода штатных сумм. Распространение же на школы инструкции 1732 г., предназначенной для гарнизонных школ, могло привнести в жизнь горнозаводских учебных заведений дух муштры, жестоких наказаний, которые предписывались инструкцией военного ведомства.

Прошло более года, прежде чем уральское начальство подготовило «примерное исчисление» средств, необходимых на деятельность школ, согласно предложениям главы Берг-коллегии, и 30 декабря 1747 г. рассмотрело его на своем заседании¹.

Члены Канцелярии констатировали, что заводскими штатами 1737 г. на школы положено 3508 руб., в том числе на жалованье ученикам – 650 руб. Но «на наличных всех учеников, содержащихся на жалованье, ныне исходит сверх оной, положенной по статусу суммы, излишно». По силе «сообщения» Томилова учеников на жалованье должно быть 279, на них потребуется на хлебное, мундирное и денежное жалованье «по примеру гарнизонных школ» на одного человека в среднем 7 руб. 2 коп., а на всех – 2 660 руб. 15 ⁵/₈ коп. На жалованье учителям, мастерам и подмастерьям школ на 21 человека – 742 руб. 5 коп., на книги, инструменты и прочее – 99 руб. 21 ¹/₂ коп. Вся сумма на школы составит 3 501 руб. 41 ³/₄ коп. и еще останется 6 руб. 58 ³/₄ коп.

Но по определению Канцелярии от 26 апреля 1742 г. положенные на бывшего ректора и учителей иноязычных школ 1480 руб. были исключены из подлежащих оплате, так как эти должности признаны не нужными. С учетом этого, расходы на школы будут превосходить оставшуюся штатную сумму на 1473 руб. 41 ³/₄ коп. Поэтому члены Канцелярии решили: на школы «роход положить и считать так неотменно», как положено на содержание гарнизонных школ².

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 371. С. 314–322.

² Там же. С. 314–315.

Школьникам быть на жалованье по определению 11 сентября 1742 г. и сообщению Томилова, т. е. чьи отцы получают до 12 руб. в год. При этом донести в Берг-коллегию, что при заводах работников с окладом до 12 руб. «весьма мало», больше таких, кто по 12 руб. 96 коп, по 15, 18, до 20 руб. в год получают. Такие дети жалованья не получают,

...а они люди убогие, к тому ж из них самих и детей человека по два, по три и более положенных в подушной оклад есть, за коих они подушной оклад платят ис получаемого жалованья. И не только им детей, кои возьмуться в школу, будет им содержать, но за платежем подушных денег и самим з женами содержать себя будет нечем, и от таковых отцов детей не что иное может следовать, как всегдашняя доука о жалованье, а детей их босота и нагота всегда видима будет, бес того их в школах содержать будет не можно, как то ...и ныне есть¹.

Поэтому уральское начальство обратилось к Берг-коллегии, «не соизволит ли...указать», если брать в школы и «нижних работничьих детей», то содержать их на казенном жалованье по определению 1735 г. – чьи отцы имеют в год не больше 25 руб. До получения ответа Берг-коллегии давать жалованье по определению 1742 г. лишь сиротам, детям отставных, солдат и разночинцев. Берг-коллегии донести, что число учащихся, показанное в расписании на жалованье, набраться «может», к тому ж из рапортов команд видно, что и на своем коште «надежно столько ж собратся, сколько и жалованных» детей от 7 до 12 лет. Тем, кому больше 12, оставаться при родителях до 15 лет, а в школу не брать. У кого родителей нет, определять к ремеслам, а в 15 объявлять к делам. Командирам учинить описи душам мужского пола².

Томилов предложил обучать в Екатеринбургской школе *химии, металлургии и музыке, но «знающих тех наук здесь никого нет, и для того требовать от Берг-коллегии...»*. *Просить прислать и положенного по штату уральских заводов 1737 г. артиллерии штык-юнкера, «которой бы знал науки артиллерии и фортификации, также архитектуры, и мог бы тому здесь учеников обучать, и в случае нужды свою должность отправлять»*. Другие науки могли

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 371. С. 316.

² Там же. С. 315–316.

преподавать горные и заводские офицеры, а помогать им – «из обучившихся достойных учеников, кто за способнее признаетца»¹.

Далее шло «примерное исчисление» о содержании школ по штату 1737 г. на 3 508 руб. в год, а за выключкой должности ректора – на 2028 руб. «против гарнизонных школ», а на учителей – по «сообщению» Томилова. Предлагалось расширить сеть школ, иметь их при девяти казенных заводах.

В словесной школе Екатеринбургa иметь три учителя – словесного, письма и пения с жалованьем по 18 руб. в год и содержать на жалованье 95 человек. Расписывались суммы денег на одного ученика – 1 руб. 35 коп., хлеба – на 4 руб. 3 $\frac{1}{8}$ коп, на мундир – от 1 руб. 16 коп. до 1 руб. 61 коп. в зависимости от его роста. В арифметической школе иметь двух подмастерьев-учителей с окладами по 24 руб., учеников на жалованье – 50 человек (денежное жалованье им увеличивалось до 1 руб. 59 коп.).

Кроме того, полагался учитель геометрии, тригонометрии, маркшейдерства, географии, артиллерии и фортификации с жалованьем 107 руб. 2 $\frac{1}{2}$ коп., учеников под его началом – 40 человек. Также учитель механики, архитектуры, «молевать», рисования с окладом 131 руб. 2 $\frac{1}{2}$ коп.; металлургии и химии учитель и главный смотритель над школами в ранге поручика с жалованьем по штату; подмастерье с окладом 36 руб., 10 учеников этих высших наук. На каждого из 50 учеников полагалось тратить в год 7 руб. 92 $\frac{1}{8}$ коп.

Учитель-иноземец латинского и немецкого языка по «расписанию» предполагался один с окладом 120 руб. и всего 5 учеников на жалованье по 7 руб. 2 $\frac{3}{4}$ коп., «да сверх того афицерских, управительских и знатных приказных до 20 человек, начав от геометрии». Всего на школы Екатеринбургa выделялось, как уже отмечалось, 2038 руб. 62 $\frac{11}{12}$ коп.²

Эти материалы были отправлены для рассмотрения в Берг-коллегию, но ни на это представление, ни на последующие запросы уральской Канцелярии она так и не отреагировала. Поэтому ни на какие изменения в отношении расширения программы обучения в Екатеринбургской школе, расширения сети школ при заводах уральское начальство пойти не посмело.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 371. С. 316–317.

² Там же. С. 317–318.

Местные власти решились лишь на выяснение численности детей, проживавших при казенных заводах. В феврале 1748 г. Канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских заводов разослала новый указ на заводы, содержание которого передано в доношении Алапаевской конторы:

...которые дети явятца, не бывшие в школе, далее двенадцати лет, тем быть до пятнадцатилетнего возраста при родителях и свойственниках их. А у которых в таковые ж лета, от двенадцати до пятнадцати, родителей и родственников не будет, таковых, чтоб праздны не были, определять к пристойным наукам и ремеслам по их могутству и состоянию, а у кого в какие лета есть мужеска полу дети, учинить описи»¹.

Заметим, даже круглых сирот от 12 до 15 лет, у которых отсутствовали родственники, приказывалось определять в работы. При этом задавалась форма составления переписи детей: указывались должность, фамилия, имя отца, имя сына, его возраст. Перечень детей следовало систематизировать по трем группам: от года до 7 лет, от 7 до 12 лет и от 12 до 15. Ясно, что основная цель указа заключалась в том, чтобы не упустить возможности использовать подросших детей на заводских работах. Для нас итоги переписи 1748 г. важны как достоверное свидетельство численности детей, оставшихся за порогом школы.

В списке Конторы денежного дела, проводившей перепись в Екатеринбурге и поданной 24 мая 1748 г., было учтено от года до 6 лет – 75 детей, от 6 до 15 лет – 36 человек. Начальство 2 июня приказало «пересмотреть» их по прибытии «от каравана» члену Канцелярии И. Юдину, отметить в списке и предложить Канцелярии. На правом поле списка видим пометы о результатах смотра: напротив 24 фамилий детей в возрасте 5–12 лет отмечено – «в ш.». Среди взятых к обучению один – 5 лет, трое – 6 лет и один – 12. Видимо, в процессе переписи некоторые отцы уменьшили возраст детей, поэтому члены Канцелярии приказали: «и при прочих заводах мастерских детей до сущаго младенца, не утверждая на показания отцовския о летах, детей пересмотреть самим управителям»².

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 298.

² Там же. Л. 288–292 об.

Наборы детей с периферии в екатеринбургские школы, по сути, прекратились, лишь в словесную школу пришло пополнение по месту жительства детей. На запрос Канцелярии, сколько детей с других заводов обучаются в Екатеринбурге в 1749 г., надзиравший за ними Федор Санников ответил: ни одного.

В ходе второй ревизии в 1744–1747 гг. многие мастеровые люди и их дети мужского пола, не платившие подушного оклада, в него были записаны, в том числе и школьники, что, безусловно, значительно ухудшило их материальное положение. Некоторым ученикам приходилось платить подушные деньги не только за себя, но и за умерших отцов. Во время проведения второй ревизии члены Канцелярии Главного заводов правления пытались освободить мастеровых от уплаты подати или предлагали платить ее из заводской прибыли. В одном из рапортов в Берг-коллегию они указывали, что одни Пермские казенные заводы дают государству прибыли от 40 до 50 тыс. руб. ежегодно, а работные люди из-за непосильных поборов могут разбежаться с заводов. Из-за взимания подушного оклада за детей мастеровые отказываются отдавать их в школы, определяют в заводские работы или используют в своем хозяйстве, поэтому трудно пополнять школы, готовившие служащих для заводских нужд¹.

Как свидетельствуют рассмотренные нами документы, кризисное состояние горнозаводских школ Урала никакими способами в 1742–1750 гг. разрешить не удалось. Меры, предпринятые уральским властями в сентябре 1742 г. как временные, так и продолжали свое действие вплоть до середины века. Берг-коллегия на них так и не отреагировала. Предложения президента Берг-коллегии А. Ф. Томилова, внесенные в октябре 1746 г. во время посещения заводов, частично содержали ценное зерно, но в целом никаких конструктивных решений не предполагали, даже рассуждения о повышении статуса Екатеринбургской школы так и остались на бумаге. «Примерное исчисление» о реорганизации деятельности школ, разработанное и принятое на заседании уральской Канцелярии 30 декабря 1747 г., отправленное в Берг-коллегию, ею было проигнорировано.

Главное, политика по привлечению в школы даже узкого социального круга детей, ограниченного сиротами, детьми вышедших в отставку отцов по болезни или старости, детьми солдат, которых

¹ Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 118.

власти обещали обучать на казенном жалованье, не отличалась активностью. Имели место лишь единичные случаи организации коллективного приема детей в школу в 1745 и 1748 гг. и то в ограниченном количестве. Кризис школьного дела на горнозаводском Урале не был преодолен, по сути, он лишь углублялся.

Глава 2. **УЧИТЕЛЯ СЛОВЕСНОЙ ШКОЛЫ ЕКАТЕРИНБУРГА (1734–1750-е гг.)**

Главной особенностью учительского корпуса Екатеринбурга после принятия заводов В. Н. Татищевым от В. И. Геннина стало привлечение в качестве учителей грамоты ссыльных, отправлявшихся на Уральские заводы со всей страны. Нами установлен круг ссыльных, использованных в качестве учителей грамоты в горнозаводских школах и время их деятельности: на Уктусском заводе – Никита Афанасьев (1735–1742 гг.), Верх-Исетском – Иван Иванов (1736–1742), Сысертском – Герасим Попов (1735–1742, 1748–1750-е, обучавший и арифметике), Алапаевском – Яков Беляев (1736–1744), Полевском – Иван Лукин (1736–1744), Егошихинском – Григорий Демидов (с 1737 г.), Кушвинском – Василий Просолов (1739–1745)¹.

Возникает вопрос, почему же с середины 1730-х гг. именно ссыльные стали главным источником формирования корпуса учителей на горнозаводском Урале? Дело в том, что Татищев по прибытии в Екатеринбург ставит целью открыть словесные, а затем и арифметические школы при всех казенных заводах Урала, осуществить план 1723 г., изложенный в наказе Ф. Неклюдову. Если тогда казенных заводов действовало четыре – Каменский, Алапаевский, Уктусский и с ноября 1723 г. – Екатеринбургский, то к 1734 г. в строй действующих вошли еще восемь заводов – в 1723 г. Лялинский и Пыскорский; в 1724 – Егошихинский, Полевской, Синячихинский; в 1726 г. – Верх-Исетский (цесаревны Анны) и Верхнеуктусский (цесаревны Елизаветы); в 1733 – Сысертский (императрицы Анны). На Урале стало действовать 12 казенных заводов, намечалось строительство новых.

В первом же доношении в центр, отправленном 9 октября 1734 г., после принятия команды от Геннина, В. Н. Татищев сообщил высшему органу, Кабинету министров: «А ныне я велел по-прежнему

¹ См.: Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург, 2014. С. 300–305.

при всех заводах и в Кунгуре школы возобновить...»¹. 21 октября 1734 г. Канцелярия Главного заводов правления приняла определение о проведении переписи «годных в научение детей разночинцовых, детей боярских, однодворцовых, церковничьих, подьяческих и мастерских *при заводах и в слободах* от шести лет и выше»².

С 1735 г. одна за другой начинают открываться словесные школы при заводах: Егошихинском (март), Лялинском и в городе Кунгуре (апрель), Алапаевском (июнь), Каменском и Пыскорском (август), Уктусском (октябрь) Сысертском (ноябрь), Полевском (декабрь), при Верх-Исетском (сентябрь 1736), Кушвинском (февраль 1739), Северском (июнь 1742).

На каждом заводе были проведены переписи детей, с ряда заводов дети забирались в школы, открытые на близлежащих заводах (с Северского – на Полевской, с Синячихинского – на Алапаевский). Резко возросло число учащихся и в Екатеринбургской словесной школе.

В Екатеринбургской поначалу обучали детей с двух Уктусских заводов и Верх-Исетского. Фактически уральское начальство во главе с Татищевым в 1735 г. провозгласило политику обязательного школьного обучения детей заводских жителей. В результате проведения постоянных переписей детей, их дополнительных наборов за порогом школ оставались лишь дети больные (со слабым слухом, зрением, «килой» и т. п.) и переростки, не взятые в предшествующие годы для обучения.

В связи с открытием одной за другой словесных школ пришлось решать проблему подбора учителей для них, а грамотные люди на Урале, вдали от городских центров, были на особом счету. И структурные подразделения Канцелярии, и горные начальства, и многочисленные заводские конторы продолжали испытывать острую потребность в канцелярских служащих, в них нуждались и конторы строящихся заводов. Поэтому неудивительно, что трижды, обсуждая вопрос об открытии школ – 27 мая, 23 октября и 3 ноября 1735 г., – члены Канцелярии Главного заводов правления во главе с В. Н. Татищевым принимали решения об определении учителями «за недостатком свободных, хотя из ссыльных, токмо не раскольников»³.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 27.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 112 об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 762. С. 70; Д. 577а. Л. 157.

По данным Е. В. Бородиной, изучавшей институт каторги и ссылки на Урале, с 1730 по 1738 гг. в Екатеринбург прибыло 715 каторжных и ссыльных, и какое-то время 399 из них проживали здесь. В 1735 г. прибыло 84, осталось 49, в 1736 – из 219 – 155. Их использовали для работы писцами в конторах и Канцелярии, оплачивая труд за счет средств, вычитаемых из жалованья нерадивых делопроизводителей, а на заводских работах – по Плакату о подушном сборе по 2 коп. в день¹. Безусловно, должность учителя словесной школы была для ссыльных намного престижней этих работ. Но и из проживавших в Екатеринбурге ссыльных далеко не любого можно было назначить в учителя. В делах личной канцелярии Татищева как главы заводов за 4 февраля 1737 г. зарегистрирована «Промемория в Сибирскую губернскую канцелярию об отправлении шести человек ис ссыльных в Екатеринбург, годных в учителя к школам...»². В записной книге исходящих документов канцелярии Татищева ее содержание раскрыто более подробно:

Потребно для школ на заводе Е. и. в. грамоте и письму умеющие человек до шести в учителя, и ежели оные из сыльных есть, хотя написаны в Оходск, токмо б не по секретным лелам, оных благоволено б было для определения на те заводы в Екатеринбург отправить³.

Судя по помете, в этот же день документ был вручен губернатору П. И. Бутурлину лично. Можно говорить, что Татищев в начале 1737 г., намечая расширение сети школ по новому штатному расписанию, разрабатывавшемуся специальной комиссией, именно в ссыльных видел главный источник формирования кадров учителей словесных школ.

Ссыльный Федор Корноушенков (ноябрь 1734 – ноябрь 1735)

Первое назначение ссыльного в Екатеринбургскую словесную школу состоялось 25 ноября 1734 г. В связи с зачислением в состав шихтмейстеров для рассылки на частные заводы учителя

¹ Бородина Е. В. Каторжные и ссыльные в Екатеринбурге в 1723 – конце 1730-х гг.: к вопросу о формировании социального пространства города // Genesis: исторические исследования. 2020. № 11. С. 6–7.

² РГАДА, Ф. 248. Оп. 22. Д. 1538. Л. 34.

³ Там же. Д. 1536. Л. 332 об.–333.

Екатеринбургской школы Сергея Ярцева приказывалось: «у обучения робят словесному быть до разсмотрения и пока к тому достойной същещца ис присланных в сылку без наказания Федору Корноушенку»¹, т. е. первое использование ссыльного предполагалось как временное, до появления более достойного кандидата. Справки Екатеринбургской конторы судных и земских дел гласили, что он прибыл в Екатеринбург с партией ссыльных при промемории Сибирской губернской канцелярии в феврале 1734 г. без указания вины; ноздри целы, кнутом не бит², т. е. совершенное им преступление не было тяжким.

В июне 1734 г. у Ярцева числилось 65 детей (6 – «в твержении письма», 12 – «в обучении письма», двое читали псалтирь, 45 – часослов³. Они и перешли к новому учителю. В мае 1735 г. по требованию начальства Корноушенков подал список детей, учившихся у него с близлежащих заводов. Оказалось, что с 1734 г. 9 человек учились в Екатеринбургской школе с Уктусского завода, 4 – с Верхнеуктусского (цесаревны Елизаветы), 9 – с Верх-Исетского (цесаревны Анны). В марте 1735 г. с ВИЗа было прислано еще 13 детей мастеровых 7–11 лет⁴. Сведения понадобилась начальству в связи с предстоящим открытием школ при этих заводах.

В ведомости Екатеринбургской школы за 1/3 1735 г. числилось уже 97 учеников, ведомость же за 3/3 1735 г., поданная сменщиками Корноушенкова, учитывала 211 учащихся: в марте 1735 г. было принято 14 человек, в мае – 4, ноябре – 126 и декабре – 15. Многих обученных письму в это время уже распределили по школам Екатеринбургa повышенной ступени, а 13 человек в мае перевели на Алапаевский завод, где открывалась своя школа⁵. По нашим подсчетам через Корноушенкова, пока он обучал грамоте (ноябрь 1734– октябрь 1735 г.), прошло более 100 детей, при этом 48 – с четырех других заводов, без учета поступивших в октябре–ноябре 1735 г.

Отметим уникальный факт, неизвестный ранее в литературе: в 1735 г. решено было взять в школу и детей ссыльных, проживавших

¹ ГАСО. Оп. 12. Д. 215. Л. 300 об.

² Там же, оп. 1. Д. 691. Л. 251; Д. 692. С. 50.

³ Там же. Д. 450. Т. 1. Л. 213–214.

⁴ Там же. Д. 577а. Л. 140 об., 95–97 об.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 624. Т. 1. Л. 94–100.

в Екатеринбурге. Свидетельство тому – доношение полицмейстера Екатеринбурга Алексея Зубова, поданное 1 октября 1735 г. в Канцелярию с приложением списков этих детей с указанием фамилий и возраста. Списки были составлены старостой ссыльных Иваном Суровцевым и осужденным в вечную заводскую работу десятником Матфеем Федотовым, т. е. обе категории осужденных имели свое «начальство». В списке у ссыльнопоселенцев числилось 10 детей (трое годовалых, по одному – 2-х, 4, 5, 8 и 9 лет, двое 13-летних), у осужденных в вечную работу – 12 детей, кроме «малолетов» – 9, 11 и 12 лет. 6 октября 1735 г. члены Канцелярии предписали: «ссыльных детей, кои ныне годны, взять в школу; кои еще по летам к тому не пришли... быть при отцах, когда же придут в указные лета, по тому ж взять в школу»¹.

22 октября 1735 г. была завершена перепись юных жителей Екатеринбурга. «Роспись ис переписи 1733 года июня дня Екатеринбургских жителей детям для набору оных в школу и по переписи ж сего 735 года, какова подана из заводской в Кантору судных и земских дел», учла 217 человек², из них, по нашим подсчетам, 178 детей в возрасте 6–15 лет. Заодно были включены и молодые люди, вероятно, не определенные к делам, от 16 до 22 лет.

Назначение учителями ссыльных

Никиты Артемьева, Логина Егорова и Арсения Иевлева (ноябрь 1735)

3 ноября 1735 г. Татищев «с товарищи», заслушав итоги переписи, приняли ряд важных решений. Дополнительно к словесной и арифметической школам в Екатеринбурге открывались школы немецкая, латинская, знаменования (рисования), пения, назначались их учителя. В связи с предстоявшим большим пополнением словесной школы впервые в нее вместо одного назначалось четыре учителя, и все из ссыльных: для обучения чтению – Арсений Иевлев и бывший игумен Логин Егоров, письму – Никита Артемьев, пения – Федор Корноушенков, ранее обучавший грамоте. Всем им назначался оклад по 18 руб. в год. В немецкую школу полагалось определить учеников из словесной, что «понадежнее», в латинскую – направить детей

¹ ГАСО. Оп. 1. Д. 577а. Л. 229–230 об.

² Там же. Л. 216–222 об.

духовенства¹. Таким образом предстояло большое пополнение Екатеринбургской словесной школы и одновременно перераспределение ее учащихся.

Игнатию Юдину как лицу, назначенному от имени уральского начальства отвечать за деятельность школ, 5 ноября 1735 г. на поданную им роспись приказывалось: *«малолетних всех по силе определения 3 ноября 1735 г. обучать русской грамоте»*. К оставшимся в школе 62 ученикам в течение ноября 1735 г. было зачислено еще 126 человек². Это был самый большой прием детей за всю историю школ горного ведомства, ни ранее, ни позднее, в течение XVIII в. такого больше не наблюдалось. Анализ данных о возрасте детей позволяет утверждать, что в основном были приняты «малолеты»: один – 5 лет, 6-леток – 25, 7 лет – 46, 8 лет – 23, 9 лет – 18 человек, 10 лет – 12, и по 3-4 человека в возрасте от 11 до 13 лет. Подростков 14–15 лет для обучения грамоте не взяли, видимо, из-за большого разового пополнения школы, на других заводах подростки в этом возрасте зачислялись.

Социальный состав принятых был самый демократический: в основном дети мастеров, подмастерьев, работников молотовых и доменных, кузнецов (83 человека); большая группа детей солдат (29), дети бывшего комиссара, подпрапорщика, канонира; дети канцеляристов (4), подканцеляристов (3), «разночинцы» (сын и внук сына боярского, сыновья рассыльщика и «запленного мастера Кандыбая», ссыльного). Среди 126 зачисленных выделены те, что «собой явились»: пятеро детей «мастерских», в т. ч. один 5 лет, двое детей солдат и сын целовальника.

В ведомости за 3/3 1735 г., поданную учителями-ссылными, по нашим подсчетам, фигурировало 211 человек, среди них 126, принятых в ноябре и 14 – в декабре 1735 г. Но часть из них уже покинула словесную школу: несколько учащихся перевели в немецкую, в школу, открытую на Уктусском заводе, нескольких детей освободили «за малолетием», «за возрастом»³. Вдумаемся, трое ссыльных в Екатеринбурге обучали грамоте почти 200 человек! В 1736 г. только в сентябре трижды учителя Логин Егоров и Никита Артемьев подавали доношения И. Н. Юдину об окончании обучения

¹ ГАСО. Оп. 12. Д. 226. Л. 11–13.

² Там же. Оп. 1. Д. 624. Т. 1. Л. 154–159.

³ Там же. Л. 94–100об.

грамоте своих учеников, а Юдин накладывал резолюцию о переводе этих учащихся в арифметическую школу (13 человек), латинскую (4), знаменованную (4)¹. Таким образом, завершая обучение детей грамоте, ссыльные обеспечивали пополнение школ Екатеринбурга более высокой ступени.

Положение учителей-ссыльных в Екатеринбургском социуме

Первую ведомость о результатах обучения детей за 3/3 1735 г. скрепили своими подписями все трое, Никита Артемьев, Логин Егоров и Арсений Иевлев. Уральское начальство в лице А. Ф. Хрущова и Н. Г. Клеопина 12 февраля 1736 г. выступили против такого порядка:

При слушании усмотрено, что оной подан от одних учителей, кои определены из ссыльных, а понеже над школами определен для смотрения Главным главный межевщик Юдин, и о том репортовать надлежит ему, а не оным ссыльным. И для того репорт освидетельствовать, во всем ли исправно сочинен, и закрепить ему, Юдину, и впредь об оном и о других школьных делах репортовать ему, Юдину. *А учителем оным впредь не токмо в Канцелярию Главного правления какие ведомости за своими руками подавать, но и словесно мимо Главного над ними командира и других определенных ему помощников не докладывать под опасением наказания.* И о том Юдину объявить, а от него б объявлено было им, учителем².

Тем самым поведение учителей- ссыльных было поставлено в определенные рамки. Со своими вопросами, доношениями они могли обращаться только к Юдину, вход к Канцелярию фактически им был запрещен. И изучение содержания дел школьного повытья, созданного в декабре 1735 г., свидетельствует, что ни один из учителей-ссыльных не обращался с доношениями и к Юдину на протяжении первых трех лет, лишь по поводу завершения обучения грамоте групп учащихся. Видимо, обращения, если и были, то устные. В определенной степени начальство проявило недоверие к ссыльным как личностям, способным правильно составить ведомость об учащихся, поэтому и потребовало от Юдина проверить, «во всем ли

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 534–534 об., 549, 551.

² Там же. Т. 1. Л. 101.

исправно сочинен» поданный ими документ. Кстати, Юдин закрепил его своею рукою и подписал.

Зачастую учителям-ссылным приходилось терпеть явно недоброжелательное, грубое отношение и со стороны надзирателя школ механика Никиты Бахорева, часто замещавшего И. Н. Юдина во время его поездок по заводам. Об этом мы получаем информацию в связи с разбирательством жалобы Бахорева, поданной в Канцелярию в июле 1736 г. на учителя математики Федора Санникова и знаменования Мирона Аврамова. В ходе разбирательства Федор Санников поведал о недостойных поступках самого Бахорева – дворянина, выпускника Морской академии, учившегося в Швеции в 1724–1727 гг.

Оказалось, помимо несправедливого отношения к некоторым учителям, жестоких наказаний своих учеников механики, Бахорев позволял себе бесцеремонно и пренебрежительно относиться к учителям словесной школы, явно из-за их низкого статуса в обществе:

...приказывает ученикам, что ежели де вас учителя будут сечь лозами, то жалуйтесь мне. И ныне ученики учителя не опасаются, что им задано будет, не обучают, а наказание он учеником чинит, кроме учителей. А учителей пред учениками бьет, бранит всякою матерною бранью и называет канальями. И такой непорядок в словесной школе учинил, что тех учеников отцы, приходя в школу, учителей бранят матерно, угрожая им Бахоревым¹.

Из этих показаний Санникова следует, что своим явно непедагогичным поведением Бахорев провоцировал и непочтительное отношение учеников словесной школы к своим учителям, непослушание, нежелание выполнять их задания, пренебрежение к их требованиям. Пренебрежительное отношение к учителям-ссылным открыто демонстрировали и их родители, явно с подачи своих детей, раз не боялись являться в школу, бранить учителей в ее стенах, в присутствии сотен учеников и учителя математики. Бранили, «угрожая им Бахоревым», т. е. открыто пренебрежительное отношение дворянина Бахорева к учителям-ссылным, занимавшим видную должность механика, человека начального над школами, через детей распространялось и на родителей, провоцировало и их на откровенное глумление над учителями.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д, 624. Т. 2. Л 420.

Понимая все негативные последствия поведения Бахорева, Санников справедливо поднимает вопрос о необходимости воспитания в учениках уважения к учителю: «во училище не токмо мужику, но и ему, Бахореву, надлежит приходить и всякую чинить добрую учтивость... Дабы, видя оное, дети присматривались и тщились, к тому ж учителей почитали, как надлежит». Ясно, что неуважительное отношение Бахорева к учителям-ссылным не разделяли учителя, преподававшие более высокие «науки», так, со стороны Санникова мы видим явное сочувствие к ним и поддержку¹. В. Н. Татищев, безусловно, посвященный в суть этого конфликта между учителями, на наш взгляд, не случайно уделил такое внимание роли учителя в жизни учащихся, развил мысли, высказанные Санниковым о воспитании уважения к учителю, сформулировал требования к поведению в стенах школы, недопустимости использования брани и т. д.

Побег Арсения Иевлева и прошения ссылных о назначении на освободившуюся должность учителя (июль – август 1736 г.)

Санников дал эти показания в Канцелярии 26 июля 1736 г., а ранним утром один из учителей словесности, осужденный навечно, Арсений Иевлев, совершил побег. Причины его были связаны с боязнью наказания за ошибку, допущенную им в «рописи» к выдаче жалованья ученикам. Это была первая выдача жалованья детям, зачисленным в школы, с 13 ноября 1735 г. по апрель 1736 г., и доверили ее составление Иевлеву. Ученика немецкой школы Кузнецова он показал в школе с 9 февраля до 1 мая, а тот был отпущен домой с 25 апреля до 3 мая, в срок не явился. О его отпуске учителя немецкой школы сведений не подали. Вся большая сумма денег, 146 руб. 67 коп., была выдана Иевлеву, он раздал ее ученикам, деньги за Кузнецова 89 ³/₄ коп. принял его брат, ученик арифметической школы, определенный копиистом.

Иевлев совершил побег в день вынесения приговора по его делу, а он был таким: «за ложное репортование учинить наказание плетью, дабы на то смотря, как он, так и другие в делах, порученных им,

¹ См. подробнее об этом: *Сафронова А. М.* Надзиратели горнозаводских школ Урала: круг обязанностей и взаимоотношения с учителями и учащимися (1729–1730-е гг.) // Документ. Архив. История. Современность. 2021. № 21. С. 330-344.

поступали осмотрительно»¹. Заметим, с одной стороны, ссыльному поручили важное дело, он составил список учеников словесной школы (101 человек!) и 22-х из арифметической, немецкой; учащихся, содержащихся на «трактире»; отметил суммы, подлежащие выдаче в соответствии с нормами жалования и учетом пропусков занятий. Правильность выдачи денег засвидетельствовал и сам член Канцелярии, отвечавший за деятельность школ, И. Н. Юдин.

В связи с побегом Иевлева мы получаем дополнительную информацию о ссыльных Екатеринбурга, их жилищах, взаимоотношениях. Объявили о побеге в Канцелярии Никита Артемьев и Логин Егоров 28 июля: за два дня до этого Иевлев, придя в седьмом часу утра в школу, сообщил, «что де имеет у себя болезнь, а какую, не сказал». На следующий день Артемьев пошел проведать товарища «на квартиру, где он стоял, за город вниз по Исете реке, в дом к ссыльному Макарию Судакову», но не застал больного. 28 июля в школу явился ссыльный же, распоп Корнилий, передал, что приходил к нему Судовиков, сообщил, что Иевлев бежал, о чем «тужит вельми»². Видно, что ссыльные поддерживали между собой тесные контакты.

Большой интерес вызывает сказка Судовикова, у которого Иевлев квартировал с сентября 1735 г. «без всякой платы» и был у хозяина на поруках. Судовикову 70 лет, он родом Московской губернии города Переяславля-Залесского. Был попом в вотчине помещиков Савеловых, селе Николаевском. Съехал в Богословскую пустынь, принял постриг, как монах Макарий провел там шесть лет, был взят в Розыскной приказ в Москву по делу «о битии брата своего», попа Ивана Дорофеева, лишен духовного чина, пытан огнем, бит кнутом. Сослан в Тобольск, оттуда в Екатеринбург, от работ уволен. *«Живет в своем доме, учит вольных екатеринбурхских жителей детей их словесной грамоте по договору родителей их из найму»*³.

Так неожиданно мы получаем данные о существовании в Екатеринбурге школы грамоты, действовавшей параллельно с заводской, в доме ссыльного. Частная деятельность по обучению детей для властей интереса не представляла, поэтому не учитывалась, и этот факт, случайно зафиксированный документально, приобретает

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 1. Л. 332–334 об.

² ГАСО. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 431.

³ Там же. Л. 431 об.–432 об.

для нас особую ценность. Ясно, что ссыльные, освобожденные по возрасту или болезни от работ, могли при наличии навыков письма беспрепятственно открывать свою школу, заключать договор с родителями, зарабатывая себе на жизнь, и таким образом вносили свой вклад в распространение детской грамотности в Екатеринбурге. Обратим внимание, даже при действующей школе с бесплатным обучением, где дети пользовались казенными учебниками, получали еще и жалованье (по 3 руб. в год, если оклады отцов составляли менее 25 руб. в год), часть родителей предпочитала обучать детей в частной школе, за определенную плату, не гнушаясь при этом личностью ссыльного. Возможно, их привлекало меньшее число учеников, надежда на большее внимание к ребенку со стороны учителя и, отсюда, более быстрое овладение чтением и письмом.

Сказки учителей свидетельствуют о большом имущественном расслоении среди ссыльных: если Судовиков и Артемьев сумели построить собственные дома, то Иевлев, по сути, нищенствовал. Судовиков сообщал: «А пожитку да и посуды ево, Арсения, у него на квартире, кроме одного войлока овечьей шерсти, и тот ветхой, иного ничего не имеетца». Поручи за него дали пятеро ссыльных, обязанных из-за побега внести в казну 50 руб., для зарабатывания которых их отдали «в катаржную» с предписанием – во время работ «быть скованым под караулом»¹. Благодаря этим поручкам Иевлев и был освобожден от кандалов, получил свободу передвижения.

Сведения о судьбе беглого Иевлева и его прошлом имеются в указе Генерал-берг-директориума, поступившем в Канцелярию 18 апреля 1737 г. В нем кратко излагается указ Синода, присланный в директориум: при Синодальной канцелярии содержится бывший в Тобольской епархии провинциал-инквизитор иеродиакон Арсений (т. е. монах в сане диакона), он «за некоторыя показанныя от него важности бит кнутом и сослан был в вечную работу на Екатеринбургские заводы, скованой в кандалы, и велено там содержать по смерть во оковах..., освобожден был при той работе на поруки», бежал в столицу «ради прошения о свободе с тех заводов от работы и пойман был в тот Синод 8 ноября», прислан в директориум, оттуда отослан в Санкт-Петербургскую воеводскую канцелярию для отправки в Оренбург².

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д, 624. Т. 2. Л. 431 об.–432 об., 435.

² Там же. Д. 692. С. 462.

Духовный сан прото-инквизитора был введен в Русской православной церкви решением Синода от 1 марта 1721 г. и предназначался для руководителей подразделений духовной фискальной службы при архиереях. Если светские провинциал-фискалы назначались по губерниям, то провинциал-инквизиторы — по епархиям, утверждались Синодом по представлению прото-инквизитора, им подчинялись инквизиторы в городах и обителях. Провинциал-инквизиторы имели право предлагать кандидатуры местных инквизиторов на утверждение архиерею. В обители провинциал-инквизиторы могли быть назначаемы исключительно из числа чёрного духовенства. Постановлением Синода от 25 января 1727 г. ведомство православной инквизиции было упразднено¹.

Таким образом, Арсений Иевлев в молодости занимал важный пост, но из-за каких-то своих действий бит кнутом, отправлен в вечную ссылку в кандалах, но, благодаря тому, что был взят на поруки пятью другими ссыльными, получил свободу передвижения и попал на должность учителя. Сам факт побега в столицу «ради прошения о свободе с тех заводов от работы» свидетельствует о его решительности, попытке изменить свою судьбу в надежде на справедливое решение высшего органа церковного управления. И ведь ему удалось без паспорта, тайком, более трех месяцев продвигаться по просторам России, преодолеть огромное расстояние и достичь своей желанной цели – попасть в Синод, но в качестве арестанта.

Побег Иевлева вызвал большой интерес у ссыльных к освободившейся должности. В июле–августе 1736 г. последовал целый поток прошений об определении учителем, сопровождавшийся наведением справок об их авторах. 30 июля просил о должности распоп Иван Иванов, присланный из Тобольска в 1731 г., за которым числился ряд ложных доносов и наказаний за них. Иванов сообщал: я *«словесному учению и знаменному нотному пению умеющей»*, с лета 1734 г. *«живу праздно и помираю голодом, токмо питаюся мирским подаянием»*².

¹ См.: Провинциал-инквизитор [Электрон. ресурс]. URL: <http://antisys.ru/wiki/index.php?title=Провинциал-инквизитор&oldid=2076>

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 1. Л. 298–298 об.

В этот же день, 21 августа, подал доношение и Иван Прокопьев, присланный из Тобольской губернской канцелярии для заводских работ. Он сообщал:

...обретаюсь при Екатеринбурхе в письме в разных канторах, а наперед сего до показанной присылке в доме своем я ...обучал малолетних детей словесной грамоте, тако ж и у малолетних, ежели у кого часословы и псалтири побьютца... те побитые листы, выдранные речи, тако ж и целые листы полуустановом подписывал¹.

Он обосновывал двойную пользу своей кандидатуры: «понеже я, будучи при том обучении, часословы и псалтири подранные полуустановом буду подписывать». Судя по выпискам, Прокопьев был прислан в марте 1734 г. «за написание покормежного воровского письма беглым крестьяном и в подписке под руки, которой послан был Военной коллегии в кантору для написания в службу и в той канторе не принят... за подозрением», бит кнутом и определен в вечную работу².

Через неделю последовало доношение бывшего попа Ивана Лукина, который сообщал, что прибыл в ссылку из Москвы, находится в заводской работе, «а ныне из нашей братьи определяются по заводам в словесные школы в учителя, а я...по обыкности прежняго своего поповского чина ко обучению детей словесному чтению и письма, и пению охоту имею немалую и оное дело снести могу». Лукин прибыл в Екатеринбург в апреле 1736 г., в реестре показан Владимирского уезда «вотчины Троице-Сергиева приписного киржацкого монастыря села Ваганова» без указания вины³.

Следом за Лукиным просил определить в школу ссыльный Иван Максимов: «обретаюсь здесь за старостию не у дела, только обучаю здешних обывателей вольных словесной грамоте и писать по договору родителей их». В выписке о Максимове показано: прислан из Тобольска в августе 1731 г., бывший подканцелярист, осужден «за вынос из коллегии вершенных и не вершенных 57 дел и за держание при себе неведомо для чего». Ноздри вырваны⁴.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 512-об.

² Там же. Л. 515 об.

³ Там же. Л. 513, 515 об.

⁴ Там же. Л. 514–514 об.

Так мы узнаем о наличии еще одной частной школы в Екатеринбурге, действовавшей одновременно с официальной заводской и частной школой ссыльного Судовикова. Ясно, что Максимов, как и Судовиков, был уже пожилым, немощным человеком, негодным в работу, но сумел найти родителей, пожелавших обучать детей за плату, самим обеспечивать их учебниками, хотя в заводской школе они не только имели бы их в бесплатном пользовании, но могли получать и казенное жалованье. Возможно, родителей не удовлетворяло большое количество учащихся в казенной школе – около 200 человек. Лукина в сентябре отослала учителем в Полевскую школу вместо скончавшегося учителя-дьячка с обязательством – быть и у пения в церкви во время службы¹.

Распоп Семен Иванов, присланный в апреле 1736 г. из Пензенской провинции «за сказывание им за собою Е. и. в. секретного дела», битый кнутом, определенный «в вечную в работу», 5 августа сообщал, что в июле взят к письму в ревизию счетов прошлых лет, но имеет охоту учить чтению, письму и пению, к тому же «и летами еще в старость глубочайшую не пришел»². Через день последовала просьба от Степана Баранова, за которым тянулся длинный список преступлений, совершенных в 1723, 1728, 1729, 1734 гг. – изготовление воровских паспортов, дача взяток, ложных показаний и т. п. Начальство, заслушав выписки, приказало: распопов Ивановых освидетельствовать Юдину «с товарищи», «подать удостоверение», т. е. подтвердить соответствие должности учителя грамоты, а Баранову «для многих ево продерзостей быть по-прежнему в работе». Просьбы Ивановых были удовлетворены: 21 августа 1736 г. Семен назначен учителем вместо Иевлева в Екатеринбурге, Иван – в открываемую словесную школу при Верх-Исетском заводе³.

Прием ссыльного Семена Иванова (август 1736) и обучение детей тремя ссыльными до конца 1741 г.

Как уже отмечалось, в «Учреждении», инструкции учителям, Татищев ввел новую методику параллельного обучения чтению и письму. Обычай, обучать последовательно азбуке, часослову,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 516.

² Там же. Т. 1. Л. 299, 301 об.

³ Там же. Л. 302, 304 об.

псалтири, «а потом писать, которым многих лет до пяти удерживали», предписывалось отставить. И, судя по ведомостям школы, учителя Екатеринбурга перешли на новую методику параллельного обучения чтению и письму.

У Никиты Артемьева, Логина Егорова и Семена Иванова в $\frac{1}{3}$ 1737 г. числилось 193 ученика, поделенных на три класса, по 63, 25 и 105 учеников соответственно. Мы не знаем, как классы делились между учителями. Известно лишь, что Артемьев «специализировался» на обучении письму, а обучали письму в первом классе, двое других учителей могли обучать и чтению, и письму.

Во $\frac{2}{3}$ 1737 г. в классах по 70, 26 и 90 учеников, но с сентября – всего два класса: по 90 и 79 учеников, при этом из первого класса 20 человек перевели учиться арифметике¹. Пополнение школы продолжалось, в сводной ведомости учащихся за 1737 г. числилось, по нашим подсчетам, 36 детей, поступивших учиться в 1736 г. и 53 – в 1737-м.² Дети успешно осваивали чтение и письмо одновременно. В $\frac{1}{3}$ 1738 г. в первом классе 81 человек учили псалтирь или часослов и писали прописи, во втором классе – 70 человек, и 55 из них читали часослов и писали, остальные учили азбуку³.

В январе 1738 г. Казначейская контора обнаружила большой перерасход сумм, полагавшихся на школы заводскими штатами 1735 г. — почти в два раза. Поэтому начальство 21 февраля решило на время прекратить выплату жалованья ученикам и учителям, кроме иностранцев. И ссыльные трудились до августа 1738 г., растягивая сумму, полученную за последнюю треть 1737 г. В. Н. Татищев указом от 11 июня 1738 г. предписал ввести нормы нового штата 1737 г., а они сокращали жалованье учителям словесных школ с 18 до 12 руб. в год, и ссыльные большинства школ стали получать оклад меньше юного копииста⁴.

В 1738 и 1739 гг. пресеклись массовые наборы детей в словесную школу: в 1738 г. было принято всего 5 человек, в 1739 – 9. Только в мае 1740 г. состоялся массовый набор 29 детей и еще 10 были приняты в разные месяцы года, причем более половины из них в возрасте 6–7

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 694. С. 1–24, 96–121, 206–229.

² Там же. Д. 602. Л. 1–52 об.

³ Там же. Д. 737. С. 1–23.

⁴ Там же. Д. 762. С. 196.

лет¹. По нашим подсчетам, учителя-ссылные Екатеринбургской словесной школы за шесть лет, с осени 1734 по 1740 г., обучали грамоте около 400 детей, точнее – 384 ребенка и подростка, поступивших в школу за этот период.

При низком жалованье, при больших классах обучаемых, продвигавшихся в овладении грамотой индивидуально, интенсификация учительского труда была высокой. Как уже отмечалось, занятия в школах согласно «Учреждения» Татищева с апреля по август длились с 6 утра до 6 вечера (перерыв с 10 до 2-х), в сентябре и марте – до обеда 4 часа, после обеда – 3 часа; с октября по февраль – с 8 до 3 вечера (перерыв с 11 до 12)². Все классы словесной школы размещались в одной светлице, и от большого скопления детей уставали как сами ученики, так и учителя.

В феврале 1738 г. указом, отправленным из Самары, Татищев предписал членам Канцелярии:

в Даурских заводах заводских мастеров и всякого звания служителей, которые во время остановки (Нерчинского завода. – Авт.) разбежались и живут в городах, имеют детей мужеска пола, оных собрать по-прежнему к заводу, но чтоб оных из младенчества на завод (определить. – Авт.), учредить там школу для обучения детей грамоте, арифметике и геометрии, послать учебные книги и учителя из ссыльных; геометрии обучать надзирателю работ, который туда пошлется³.

Учителем в Нерчинскую школу был «выбран» ссыльный Никита Артемьев, «которой к тому уже заобык» – более двух лет обучал письму в школе Екатеринбурга. С ним решено было отправить в Нерчинск Новый Завет, 12 букварей, 6 часословов и 6 псалтырей, подсчитана стоимость этих книг⁴. Бахорев, замещавший Юдина, представил начальству к отсылке Артемьева при доношении от 6 апреля 1738 г., сообщил, что жалованье ему выдано за прошлый год «сполна», и предложил вместо него в Екатеринбургскую школу определить «из сыльных же к тому достойных Спиридона Лупкова,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 756. С. 10–50; Д. 857. Л. 6, 8–8 об., 29 об.–32 об.

² Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 237–238.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. С. 120.

⁴ Там же. С. 135–136.

Ивана Прокопьева»¹, почему-то двоих, возможно, оставив выбор кандидатуры за начальством.

Ссылных грамотеев в Екатеринбурге в это время насчитывалось 34 человека. Список их 30 марта 1738 г. был подан в Канцелярию в связи с предстоящей срочной работой по составлению ведомостей для Генерал-берг-директориума. Екатеринбургская заводская контора на запрос, сколько ссылных «у дел и не у дел имеетца», сообщила о 18: «Из ссылных вечно осужденных письмоумеющие имеютца у письма» в Канцелярии и в заводской конторе – по четыре человека, «в ревизии» и «у бухгалтерских дел» – по двое, в Конторе денежного дела – один, к отправке в Красноярск назначено двое, «из больных и престарелых... не у дел» – три человека. Иван Прокопьев в этом списке показан занятым в письме «в ревизии», Лупков не упомянут.

Контора судных и земских дел объявила список из 16 «писцов», «вечно осужденных». В земском повытье Канцелярии, согласно третьей справки, из ссылных «в поселение за распределением г делам и за положением в подушной оклад, и в заводские работы положеным... свободных письмоумеющих никого не имеетца»². Ясно, что ссылные, проживавшие в Екатеринбурге и владевшие навыками грамоты, составляли мощный резерв для использования их в качестве писцов различными учреждениями, и последние этим широко пользовались.

Но окончательное определение об отправке Никиты Артемьева в Нерчинск в деле отсутствует. Видимо, вопрос был решен как-то по-иному. В июне 1738 г. Артемьев подает доношение Юдину об отсутствии бумаги для обучения школьников письму, из которого следует, что вопрос о бумаге на уровне нормативных документов до конца решен не был. Артемьев сообщает, что в ноябре 1737 г. надзиратель школ Санников требовал от Канцелярии на 1738 г. полторы стопы бумаги на рапорты школ и на обучение письму по 6 листов на каждого из 142 человек:

А по шести листов человеку в дачу произвести в год или на полгода, или в треть, или в месяц, во «Учреждении о школах» того не показано... велено тое бумагу купить от Казначейской канторы и купя, отдать с роспискою в то число, только выдано от оной канторы одна стопа и та только на репорты. Ныне имеетца учеников 126 человек, и

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. С. 135–136.

² Там же. С. 132–134.

оним школьным учеником давать будет нечего и за не дачею бумаги есть великая остановка¹.

Отметим, что Никита Артемьев был единственным учителем словесной школы, подававшим доношения Юдину в эти годы, другие учителя к Юдину не обращались. И он поднял важный вопрос нормам бумаги, на какой срок эти 6 листов предназначены.

Еще в феврале 1736 г. Юдин ставил вопрос перед начальством, как выдавать бумагу ученикам, есть учащиеся на жалованье и на отцовском коште. Приказано было «чтоб он бумагу давал жалованным, таким, которые уже пишут склады, а прочим не давать»². В выписках по доношению Артемьева отмечено, что определением Канцелярии от 16 ноября 1737 г. предписывалось «впредь школьникам против того, как в Наставлении написано, давать бумаги вдвое, а на какое время, того в том определении не показано»³. Видимо, учителей об удвоении норм бумаги не уведомили. В связи с обращением Артемьева Юдин подал доношение начальству от своего имени, и 16 ноября 1738 г. оно приказало: «школьником буквы обучать на черной бумаге, которую давать от Канцелярии и за ними учителем смотреть, чтоб оную никуда не тратили, но когда всю зачернят, тогда из той школы для роздачи на патроны отдавать возвратно в Канцелярию»⁴. Безусловно, проблема с обеспечением учащихся бумагой при обучении письму создавала неудобства и задерживала продвижение в овладении им.

Доношение Артемьева о бумаге получило решение по прошествии пяти месяцев, но к этому времени решилась судьба и самого учителя, он был отстранен от должности. Конкретные причины этого остаются неизвестными, документы об этом упоминают скупо. Проработав в Екатеринбургской школе шесть лет, он «явился по некоторому делу в немалом преступлении». 5 ноября 1741 г. в деле школьного повытья Канцелярии появилась такая выписка:

«на дело некоторое о бывшем здешней словесной школы учителе ссыльном Никите Артемьеве для ведома и исполнения от секретных дел в школьное повытье выписано: на место оногo Артемьева в

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. С. 243–244.

² Там же. Д. 624. Т. 1. Л. 115.

³ Там же. Д. 760. С. 192.

⁴ Там же. Д. 762. С. 9.

здешнюю словесную школу определить в учителя ис присланных с Каменского завода Ивана Протодьяконова...»¹.

Сохранилась роспись имущества, переданного Никитой Артемьевым учителю Семену Иванову 16 декабря 1741 г.², т. е. Артемьев был материально ответственным лицом, именно ему была доверена сохранность имущества словесной школы.

Иван Протодьяконов, разночинец (декабрь 1741 – март 1742)

Судя по фамилии, Протодьяконов — выходец из среды духовенства, возможно, отставной церковнослужитель. Согласно справке, составленной уже при его отставке весной 1742 г., он разночинец, в 1722 г. был приписан к Невьянской слободе Алапаевского завода для уплаты подушной подати. В 1735 г. его имя появляется в документах в связи с поисками кандидатов в учителя открываемых при заводах школ. Алапаевская заводская контора предложила Канцелярии назначить Протодьяконова учителем в открывавшуюся при заводе словесную школу, но контора Каменского завода успела «перехватить» нужного человека: уральское начальство констатировало, что Протодьяконов уже определен ею учителем при Каменском заводе»³. Т. е. разночинец Протодьяконов пользовался определенной известностью как знаток грамоты — о нем одновременно хлопотало руководство двух заводов. Проработав шесть лет в Каменской школе, в июле 1741 г. Протодьяконов подал прошение в Канцелярию о переводе его учителем в словесную школу Екатеринбурга:

При оном заводе в преднаписанной школе имею я у обучения учеников словесному и писать и пению з жалованьем по двенатцати рублей в год, а при том заводе свойственников у себя не имею. И оным одним жалованьем бес призрения едва одно имею пропитание. К тому же учеников тамо находитца малое число, а учителей имеетца двое человек, и тако у оных двум быть не у чего и может должность и один

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. С. 389.

² Там же. Д. 1128. Л. 72–75.

³ См. о нем: Сафронова А. М. Словесная и арифметическая школы при Каменском заводе (1735-1742 гг.) // Документ. Архив. История. Современность. 2022. № 22. С. 44-63.

правиль... Я при Екатеринбурге имею свойственников у себя немало, кои меня могут во всяком призрении не оставить¹.

Это прошение – яркое свидетельство явной недостаточности 12-рублевого учительского жалованья для проживания без дополнительной помощи со стороны близких людей. По сути, этот довод оказался убедительным и для уральского начальства. 20 августа 1741 г. оно удовлетворило прошение Протодьяконова о переводе учителем в Екатеринбург, а на Каменский завод предписало «послать из [з]дешних», не согласившись с мнением Протодьяконова, что в Каменской школе может обучать и грамоте, и арифметике один учитель².

24 августа был составлен указ начальства об отправлении в Каменск на место Протодьяконова учителя Логина Егорова, но указ прибыл туда лишь 1 октября³. Между тем И. Юдин, отвечавший от имени Канцелярии за деятельность школ, очень не хотел видеть Протодьяконова в качестве учителя в Екатеринбурге. В черновом доношении в Канцелярию, составленном 24 сентября 1741 г., он дает весьма нелестную характеристику Протодьяконову, но передумывает, зачеркивает написанный текст (выделен курсивом), выдвигает иные мотивы, позволяющие, по его мнению, избежать назначения этого человека в Екатеринбургскую школу:

... Канцелярии Главного заводов правления об оном Протодьяконове предлагаю, что он, как известно, весьма шумен часто бывает и за тем при школе быть он не годен. К тому ж и кроме ево за отсылкою означенного Логина Егорова находятца здесь учителей у обучения детей словесного и писать и пения три человека, которыми при том обучении и кроме ево, Протодьяконова, здесь справитца можно без нужды, ибо ныне при той школе находятца учеников только со сто человек и против прежнего гораздо менее, для того что многие по обучении словесного и писать переведены в другие школы и впредь также от времени до времени умалятца будет, а видов прибавлятца – токмо одни мастерские дети и прибавка оных нечасто случаетца, и об оном Канцелярия Главного заводов правления что соизволит⁴.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 2.

² Там же. Л. 2 об.

³ Там же. Д. 952. Л. 3–4.

⁴ Там же. Д. 907. С. 346–347.

Упомянув о приеме в школы лишь «мастерских детей», Юдин имел в виду указ Канцелярии от 5 апреля 1740 г., разосланный по заводам: «подмастерских, ученических детей до приезда его превосходительства г-на генерала берг-директора в школу не брать»¹, чтобы не увеличивать число учащихся на жалованье.

Приезд Протодьяконова в Екатеринбург задерживался – при сдаче дел в Каменске у него обнаружилась недостача учебных книг: псалтири за 90 коп., часослова за 80 коп. и трех букварей, присланных в свое время без указания цены. Учитель в Каменской заводской конторе «допросом показал, что оные книги в прошлом 1740-м и в нынешнем 1741-м годах ис той школы потерялись, а кто их из школьников украл, про то не знает»². Буквари оказались сравнительно дешевыми, 28 коп. за экземпляр, и Протодьяконов остался должен за книги 2 руб. 54 коп., по тем временам сумму значительную, если учесть, что пуд говядины (16 кг) стоил 20 коп. Подушные деньги им были уплачены полностью за 1741 г., они вычитались при выдаче жалованья. Жалованье Протодьяконов получил за работу в Каменской школе с 1 по 26 октября, с 27 октября «был здесь празден», приступил к обучению в Екатеринбургской школе лишь 5 декабря 1741 г.³, хотя еще 5 ноября был официально назначен на место уже отстраненного от должности Артемьева. Возможно, задержка с началом работы произошла из-за неприятностей с всплывшим долгом за книги, не ближним переездом – от Каменского завода до Екатеринбургского – 90 верст, и Протодьяконов приболел.

Уже в момент перевода на должность учителя в Екатеринбург Иван Протодьяконов был, видимо, немощным стариком, но это не послужило поводом для отказа в переводе, поскольку не являлось для уральского начальства чем-то выходящим за рамки обычного. Сам же учитель буквально через три месяца после начала работы в Екатеринбурге, 9 марта 1742 г., подает прошение в Канцелярию, в котором характеризует свое плохое состояние и признается в негодности к дальнейшей работе:

Волею Божию стал я, раб ваш, быть стар, драхл и глух, к тому ж и мало вижу, и затем при обучении в школе более быть не могу. Имею я сына Якова, которой ныне обретаецца в Государственном

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. С. 232.

² Там же. Д. 952. Л. 4–4 об.

³ Там же. Л. 5–5 об.

Генерал-берг-директориуме подканцеляристом, и желаю для пропитания ехать к нему. И дабы высочайшим указом повелено было меня, раба вашего, от показанного дела отставить и отпустить к сыну моему Якову и о том пропуске дать паспорт¹.

Возможно, старик Протодяконов получил письмо от сына, которое и сподвигло его на это решение. Возникает вопрос, как он мог добраться до столицы, не имея каких-либо средств на оплату проезда? На наш взгляд, он мог рассчитывать на отправку вместе с караваном, отправлявшимся каждую весны с железом по Чусовой и далее речным путем до Санкт-Петербурга. Такие случаи отправки нам известны, на это, видимо, дало предварительное согласие и начальство.

Через неделю предписывалось навести справки о Протодяконове в Казначейской конторе, Заводской, Конторе судных и земских дел и других, «нет ли каких дел или казенных долгов и доимок» на нем. Оказалось, на Каменском заводе за ним по-прежнему числилась недостача за книги – 1 руб. 64 коп. с деньгою, половина долга была погашена при выдаче жалованья в Екатеринбурге за последнюю треть 1741 г.²

Уже 1 апреля 1742 г. Канцелярия Главного заводов правления принимает решение: поскольку Протодяконов состоит в подушном окладе, «отпустить вовсе» она его не может, но

за видимою старостию, дряхлостию и малозрением из учителей свободить и для свидания с сыном отпустить на два года. А чтоб он на срок сюда возвратился и подушные деньги за него здесь были плачены без доимки, в том взять по нем поруки, а достальные за книги деньги, сколько оных за взысканием на нем состоит в доимке, взыскать с него от казначейской канторы и записав в приход, дать росписку...

Буде же он, Протодяконов, хочет в Петербурге при сыне своем жить, о том имеет он просить тамо в Генерал-берг-директории и о том ему объявить с подпискою и о пропуске до Санкт-Петербурха дать паспорт, а вместо ево ко обучению детей в учителя приискать другога достойного и представить Канцелярии...³

Видимо, сразу же после этого Протодяконов в школу ходить перестал. Были составлены рапорт о нем в Генерал-берг-директориум,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 78.

² Там же. Л. 79–82.

³ Там же. Л. 83–83 об.

указ Казначейской конторе о вычете долга за книги, канонеру Р. Пузыреву поручено «собрать добрые и надежные поруки по бывшему...учителю»: если он на срок не явится или не исходатайствует указ директории, «то ево тем поручившимся поставить сюда своим коштом, а подушные деньги за него, пока ево в Канцелярию не поставят, платить им в казну без всяких отговорок»¹.

Вызывает интерес сама поручная запись, вернее, круг личностей, поручившихся за учителя, доверившихся его обещаниям. Это подканцелярист «ревизии счетов» Самсон Попов, ее копиист Михайло Кузнецов, канцелярист Казначейской конторы Иван Овчинников, копиист Екатеринбургской таможни Михаил Протопопов. Каждый из них вывел своею рукою: «показанном учителе Протодьяконове в вышеписанном ручаюсь» и поставил свою подпись. 15 коп. за ее оформление и внесение в книгу крепостных дел 8 апреля было взято в пользу Канцелярии².

Словесная школа Екатеринбурга (апрель 1742 –1746).

Поиск учителей

Пока шло оформление документов (14 апреля был выписан последний – паспорт на отъезд) 12 апреля 1742 г. в Канцелярию подал прошение бывший ученик лесного надзирателя Иван Морозов, пожелавший занять освободившееся место учителя:

Сего 1742 году, марта 1 дня, по определению Канцелярии Главного заводов правления велено меня...отпустить на волю, где жить пожелаю на своем пропитании. Я ж, нижайший, имею при себе жену и детей малолетних, которых за всеконечную своею скудостью пропитать чем, не имею ...покорно прошу, чтоб указом Е. и. в. и милостивым оной Канцелярии рассмотрением для показанной моей нужды определить здесь, в Екатеринбурхе, в словесную школу учителем со определенным жалованьем против протчих учителей, чтоб мне было чем пропитание и одежду иметь з домашними моими без нужды³.

Как видим, Иван Морозов, получивший по каким-то причинам отставку от дел, решил воспользоваться появившейся возможностью стать учителем, при этом мотивировал свое желание исключительно

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 84–86.

² Там же. Л. 87.

³ Там же. Л. 235–235 об.

материальным расчетом – получить постоянный источник содержания семьи.

Механику Бахореву поручили освидетельствовать Морозова, «в учителях достоин ли». 27 апреля Бахорев объявил в Канцелярии,

...что он ево, Морозова, во чтении и в письме свидетельствовал и по свидетельству ево явился во чтении по книгам не очень твердо знает, также и в письме недоволен, и затем в учителях быть ему неспособно». Только 5 августа начальство вынесло резолюцию: «просителю Морозову объявить, чтоб он приискал иное место, где б по возможности его определить было можно. А в учителя для показанной от Бахорева неспособности ево не определять¹.

Т. е., с одной стороны, начальство проявило заинтересованность в учителе, способном хорошо обучать детей, с другой стороны, прошло четыре месяца, как в школе трудился один Семен Иванов, но никаких усилий со стороны начальства подыскать второго учителя не предпринималось.

Обратимся к ведомостям учеников. В 1/3 1742 г. в первом классе числилось 48 человек, учивших псалтирь, часослов и писавших прописи (их до ноября 1741 г. обучал Артемьев), во втором классе – 65 человек, из них в феврале-марте 1742 г. поступило четверо². Вдвоем Иванов и Протодяконов трудились лишь с 5 декабря до март 1742 г., четыре месяца, обучая 113 учеников! После ухода с 1 апреля Протодяконова, до осени 1742 г., в стенах школы на 94 оставшихся ученика (53 в первом классе и 41 во втором) снова один Семен Иванов. Заметим, среди учащихся появился новенький – сын ссыльного, отправленного в Красноярск, Иван Овчинников 7 лет³. В конце декабря 1742 г. в школе 93 ученика, письму обучалось уже 59 человек⁴.

В связи с решением начальства от 11 сентября 1742 г. закрыть школы при 8 заводах из-за перерасхода штатных сумм, принимать с жалованьем лишь сирот, детей отставных от дел, солдат и разночинцев, прочих – с условием содержания на коште отцов, по желанию родителей, Екатеринбургская словесная школа стала

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 236.

² Там же. Д. 957. Л. 81–90.

³ Там же. Л. 142–149.

⁴ Там же. Л. 19–26.

центром обучения для детей с Уктусского, Верх-Исетского, Каменского и Сысертского заводов. После закрытия словесной школы при Каменском заводе в октябре 1742 г. Логина Егорова снова вернули в Екатеринбург, и в школе он трудился уже как напарник Семена Иванова.

В 1744 г. в словесной школе Екатеринбурга – 109 учеников, в том числе 44 обучавшихся по воле отцов, без жалованья¹. В результате осеннего «разбора» 1742 г. число учащихся в ней почти не сократилось (113 – в $\frac{1}{3}$ 1742 г., 93 – в $\frac{3}{3}$ года). Закрылись словесная школа на Уктусском заводе (22 чел.), Верх-Исетском (30 чел.), Каменском (33 чел.), Сысертском (26 чел.), но большого увеличения числа учащихся в Екатеринбургской за счет перевода в нее детей из закрывшихся школ мы также не видим.

Итак, с осени 1742 г. в Екатеринбурге снова трудятся два учителя – Семен Иванов и Логин Егоров. Если Егоров по-прежнему остается ссыльным, «навечно» осужденным, то статус Семена Иванов в екатеринбургском социуме резко поменялся, он стал человеком вольным. Основные изменения, произошедшие в его жизни, отражены в выписке «в доклад», поданной 22 августа 1745 г. секретарем Канцелярии Евдокимом Яковлевым.

Согласно ее данным, Семен Иванов, сменивший сбежавшего Иевлева с на должности учителя с 1 сентября 1736 г., по именному указу от 15 декабря 1741 г. подлежал освобождению из ссылки. Уральское начальство вынесло определение об этом, получив указ, 8 февраля 1742 г. Но учитель не захотел покидать Екатеринбург, подал прошение, чтобы остаться по-прежнему при школе, до получения известия в отношении жены, тоже ссыльной. В августе 1745 г. указ Берг-коллегии о жене был получен, ей выписан паспорт на отъезд, и, как докладывал секретарь Канцелярии Яковлев, «оной Иванов ныне отсюда отъезжает, а кому на место ево у обучения здесь при Екатеринбургхе...учителем быть, не определено»².

Начальство «приказало справиться, *нет ли способных к тому отставных ремесленников и других или хотя из ссыльных, которые из ссылки уволены, а жить позволено по желанию их здесь*»³. Ясно, что и в середине 1740-х гг. трудно было найти кандидатуру, подходящую на

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1039. Л. 287–290 об.

² Там же. Д. 1128. Л. 60– 60 об.

³ Там же. Л. 60 об.

должность учителя грамоты, поэтому и поиск ограничивался лицами отставными и бывшими ссыльными. Согласно справке, оказалось:

Свободные, умеющие грамоте и писать, находятся здесь, в Екатеринбурге, отставные ис подьячих: Данило Пахогинской, Андрей Семенов; бывшей надзирателя лесного ученик, а потом фурмовой работник Иван Морозов; уволенной из сылки по всемилостивейшим указом Никита Афонасьев, которому жить позволено по желанию ево здесь¹.

Начальство остановило свой выбор на Афонасьеве, что неудивительно – он уже обладал опытом школьного обучения, – и 25 октября 1745 г. повелело взять у него сказку, «не пожелает ли он быть учителем»². Это уже был новый подход к назначению – требовалось согласие свободного от дел человека. Ссыльный Афанасьев проработал в школе Уктусского завода с момента ее открытия в 1735 г. до закрытия в 1742 г. более семи лет. По нашим подсчетам, согласно ведомостям, обучил грамоте на Уктусе 70 детей.

Он был сослан «за многие ево продерзостные поступки и за пьянство, и за блудодеяние с некакими женками, как он был в монашестве в Новгородской епархи[и] Бежецкого Николаевского Антоньева монастыря инквизитером, а с каким наказанием или без наказания... не показано»³. Таким образом, как инквизитор Афонасьев вел розыск, преследовал и судил за отступление от веры, и сам понес наказание за недостойное поведение.

Будучи из сылки освобожденным, Афанасьев согласился стать учителем в Екатеринбургской словесной школе, выдвинув свои условия:

...у обучения детей словесному одной половины школы быть здесь желает з жалованьем по осмнатцати рублей в год, а ежели и письму всю школу обучать, то з жалованьем по дватцати по четыре рубли, а меньше того жалованья у оных наук быть не желает. Буде же по желанию ево на оном жалованье в школу принят будет, то б повелено от Канцелярии имеющихся ныне у него дватцать пять человек во обучении вольных детей ему доучить в той же школе, где определен будет обучать показанных учеников⁴.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 61

² Там же. Л. 61.

³ Там же. Д. 577а. Л. 159–159 об.

⁴ Там же. Д. 1128. Л. 61 об.

Итак, Афонасьев потребовал себе повышенный оклад – 18 руб. за обучение только чтению половины учащихся (в то время как ссыльный Егоров имел лишь 12 руб.); если обучать письму всех учеников – то 24 руб., и еще доучивать своекоштных 25 человек. Уральское начальство частично пошло ему навстречу, учитывая экономию штатных сумм за счет отсутствия двух учителей пения и еще одного учителя грамоты, полагавшихся по штатам 1737 г.

Только 25 февраля 1746 г. Афонасьев был назначен «с начала марта...обучать словесному половину учеников, а писать, кто приспеет, всех»; пению – «всех ему доучить, ибо он в том искусство имеет», жалованье было определено повышенное, 18 руб. в год, на 6 руб. выше обычной нормы. Ему разрешили доучить в школе и 25 вольных детей «собственными книгами, а казенных к тому не употреблять, и впредь вольных без доклада Канцелярии... не принимать»¹. Таким образом, мы получаем достоверные данные о существовании в Екатеринбурге в 1740-е гг. еще одной, третьей по счету частной школы. Впечатляет число учащихся в ней – 25 человек!

Заметим, прием Афонасьева растянулся во времени, в августе 1745 г. встал вопрос о замене Иванова, в октябре 1745 г. была взята сказка у Афонасьева о согласии учить детей, только с 1 марта 1746 г. он должен был приступить к работе. Причина такой ситуации заключалась в том, что Иванов, видимо, в августе 1745 г. дал устное согласие поработать учителем еще какой-то срок. Имеется указ начальства Казначейской конторе от 30 мая 1746 г. о выдаче «бывшему учителю Иванову» жалованья за январь-февраль 1746 г. по его 12 руб. окладу². Т. е. он проработал на должности учителя с 1 сентября 1736 г. по февраль 1746 г., на протяжении почти 10 лет, более половины срока в качестве ссыльного и четыре года вольным человеком. Ни разу ни в чем не оказался замешан, не имел наказаний, скромно выполнял свой учительский долг, подавал ведомости о школьниках. Заметим, именно он принял имущество школы от Никиты Артемьева 16 декабря 1741 г.³

Роспись имущества, которое Иванов сдал надзирателю школ Сусорову, представляет большой интерес⁴. Из нее следует, что в

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 61 об.–63.

² Там же. Л. 68 об.

³ Там же. Л. 72–75.

⁴ Там же. Л. 69–71.

школе имелся «образ Николая Чудотворца, на нем обложен оклад позолоченой, пред ним лампада жестяная одна». Словесная школа имела свой большой архив документов, в котором перечислялись дела с 1725 г., объем которых год от года увеличивался. Под № 24 числилась «копия о должности Главного горного межевщика и при том другие копии» на 18 листах, под № 25 – «Учреждение о содержании русских школ учителей и учеников на восьми листах»; под № 26– «Копия инструкции о содержании школ против гарнизонных школ, о поступках же учителей и учеником на восьми листах».

Особо выделены учебные книги: Новый завет, «букварь на трех языках» («новый и подержанный»), 17 «букварей з десятословием», азбук «печатных» 71, «подержанных и новых»; часословов «из новых подержанных» 113, «починенных старых» 2, «держанных и побитых» 16, всего 131; псалтирей «подержанных» «четвертных» 6, «осьминных» 33, всего 39. В целом, количество учебных книг было вполне достаточным. На полях помечено, что для отсылки в Нерчинскую школу «из новых, мало подержанных» выдан Новый завет, 7 псалтирей, 9 часословов, а вместо них из школьного помытья Канцелярии выдано то же число «ветхих» в 1743 г. Перечислены и книги для пения, о которых речь пойдет ниже, в связи с этой школой.

Из мебели числилось: «столов больших и малых с ящиками» 15, из них 3 взяты в арифметическую школу, «скамей больших и малых» 35. В школе имелись 20 чугунных чернильниц (не так уж и много для обучавшихся письму, 8 перочинных ножей, чтобы подтачивать гусиные перья, ножницы; горшок чугунный, видимо, для варки чернил, ведро для воды, 2 топора (один негодный), клюка. Для наказания непослушных – «желез ножных» 4, «цепей с колотками» 2. За школьным имуществом числилось и «окончин» 16, т. е. школа располагала помещением достаточно большим.

Более двух лет Афанасьев трудился учителем, в октябре 1748 г. тяжело заболел, до 22 октября был при обучении учеников, следующие шесть дней провел в госпитале, где 27 числа и скончался¹. В день смерти им было составлено «письменное завещание» в такой форме: «будучи в тяжелой болезни, в целом своем разуме написал свой сей реестр, колико он имеет на срок долгу, также и кто ему чим должен и что из шкарбу своего по смерти своей кому именно велел отдать». Это завещание – достоверное свидетельство скудости бытия этого

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 19.

учителя, несмотря на получение им повышенного жалованья (18 руб. вместо 12) и дополнительную подработку частным обучением. Он оставил после себя 1 руб. долга секретарю Канцелярии Евдокиму Яковлеву, из имущества – шубу, крытую полотном, кафтан и сапоги. Просил возместить долг из заработанного жалованья, а оставшиеся деньги использовать на помин души; вещи отдать отставному мастеру Дурову, у которого, видимо, квартировал¹.

Андрей Семенов (декабрь 1748–май 1749)

Место Афанасьева пожелал занять отставной копиист Екатеринбургской конторы ревизии счетов Андрей Семенов. Он подал прошение о приеме учителем 16 ноября 1748 г., по прошествии трех недель после кончины Афонасьева. В прошении подробно изложил свой жизненный путь:

Отец мой, Елизар Семенов, Московской синодальной команды подьячий, а по смерти ево после находился я, Андрей, в Москве при Коллегии икономии из своей воли пищиком и за непонятием приказных дел из оной коллегии отстал и после того служил для пропитания своего при дворцовых командирах по 1734 год, а во оном 1734 году приехал сюда в Екатеринбург с свойственником своим, Великолуцкого пехотного полку с прапорщиком Лазарем Новиковым, и жил при нем по 1737 год.

А в том 1737 году в сентябре месяце по прошению моему и по определению Канцелярии Главного заводов правления велено мне быть здесь при Екатеринбурхе при свидетельстве припасных щетов копеистом, при которых делах и находился со определенным жалованьем 1744 году сентября по 17-е число².

Проработав копиистом в течение семи лет, по представлению этой конторы Семенов был «за старостию и болезнями от тех приказных дел уволен и отпущен». Указом Канцелярии от 21 января 1745 г. «велено мне жить здесь, при Екатеринбурхе, на своем пропитании и с тем указом явиться находящимся в то время при нынешней ревизии переписчиком». На основе этого указа, представленного 11 июня 1745 г., «при...переписи я за старостию и болезнию от подушного окладу уволен, только положен для платежа подушных денег сын мой малолетной Сергей». Андрей Семенов просил «для моей старости и

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л.20–20 об.

² Там же. Д. 1248. Л. 12.

пропитания з домашними моими и малолетными детьми» определить на место умершего Афонасьева¹.

Как видим, подвизавшийся неофициально писчиком в учреждениях Москвы, в 1734 г. прибывший в Екатеринбург, Андрей Семенов только в 1737 г. сумел устроиться копиистом, был уволен «за старостию», платит подать за сына и надеется, что должность учителя позволит ему получить какой-то постоянный источник дохода.

Только через три месяца, 16 января 1749 г., члены Канцелярии рассмотрели доношение Санникова о смерти Афонасьева и необходимости назначить нового учителя и через два месяца – прошение А. Семенова. Констатировали, что Санников свидетельствовал Семенова, он «московскую печать и скоропись читать умеет и пишет», поэтому на должность учителя его назначили².

Заметим, других желающих, кроме престарелого Семенова, не объявилось, в словесной школе остался лишь один учитель, а уральское начальство рассматривать вопрос не спешило. Получается, что после смерти Афонасьева с октября 1748 до января 1749 г. обучал всех учеников грамоте один Логин Егоров.

Обратимся к ведомости за $\frac{2}{3}$ 1749 г.³ Изучение данных о времени зачисления детей позволяет говорить, что в октябре 1748 г. в ней обучалось по меньшей мере 58 учащихся (часть могла уже покинуть школу в течение 1749 г., перевестись в арифметическую). Но 1 ноября 1748 г. было зачислено 98 человек одновременно, в школе стало как минимум 156 учеников! И с таким большим составом приходилось справляться одному Логину Егорову в течение полутора месяцев 1748 г.

Но Андрей Семенов проработал вместе с Егоровым очень недолго, не успел получить даже первое свое жалованье за треть года. 17 мая 1749 г. вдова учителя подала доношение о выдаче ей этих денег. Сообщила, что муж начал работать в школе с 15 декабря 1748 г., скончался 10 мая 1749 г., т. е. проработал менее 5 месяцев. В семье двое малых сыновей и дочь. Санников подтвердил даты начала работы и кончины Семенова, и поскольку по Адмиралтейскому регламенту жалованье полагалось выдавать наследникам по день смерти, вдова получила 4 руб. 83 коп.⁴

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 12 об.–13.

² Там же. Л. 14–15.

³ Там же. Л. 136–147 об.

⁴ Там же. Л. 67–68.

Иван Ащерин (август 1749– 1758)

С мая 1749 г. в школе остался опять один Логин Егоров, при 160 учениках¹. В августе 1749 г. у него появился напарник, с которым они стали вместе трудиться на протяжении всей первой половины 1750-х гг. – на место скончавшегося Семенова был принят бывший подьячий Иван Ащерин. В списке учащихся школы за 3/3 1749 г. числилось 148 человек, из них 8 были переведены в арифметическую школу 2 сентября, напротив 8 фамилий стояла отметка: «27 октября отпущен на отцовское пропитание». Один ученик уехал с отцом на Баранчинский завод, другой был распределен в работу на далекий Нерчинский². Многие школьники в осенние и зимние месяцы болели, поэтому на занятиях у обоих учителей присутствовало человек по 120–130 и вдвоем им легче было с ними справляться.

Как и его предшественник, Иван Ащерин прибыл на Урал из Москвы, но не по своей воле, а по требованию Татищева был прислан еще с тремя подьячими по указу Сенатской герольдмейстерской конторы. Он подал два прошения, 16 декабря 1746 г. – о выдаче второго паспорта для свободного проживания в приписных к заводам слободах и второе – в августе 1749 г., об определении к делам³. В прошении назвал год прибытия в Екатеринбург – 1735 (в выписках по делу – 1736-й). «И был здесь в подьячих в полиции и в Верх-Исетском заводе по 1744 г., и во оном году указом оной же Канцелярии без всякого моего преступления и болезни и без прошения моего об отставке от дел я отрешен на свое пропитание»⁴.

В паспорте, выданном Канцелярией 1 августа 1744 г., указывалось, что Ащерин

...явился к канторским делам незаобычаен, и он же стар и глазами малозрителен, и впредь никакой помощи в делах быть неуповаемо...объявил, что пропитания, кроме пищевой работы, чрез другое ничто иметь не может, в Москву за дальностию, а паче за крайней своею скудостью съехать нечем... отпущен во все (слободы. – *Авт.*), где в Екатеринбургском ведомстве жить пожелает, чего ради в надлежащем пути ево пропускать...Под штрафом сказкою показал, что

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 136–147 об.

² Там же. Л. 309–319.

³ Там же. Л. 151–151 об., 154–155.

⁴ Там же. Л. 154.

по миру ходить и милостыни просить не будет, и пропитание иметь будет от себя и содержать себя в чистоте, платье немецкое носить и бороду брить будет... А оной Ащерин в службу взят в 1729 году, отроду ему шездесят три года...¹.

В прошении Ащерина, поданном в Канцелярию 15 декабря 1746 г., он сообщил: «по тому паспорту нанимался я в пищики у крестьян слободы Арамашевской и был у них год со излишеством и за их непостоянством и обидами в найме и непрестанными волокитами быть при делах их мне несносно», поэтому в апреле 1746 г. им в письме отказал. И просил дать паспорт «вторичной», чтобы мог наниматься писцом в слободах другого ведомства². Но власти у него и прежний паспорт изъяли.

23 июля 1749 г. Ащерин вновь обращается с прошением, объясняет неудачную попытку найма в писчики у крестьян наличием конкуренции с уже действовавшими там писчиками, сообщает о бедственном положении семьи:

...в Арамашевской слободе тамошние природные пищики, которым многиа крестьяне сродцы, дружа им, а ко мне разными обидами и гонениями, как и нынешняго года в Пышминской слободе по сочинении мною в работы раскладо[в] быть у себя в слободах не допустили и по договору до сроку отказали... Не имею у себя никуда никакова отпуску. И живучи здесь не у дел, за неимением пропитания, уже и жену свою пустил в мир для собрания милостыни³.

Ащерин просит «о определении меня к делам здесь по рассмотрению оной Канцелярии по возможности». Судя по справке, в ревизию счетов нужны два человека, по одному – в Сылвинскую заводскую контору и в школу. Санников освидетельствовал способности бывшего подьячего : «книжную и гражданскую печать читает и скоропись пишет хорошо, которой детей словесного и писать обучать может». И 7 сентября 1749 г. 68-летний Иван Ащерин был назначен учителем словесной школы с жалованьем 12 руб. в год⁴. Уже 6 октября он хлопочет о выдаче этих денег не по окончании трети года, а ежемесячно и таким образом получает малый, но стабильный

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 152–152 об.

² Там же. Л. 151–152.

³ Там же. Л. 154 об.

⁴ Там же. Л. 155 об.– 156.

источник обеспечения своей семьи. Как нам удалось установить, Иван Ащерин был уволен из школы по старости только в октябре 1758 г., в возрасте 77 лет¹. Т. е. работать с документами оказался негоден, в школе же оказался способным выдерживать большую нагрузку по обучению детей в течение 9 лет.

Таким образом, практика назначения учителей-ссылных и бывших ссылных окончательно пресеклась в Екатеринбурге лишь к середине XVIII в., в 1748–1749 гг. стали назначать и отставных копиистов, признанных негодными для работы в заводских конторах из-за незнания делопроизводства. Продолжал занимать свою должность лишь бывший игумен Логин Егоров, трудившийся в Екатеринбургской школе и во второй половине XVIII в., более 30 лет!

Подведем итоги. Учителями грамоты в Екатеринбурге с 1734 г. назначались исключительно ссылные, это были бывшие попы, игумены, монахи, в том числе и приговоренные к вечной работе, а с 1742 г. – и бывшие ссылные, пожелавшие остаться на Урале. Именно ссылные внесли основной вклад в распространение детской грамотности в Екатеринбурге в 1734–1740-х гг. Благодаря их усилиям было обучено чтению и письму несколько сотен детей Екатеринбурга, до полусотни детей двух Уктусских заводов, Верх-Исетского и Алапаевского до открытия там своих школ. С конца 1742 г. стали обучать детей, присылаемых с Уктусского, Верх-Исетского, Каменского и Сысертского заводов. Столь большого количества обучаемых грамоте детей больше не наблюдалось в Екатеринбурге на протяжении XVIII в., несмотря на официальное преобразование заводского поселения в 1781 г. в город и значительный рост численности населения.

Благодаря политике В. Н. Татищева и труду ссылных удалось совершить качественный рывок в расширении круга детей заводских жителей, овладевших чтением и письмом, добиться почти 100 % охвата этих детей обучением в 1735–1742 гг., за исключением больных и переростков.

Путем проведения постоянных пополнений школы выросло молодое поколение, осознавшее преимущества овладения грамотностью как своеобразного социального лифта, способного обеспечить им более широкие возможности жизни в социуме.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 501. Л. 52.

Овладевшие грамотой ученики переводились в школы более высокой ступени: арифметическую, латинскую, знаменованную. И в появлении этой возможности продолжения образования можно усмотреть заслугу учителей–ссылных. Необходимо учитывать и вклад ссылных, уволенных от дел по старости, открывавших свои частные школы, где они обучали детей грамоте за плату.

В связи с перерасходом штатных сумм, выделяемых на школы, с конца 1742 г. был взят курс на сужение сети школ и учащихся в них. К этому времени завершилась и практика привлечения ссылных в качестве учителей, на смену им пришли пожилые бывшие ссылные и получившие отставку от дел по глубокой старости бывшие канцелярские служащие.

Глава 3.

УЧИТЕЛЯ АРИФМЕТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ЕКАТЕРИНБУРГА – ЕЕ ВЫПУСКНИКИ (1740-е гг.)

Завод, вступивший в строй действующих в ноябре 1723 г., стал самым крупным предприятием, а арифметическая школа, открытая при нем уже через четыре месяца, в марте 1724 г., к середине века сформировалась как один из крупнейших центров подготовки молодежи, способной занять ученические места при специалистах высокой квалификации, требующих применения знаний арифметики, геометрии, тригонометрии, черчения. Выпускниками этой школы комплектовались кадры канцелярских служащих казенных заводов Урала, места заводских учеников, становившихся через несколько лет подмастерьями и мастерами. Ее выпускники пополняли места пробирных, маркшейдерских, геодезических учеников, учеников механики и других ценных и новых для Урала специальностей.

Высокий уровень подготовки выпускников арифметической школы признала и Берг-коллегия, начавшая требовать их присылки для собственных нужд. Ведь горнозаводские школы Урала, в первую очередь екатеринбургские, были лучшими учебными заведениями, находившимися в ее ведении вплоть до открытия Горного училища в Санкт-Петербурге в 1773 г.

Источник формирования учительских кадров Екатеринбургской арифметической школы с середины 1730-х гг. стал состоять уже из выпускников этого учебного заведения в отличие от назначавшихся ранее на эти должности присланных из Москвы и Санкт-Петербурга выпускников Артиллерийской школы и Морской академии.

Санников Федор Иванович (1734–1741)

Впервые имя Федора Санникова фигурирует в описи документов Екатеринбургской заводской конторы за июнь 1724 г., где упомянуто доношение подьячего Ивана Санникова о переводе сына Федора, записанного в словесную школу Каменского завода, в Екатеринбургскую арифметическую и распоряжение о его приеме¹. Поскольку Каменская школа только еще готовилась к открытию, а

¹ ГАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 149 об.

Федор освоил грамоту на дому, отец решил, что он вполне подготовлен к изучению арифметики. Так, в возрасте 10 лет Санников начал овладение математической премудростью. Обучал его выпускник Московской артиллерийской школы Петр Рыбников, с сентября 1725 г. — выпускник Морской академии Михаил Кутузов. В марте 1727 г., Санников был назначен копиистом «к приказным делам» с жалованьем 6 руб. в год, через год обратился с прошением, «что обносился и умирает с голоду», жалованье увеличили до 12 руб., дослужился до канцеляриста, одновременно «обучился своим исканием тригонометрические, плоские и круглые географические чертежи и проспекты»¹. Эти показания Санникова свидетельствуют, что в Екатеринбурге можно было с успехом повысить свой уровень знаний и умений при наличии желания — специалисты имелись.

31 мая 1734 г. Санников стал «молодчим шихтмейстером, получил ранг унтер-офицера». Выполняя поручения начальства, побывал на Иргинских заводах Осокиных, по пути нашел места для строительства пристаней на реке Серге и верховьях Уфы для отправки материалов для Оренбургской экспедиции И. Кирилова, составил чертежи этих мест². По поручению В. И. Геннина «был у сочинения заводским фабрикам планов, профилей и проспектов и у рисования разных родов руд, камней и прочих найденных в Сибири подземных курьезностей в собирающуюся книгу»³ — «Описание Уральских и Сибирских заводов» В. И. Геннина. В мае 1735 г. Санников назначен надзирателем работ на строящийся Сусанский завод, составлял планы, чертежи, делал расчеты проведения работ при строительстве плотин, показал себя как специалист, не боящийся отстаивать свою точку зрения⁴.

3 ноября 1735 г. новая глава заводов В. Н. Татищев «с товарищи» формировали сеть школ Екатеринбурга, назначали учителей. В арифметическую школу вместо Никиты Каркадинова, отправлявшегося надзирателем в Пермь, учителем арифметики и геометрии был определен Федор Санников с жалованьем 48 руб. в

¹ *Цеменкова С. И., Черноухов А. В.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала... С. 302.

² Там же. С. 302—303.

³ *Козлов А. Г.* Творцы науки и техники на Урале XVII— начало XX века. С. 123.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 220. Л. 116.

год¹. Начальство хотело видеть Санникова в Екатеринбурге как можно скорее, поэтому освободило от сдачи дел на Сусанском заводе, поручило это сделать Ф. Шейнкову с Уктусского завода. 31 декабря Санникову предписали «быть у определенного ему дела и с учителем Коркодиновым сменитца по указом, и о том им объявить»². Как раз незадолго до назначения Санникова И. Н. Юдин, член Канцелярии, определенный к смотрению за школами, 24 сентября 1735 г. заявил: «во училище столы и скамьи ... весьма плохи, также доски, по которым арифметик обучают, ... деревянные черные и со оных чернь почти сошла, ... для хранения в чистоте книг и ландкарт не имеется шкафов». При школе живет и учитель Каркадинов с семьей, для топления печей и содержания «училищ» в чистоте нужен сторож. Начальство предписало: «Доски исправить, стол, стулья и шкафы поделать, ... учителя выселить в квартиру, сторожа дать из закомплектных учеников»³.

Единственными учебными пособиями школы в это время по-прежнему являлись «Арифметика» Л. Магницкого и «Таблицы логарифмов», учебники геометрии были «письменные, ученические». Судя по ведомостям, ученики начинали овладение арифметикой с первых действий с числами: сложения, вычитания, умножения, деления, знакомства с мерами и деньгами. Затем переходили ко второй части: изучению дробей и действий с ними (в ведомостях отмечалось: «в долях второй части арифметики», «сложении дробных мер и денег»). Третья часть посвящалась тройным правилам, применению арифметики в торговом деле — задачам на прямую и обратную пропорциональность, когда по трем значениям двух величин нужно найти четвертую. Наиболее способные ученики доходили до прогрессий, извлечения квадратных и кубических корней (радиксов, в ведомостях это отмечалось как «правила квадрата», «куб»).

В учебнике имелся материал для повторения и закрепления пройденного, в ведомостях окончание обучения отмечалось как «тверждение арифметики». Большинство учеников переходило к «тверждению» после овладения тройным правилом. После арифметики полагался переход к геометрии. Но, судя по ведомостям, с 1736 по

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 226. Л. 11—12.

² Там же. Д. 227. Л. 329.

³ Там же. Оп. 1. Д. 577а. Л. 224—224 об.

1740 г. геометрию изучали один-два ученика. Из-за острой потребности в копиистах, в учениках к различным мастерствам, в куренных надзирателях, в учениках к специалистам начальство распределяло учащихся, не дав им приступить к геометрии, в основном, как только они начинали усваивать тройное правило.

К тому же из арифметической школы набирали учеников и в знаменованную школу — первую на Урале школу рисования: в ноябре 1736 г. было взято четверо, в мае 1739 г. — 8 человек¹. Но в июле 1736 г. Санников сообщает, что в ходе занятий *«я своим ученикам арифметические и геометрические члены по возможности охотно толкую и задаю. И кроме меня никто моим учеником не показывает...»*². Иначе говоря, начала геометрии толковались достигшим определенные успехи в арифметике, но в ведомостях это не оговаривалось. И только в августе 1741 г. при передаче школы другому учителю отмечено: геометрию изучают 11 человек, то есть почти каждый пятый из 52-х учащихся³.

К сожалению, нам неизвестно, сколько учеников принял Санников от Каркадинова. В ведомости Каркадинова во 2/3 1735 г. их числилось 39, из них трое — уже переведенных учиться механике и 10 распределенных к заводским делам, то есть в школе осталось 26 человек. Санников впервые подал ведомость об учащихся лишь за 3/3 1736 г., причем в двух экземплярах, отличавшихся по содержанию, в один день, 13 января 1737 г.⁴ Поскольку ведомости других школ за 1/3 и 2/3 налицо, можно предположить, что Санников не составлял их из-за большой загруженности срочными поручениями, связанными с отъездом.

По первой ведомости в 3/3 1736 г. в арифметической школе из 26 учеников, числившихся у Каркадинова, осталось всего 11, начавших учиться в июне 1732 г. (двое), январе 1733 г. (пятеро), марте и июне 1735 г. (четверо). Из них пятеро изучали тройное правило, столько же «твердили» арифметику, Василий Горшков дошел до начал геометрии. Отсюда следует, что продвижение в овладении арифметикой затягивалось у части учащихся до трех-четырех лет⁵.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 625. Л. 111; Д. 816. Л. 86.

² Там же. Д. 624. Т. 2. Л. 419.

³ Там же. Д. 907. С. 297—299.

⁴ Там же. Д. 625 Л. 107—107 об., 1—1 об.

⁵ Там же. Л. 107—107 об.

Отмечено, что в июле 1736 г. сразу же семеро бывших учеников Каркадинова из 11 были отправлены куренными надзирателями на Кушвинский, Сылвинский, Алапаевский, Полевской (двое), Северский и Сусанский заводы.

Согласно данным из второго экземпляра ведомости, дополнительно к четырем ученикам, оставшимся у Санникова, 1 сентября 1736 г. 15 новичков были переведены к нему из других школ: один — из механической и 14 — из словесной¹. Сравнительный анализ текста ведомостей путем выделения фамилий новых учащихся и дат их принятия к обучению позволяет сделать вывод о постоянном пополнении арифметической школы в 1736—1740 гг. путем коллективных приемов подростков, завершивших обучение грамоте в словесной школе, зачисления переведенных из школ с других заводов или после домашнего обучения. В ноябре 1736 г. школу пополнило 15 новичков, в 1737 г. — 32, коллективный прием состоялся в феврале (9 чел.) и октябре (21 чел.), двое поступили вне этих приемов. Особенно большое пополнение пришло в 1738 г. — 48 человек в ходе трех групповых зачислений в течение осени. В составе приступивших к арифметике в сентябре 1738 г. был и будущий изобретатель, 9-летний солдатский сын Иван Ползунов. Новички прибывали в школу и в 1739, и 1740 г. — по 22 и 10 человек разом. В арифметическую школу переводили не только обучившихся грамоте в словесной, иногда и непонятливых учеников из механики, из немецкой школы. При этом некоторые подростки, переведенные из словесной школы, по мнению Санникова, плохо владели чтением, и их после года — двух лет пребывания в арифметической школе отправляли на 1—2 месяца доучиваться в словесную школу. В ведомостях 1/3 1739 г. напротив 8 фамилий отмечено: «в словесной для науки чтения»², отправляли и летом 1739 г., когда большинство учеников отпускались по домам для сенокосных работ. Нескольких учеников, имевших хорошие голоса, в основном детей приказных служителей, на месяц-полтора забирал учитель Феофилакт Митенев в школу пения, где все ученики были приходящими из других школ.

Учащиеся арифметической школы, согласно данных ведомостей, продолжали, как и в 1720-е гг., постоянно использоваться для «письма» в Канцелярии, конторах, таможне в течение недели,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 625. Л. 1—1 об.

² Там же. Д. 816. Л. 8—15 об.

нескольких недель, а то и двух месяцев. В ноябре 1736 г. шестеро новичков находились «у подписки клеєм» от 8 до 12 дней¹, некоторые вызывались для «переплета книг». Один из учеников в 1739 г. находился у «выклатки в завоцкой канторе» семь недель, другой — почти три месяца², видимо, они помогали делать какие-то срочные подсчеты.

Таким образом, общий состав учащихся арифметической школы находился в постоянном движении, одни группы приходили, другие, поменьше, покидали школу: распределялись копиистами, в заводские ученики к мастерам, переводились в знаменованную школу, а имевшие основательные познания в математике и способности назначались начальством в ученики к маркшейдерскому делу, пробирному, геодезии, механике. В списках учащихся у Санникова в 1736 г. числилось 19 учеников, в 1737 г., по третям года — 28, 28, 48; в 1738 — соответственно 57, 52, 81; в 1739 — 73, 70, 72; 1740-м — 70, 80, 102. За $\frac{1}{3}$ 1741 г. ведомость отсутствует, а к сентябрю число учащихся уменьшилось до 52 человек. Поскольку ученики распределялись к делам, привлекались для временных работ, находились в отпусках домой, болели, в стенах школы пребывало меньшее их число, чем значилось в ведомостях.

Возрастной состав учащихся, которых обучал Санников, как и социальный, был очень «разношерстным». Так, в 1737 г. среди 32 новичков были дети 9—14 лет, больше всех — 15—16 лет (23 чел.), были и юноши до 20 лет. Среди них — сын поручика В. Суворов 18 лет, уже в начале геометрии, и сын капитана А. Порецкий, 15 лет, учивший тройное правило; большинство — дети мастеров (15 чел.), подмастерьев, заводских работников (по 7 чел.); 6 детей канцелярских служителей, 4 — солдат и сын попа³.

Всего, по нашим подсчетам, в арифметической школе обучение основам математики у Санникова с 1736 по август 1741 гг. прошло не менее 156 человек. Безусловно, постоянная смена состава учащихся создавала дополнительные сложности для учителя, ему приходилось контролировать ход обучения детей и подростков, индивидуально продвигавшихся в освоении основ математики в зависимости от своих способностей. При этом временное использование их на различных

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 625. Л. 1—1 об.

² Там же. Д. 857. Л. 33 об., 37 об.

³ Там же. Д. 602. Л. 56-68 об.

«горящих» участках работ, безусловно, удлиняло сроки их пребывания на школьной скамье.

Наряду с учениками арифметической школы Санников параллельно стал обучать математике и учащихся немецкой. Об этом свидетельствуют его показания в связи с доношением надзирателя екатеринбургских школ механика Н. Бахорева от 10 июля 1736 г., что он мало при школе бывает: «при школе бываю во всякой работной день два раза до полдня часа по полтора и по полудни три часа, а протчие часы употребляются в науках по надписанию ректора господина Штермера», то есть Санников параллельно с пребыванием по 6 часов в день в арифметической школе ходил и в немецкую для занятий с ее учениками¹. Но 28 октября 1736 г. Татищев «с товарищи» решили учащихся немецкой школы, «дабы ученого не забывали, но более могли натвержатца», обучать арифметике и геометрии по немецким книгам. «Определенной же для обучения арифметика Санников немецкого не знает», поэтому обучение поручили выпускнику Инженерной школы барону Фабиану фон Палену².

Весной 1738 г. расписание занятий опять подверглось изменению, это ясно из доношения Санникова от 21 марта Юдину:

...ко обучению арифметика и геометрии учеников, которые будут приходить из немецкой, латинской и знаменованной, и словесной русской школ, потребно мне: 1) досок каменных с грифлями – 6; 2) досок деревянных олифленных черных – 66; 3) арифметик печатной один, понеже имеющийся здесь весьма обветшал; 4) бумаги на арифметики и геометрии стопа; 5) чернил орешковых осьмина ведра; 6) краткое истолкование математики³.

Ясно, что Санников должен был обучать арифметике учащихся всех пяти действовавших в Екатеринбурге школ, даже словесной, их, начавших обучение письму, знакомить с числами. На следующий же день Юдин распорядился:

...о каменных досках справиться, не требовано ль напред сего от кого учителей и не имеется в присылке, и буде есть, то б отпустить, а ежели не имеется, то оных и не требовать, а требовать одних

¹ Сафронова А. М. Надзиратели горнозаводских школ Урала: круг обязанностей и взаимоотношения с учителями и учащимися (1729—1730-е гг.) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 21. Екатеринбург, 2021. С. 341.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 695—695 об.

³ Там же. Д. 760. С. 158.

деревянных лакирных. Печатнаго Арифметика также, ежели не имеется, не требовать же, а велеть оному Санникову сочинить письменной с ветхаго и по тому учеников учить, а ветхой беречь и по рукам таскать не давать [как у них завсегда бывало прежде]; о чернилах представить и о бумаге, о истолковани[и] кратком математическом справиться и буде имеется в присылке, то отпустить, а ежели не имеется, то ныне не требовать.

Под этим распоряжением роспись Санникова, что он «Печатной Арифметик 1703-го года издания Магнитского и Сокращение математики 1728 года ... принял»¹. Это был «Содержащий арифметику, геометрию и тригонометрию» первый том учебника, написанный Я. Германом для императора Петра II. Но Юдин сообщает в Канцелярию, что «немецкой школы ученики показаны ходить в арифметику и в геометрию, и в протчие (науки. – *Авт.*) по росписанию часов, и разделенные часы отданы во оную школу ..., токмо они не ходят, и ректор Штермер для чего их в те науки не посылает, о том неизвестно»².

По этому поводу члены Канцелярии приказали:

В школы учителям из расписания, чтоб знали, кому у кого и каким наукам и в которые часы учить велено, дать росписи, оным для тех наук в указанные дни и часы приходиться безотговорочно и учить неленостно. И для того их, кто какой науке обучится, свидетельствовать учителям каждомесячно»³.

Но с 15 июня 1738 г. учащих немецкой школы начал обучать арифметике прибывший из Самары А. Миссет, ученики немецкой школы перешли от Санникова к нему⁴.

На последнем году работы учителем, с января 1741 г., по приказу Канцелярии Санников курировал и обучение в арифметических школах, открытых при ближайших к Екатеринбургу Уктусском и Верх-Исетском заводах. Туда посылались с переменою помесечно наиболее подготовленные им учащиеся Екатеринбургской школы⁵.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. С. 158—159.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 117.

⁴ Там же. С. 238.

⁵ Там же. Д. 907. С. 44.

Мнения учителей по поводу воспитания, наказания учеников — большая редкость для первой половины XVIII в., поэтому особый интерес представляют высказывания Санникова по этим вопросам, сделанные в ходе разбирательства отношений с надзирателем школ механиком Н. П. Бахоревым (июль 1736 г.). Санников упрекает Бахорева в недостойном поведении по отношению к учителям-ссылным словесной школы: бил «пред учениками», покрывал «всякою матерною бранью»; отмечает пагубное влияние Бахорева на этих учеников, переставших слушаться учителей, выполнять их задания, и даже на их отцов, перенявших от Бахорева манеру бранить учителей; сообщает об унижительных наказаниях, применяемых Бахоревым в отношении учеников механики и выражает свое отношение к этому:

А признается мне, что фундамент есть детского учения — порядочное их содержание и всегдашнее прилежное смотрение, а за неисправность можно словесное и легкое лозное наказание чинить, а не надмерное, яко палкою и протчим, что у него ж водится. Ибо наказание жестокое ученику ничего в пользу придать не может, ежели от мастера смотрения и учения хорошего искусного не будет¹.

Эти мысли так схожи с мнением Татищева, развитым в «Учреждении» учителям в ноябре 1736 г. Вызывают уважение и рассуждения Санникова о роли учителя как примера для подражания: «во училище ... надлежит приходить и всякую чинить добрую учтивость ... Дабы, видя оное, дети присматривались и тщились, к тому ж учителей почитали, как надлежит»². Опять-таки видим, как близки эти рассуждения взглядам Татищева.

Использование учителя для выполнения заводских дел

Санникову как ценному специалисту постоянно давали поручения по выполнению срочных заданий, он и сам иногда выступал с инициативными предложениями. Только что назначенный учителем, он подал уральскому начальству доношение «о строениях вновь плотин и заводов, как он по своему мнению за лутчее признавает», приложил к нему свою «записку». Начальство заслушало эти документы 26 ноября 1735 г. и решило передать их «в Комиссию

¹ Сафронова А. М. Надзиратели горнозаводских школ Урала ... С. 342.

² Там же.

разсмотрения о заводах и фабриках», собрав в нее «искусных в заводских строениях и тому обученных» механика Бахорева, мастеров плотинных Злобина и других, «плотников искусных». Комиссии предписывалось предложение Санникова рассмотреть, «и о чем за лутче пожатца и согласятца, о тех страениях представить ...»¹.

8 января 1736 г. начальство решило послать на Кушву бергмейстера Н. Г. Клеопина, механика Н. П. Бахорева и Федора Санникова, взяв с заводов А. Демидова плотинного мастера Злобина, осмотреть место, где назначено построить плотину Туринского завода, оценить, сколько нужно людей для строительства пеших, конных, чтобы построить за одно лето; сколько каких припасов заготовить². В конце января по приказу начальства Санникову пришлось все-таки выехать на Сусанский завод для сдачи дел за время своего правления: назначенный для этого Шеинков внезапно скончался³.

29 марта 1736 г. Бахореву и Санникову поручили найти кратчайший путь для прокладывания дороги от Екатеринбурга до строящегося Кушвинского завода. Назначенная вогуlichem, дорога сильно уклонялась «влево», Бахорев должен был от Пышминской деревни идти по компасу, взяв на пять градусов к западу, а Санников — смерить дорогу от деревни Шайдурихи до ближней деревни Демидова и вернуться назад. Оба должны были отправиться в путь на своих лыжах, брать из слобод и деревень по одному жителю провожатых. На обратный путь давались прогоны: Бахореву от Кушвы, Санникову — от Шайдурихи⁴.

В июле 1736 г. серб Д. Милутинович просил об отводе места в Арамильской слободе у речки Бобровки для строения винокурни и отводе лесов, лугов для сенокоса. Начальство, боясь недовольства жителей, решило «для того осмотра и свидетельства послать на коште просителя учителя Санникова»⁵. В 1736 г. Санников трудился и над сочинением плана «Екатеринбургского строения». Ему поручались и археологические изыскания: с А. Кичигиным искал серебро в

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 226. Л. 175.

² Там же. Д. 228. Л. 23–24.

³ Там же. Л. 182.

⁴ Там же. Д. 230. Л. 270–271, 341–342.

⁵ Там же. Д. 234. Л. 206.

старинных копиях Теченской слободы. Сохранился подробный журнал-отчет об этой поездке¹.

В сентябре 1737 г. Санников, выполнив задание об осмотре в Казанском уезде рудника по реке Кармале и поиску места под строение нового завода, объявил в Канцелярии описи и чертежи². В декабре 1737 г. Санникову было дано новое важное поручение: делать чертежи уральских заводов для «Исторической книги» в трех экземплярах, перевести уже сделанные его предшественниками в единый масштаб. Работа была задумана Татищевым в июле 1735 г. Санников в январе 1738 г. показал, что ему предстоит выполнить 210 чертежей, для этого потребуется 630 листов бумаги. Эта огромная по масштабам работа легла на плечи Санникова, его нового ученика Ивана Бортника, геодезического ученика Пимена Старцова и учеников механики.

В доношении от 17 марта 1738 г. Санников сообщает о трудностях, возникших в работе, о том, что «ныне от них почти никакой помощи нет»: Старцов всегда в отлучках по своим делам, «а механические ученики ныне планы и профили от меня обучаться начинают», то есть пока не готовы к этой работе. Так, мимоходом, мы узнаем о еще одной группе подопечных Санникова — учеников механики, которых он обучал копированию чертежей.

Оказалось, что многие чертежи, числившиеся в 1735 г. в наличии, утрачены: из 229 осталось 114. Поэтому Санников просил определить к копированию Ивана Княгинкина, изучавшего пробирное дело, поскольку он уже обучен Санниковым чертить планы и профили (опять-таки им!) и может контролировать работу других чертежников во время отлучек учителя³. Иван Княгинкин – сын капитана, в марте 1735 г. был определен надзирателем работ на Екатеринбургский монетный двор, в ноябре 1736 г. ему приказали «в школе немецкой и

¹ *Цеменкова С. И., Черноухов А. В.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала... С. 303.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 248. Л. 312.

³ См. об этом: *Сафронова А. М., Цеменкова С. И.* Подготовка чертежей казенных и частных заводов Урала по заданию В. Н. Татищева в 1735—1738 гг. для «Исторической книги»: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 16. Екатеринбург, 2016. С. 345—346.

пробирному обучаться...в совершенство», отреша от надзирания работ¹. Санников просит дать ему и способных к черчению ученика арифметической школы Василия Суворова и знаменованной — Ивана Борисова, а в помощь им использовать учеников арифметической и знаменованной школ и «к тому временные часы им определить»². Но члены Канцелярии только через три с лишним месяца, рассмотрев просьбу Санникова, предписали работать «с прежде определенными к тому делу школьниками»³.

В ноябре 1738 г. указом Татищева из Самары предписывалось учинить опыты от Екатеринбургской заводской конторы к физическому примечанию о железе и ядрах и разъяснялось, как это сделать. К смотрению над опытами были приставлены механик Бахорев и Санников⁴. В январе 1739 г. Санникову поручили сделать 27 копий чертежей шестифунтовой пушки и мортиры, выполненных членом Канцелярии Н. Клеопиным, «по коим надлежит оные вылить в Оренбургскую комиссию». Санников 1 февраля подал копии, но они «явились во многих частях против подлинных не сходны», начальство объявило, чтоб впредь составлял копии сам, «а не ученикам то вверял». Но и вторые копии «весьма явились несходны». За «оплошное смотрение и небрежение судейских приказов и своей должности» начальство приказало, «другим на страх, поставить ево под ружье на один час и наложить шесть фузей, и для учинения того отослать ево при письменном известии к ротным делам», верные же копии подать «немедленно»⁵.

Чертежами Санников занимался на протяжении трех с половиной лет, 31 августа 1741 г. подал доношение о результатах этой работы: заводам «тройственные равные чертежи на александрийской бумаге ...срисованы», собраны в книги по одному экземпляру, «за не выправкой и неимением некоторых, не на всех подписи сделаны». Общая роспись чертежей для включения в книгу Екатеринбургского ведомства (105) и Пермского горного начальства (22) составляла 127 чертежей, а они изготовлялись, как полагается, в трех экземплярах. Начальство 29 сентября предписало: чертежи принять,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 677. С. 274.

² Сафронова А. М., Цеменкова С. И. Подготовка чертежей ...Л. 345—346.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. С. 156.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 1527. Л. 330.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 820. Л. 64.

«освидетельствовать», в Екатеринбурге доделывать Афанасию Кичигину, а на Егошихе — отправлявшемуся туда Санникову¹.

Таким образом, обучение школьников, огромная работа по копированию чертежей дополнялась новыми срочными поручениями. Постоянной обязанностью Федора Санникова с момента назначения на должность учителя являлось ведение журнала метеорологических наблюдений. С января 1734 г. Екатеринбург стал третьим городом в России после Санкт-Петербурга (с 1726 г.) и Казани (с 1733 г.), где стали вестись постоянные метеонаблюдения с помощью инструментов. Проезжая через Екатеринбург, профессора Второй Камчатской экспедиции Академии наук под руководством В. Беринга договорились с главой заводов В. И. Генниным, оставили наставление, как с помощью термометра, барометра, флюгера отмечать температуру и давление воздуха утром, в полдень и вечером; состояние неба: пасмурно, солнечно, облачно². Сначала эти наблюдения были поручены маркшейдеру А. Татищеву, затем учителю арифметики Каркадинову, от него перешли к Санникову.

Ежемесячно итоги метеонаблюдений должны были подаваться Юдину, он передавал их для отсылки в Сенат, в октябре 1735 г. профессора попросили слать экземпляр им в Сибирь каждые три месяца³. С 1737 г. вместо Сената журналы стали отправляться в Генерал-берг-директориум, один экземпляр оставался в Канцелярии⁴. В августе 1736 г. Санников подает доношение: метеонаблюдения велено записывать в журнал «с тщанием и верностью. а при мне сейчас учеников, которые бы записку содержать могли, нет», — поэтому просит дать из геометрии двух человек: из немецкой школы Афанасия Кичигина, из механической — Ивана Сусорова, «которые содержанию оных записок обучитца скорей могут». Но начальство приказало «оняя наблюдения иметь имеющимся у него учениками, и чтоб записка тому ведена была справедливоя, того смотреть ему самому»⁵. Санников дольше всех из учителей выполнял это поручение, более пяти лет.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 200—205.

² Там же. Д. 498. Л. 1.

³ Там же. Оп. 12. Д. 225. Л. 87.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 498. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 624. Т. 2. Л. 527.

Совершенствование знаний учителем

28 октября 1737 г. Санников подал доношение начальству об определении его «при горных Е. и. в. межевальных делах, дабы я обученное онаго искусства туне не потерял, но еще б, быв при том, вящее знание присовокупил». Сообщил, что в 1733 г. «по желанию моему обучался я от маркшейдера Андрея Татищева искусства межевального, сочинению чертежей и знанию должности при работах горных употребляющиеся, а от оной науки определен шихтмейстером при заводе Екатеринбургском, и потом при всяких заводских обретаюся делах»¹. Начальство отправило запрос Татищеву в Самару².

Татищев же предписал выписать «маркшейдера человека искусного» вместо скончавшегося А. Татищева из Петербурга, «а Санникову быть в плотинном мастерстве, для которого ему нужно обучиться столярному и токарному». Видимо, Татищев оценил предложения Санникова 1736 г. по строительству плотин и решил, что ему следует совершенствовать свои знания в этом направлении. Определением Канцелярии от 14 января 1738 г. ему приказывалось учиться столярному и токарному делу в те часы, когда школьники от науки бывают свободны³.

Санникова мы видим и одним из читателей Екатеринбургской библиотеки Горного ведомства, взявшим книги для расширения своих познаний. С октября 1737 г. за ним числились третий том «Сокращения математического», содержащий фортификацию, Я. Германа (СПб., 1728), и «Новейшее основание и практика артиллерии» Э. Брауна (М., издание 1709 или 1710 г.). Эти книги Санников держал на руках до ноября 1741 г.⁴

Перевод шихтмейстера Санникова в Пермское горное начальство. Федор Санников преподавал в Екатеринбургской арифметической школе с конца 1735 по август 1741 г., более пяти с половиной лет. 19 августа 1741 г. в связи с заводской необходимостью решено было отправить его в Пермское горное начальство, а учителем

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. Л. 267—268.

² Там же.

³ Там же. Д. 760. Л. 13 об.

⁴ Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбургa: опыт исторической реконструкции. Екатеринбург, 2011. С. 500—501.

назначить маркшейдерского ученика Афанасия Кичигина. 31 августа Санников передал ему все дела, имущество, учеников¹.

«Сдаточный» список позволяет судить о последних учащих Санникова к сентябрю 1741 г. В реестре числилось 52 человека, из них в «тверждении арифметики» — 8, двое учили «кубик», 9 — тройное правило, 19 — первые действия с числами. К геометрии только приступили 11 человек, трое — углубленно изучали ее. Имелся и список учеников в школах, курируемых Санниковым. В Уктусской арифметику изучали 15 человек, из них в тройном правиле — 8, в «тверждении арифметики» — 6, 1 — в умножении. В школе Верх-Исетского завода — пятеро учеников, все «в раздроблении»². Долговременная служба Федора Санникова, его преданность делу были высоко оценены уральским начальством, и по его представлению Генерал-берг-директориум указом от 17 апреля 1741 г. присвоил унтер-шихтмейстеру Санникову чин шихтмейстера, то есть обер-офицера, дававший право иметь денщика³. В Пермь Санников отправился уже в новом чине.

На примере Федора Санникова мы видим, как обучение в арифметической школе и приумножение полученных знаний во время исполнения приказной должности, по собственному желанию, с оплатой из своего жалованья — освоение тригонометрии, черчения, искусства межевания, основ маркшейдерского дела — позволили ему, сыну подьячего, воспользоваться этими знаниями в качестве социального лифта и стать горным офицером, специалистом широкого профиля, отличившимся во время исполнения должности учителя самой крупной арифметической школы горнозаводского Урала. Всего Санников обучил основам математики с конца 1735 по август 1741 г. не менее 156 учеников.

Афанасий Иванович Кичигин (август 1741– август 1744)

Большой список учителей школы, трудившихся в 1740-е гг., открывает Афанасий Кичигин, сменивший в 1741 г. Федора Санникова, отозванного к заводским делам. Кичигин, как и Санников, был сыном подьячего, но более высокого уровня. В ведомости управителей и приказчиков, стоявших во главе дистриктов, его отец,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. С. 297—306.

² Там же. С. 297—299.

³ Там же. Д. 890. Л. 212.

Иван Кичигин, показан в 1724 г. во главе Алапаевского дистрикта, затем – подьячим, с июля по декабрь – снова управителем¹. В 1724 г. одновременно с выполнением этих обязанностей он обучал детей Алапаевской словесной школы письму², в 1728 г. был переведен в Екатеринбургскую заводскую контору³, а в 1735-м трудился в должности регистратора документов в Канцелярии.

После перевода отца в Екатеринбург, с 1 апреля 1728 г., Афанасий стал учиться в словесной школе⁴, быстро усвоил грамоту, которой ранее обучался на дому, у своего отца. С 24 февраля 1729 г. он – ученик арифметической школы⁵, постигал основы математики у Никиты Каркадинова, выпускника Морской академии, стажировавшегося в Швеции. Рисованию и черчению Кичигин учился, видимо, у Петра Яковлева, которого В. И. Геннин в ноябре 1732 г. определил быть «шихтмейстером у обучения школьников рисованию, чертежей и для отправления случающихся во Обербергамте чертежей и для помощи маркшейдером...». В течение шести лет Афанасий Кичигин числился учеником арифметической школы.

В январе 1735 г. Афанасий был включен новым начальником заводов В. Н. Татищевым в состав группы, отправлявшейся для учебы в Саксонию наряду с двумя детьми заводской администрации, Александром Теряевым и Петром Степановым, сыновьями стольника и горного надзирателя. Гиттенмейстеру Иоганну Улиху, сопровождавшему группу, поручалось отдать их в Лейпциге или другом городе, поближе к заводам, обучаться «мафематики, физики, механики, рисовать и принадлежащих к знанию и произведению металей и минералей, [в которых наибольшая польза заводов состоит]»⁶. В апреле 1735 г. юноши перешли под контроль Коллегии

¹ Сафронова А. М. Горнозаводская администрация Урала в постпетровскую эпоху: новые данные // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 4. С. 1380.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 126 об., 141 об.

³ Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти... С. 280.

⁴ Там же.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 506. Л. 86.

⁶ Проект В. Н. Татищева 1735 г. об отправления гиттенмейстера И. Улиха в Саксонию и Богемию для найма специалистов, обучении детей управителей уральских заводов в Европе и Академии наук (публикация документа, подготовлена А. М. Сафроновой) // *Уральский археографический альманах*. 2005. Екатеринбург, 2005. С. 360.

иностранных дел, в ожидании отправки в Европу изучали немецкий язык, но отправка задерживалась, и Татищев 21 сентября просил даже Кабинет министров вернуть Улиха на Урал, а трех юношей определить в гимназию Академии наук. В поездке было окончательно отказано 29 октября 1735 г., в гимназию юношей по каким-то причинам не определили, и в конце января 1736 г. они вернулись в Екатеринбург¹.

С февраля 1736 г. все трое начали учиться в немецкой школе, открытой в Екатеринбурге в ноябре 1735 г., стали первыми по успехам в классе у ректора Б. Штермера — их фамилии открывали список учащихся. Для Афанасия Кичигина немецкая школа стала третьим учебным заведением, в котором он успешно осваивал наряду с немецким языком основы истории, географии, религии. Согласно рапорта учителя А. Миссета, принявшего учеников у Штермера, в сентябре 1740 г. Афанасий числился должником школьной библиотеки, имел при себе лексикон, Новый Завет и «Статцкую древнюю историю» Байера.

Имелся ввиду «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмана, изданный Академией наук в 1731 г. объемом в 840 листов, 25 экземпляров которого Улих приобрел в столице в 1735 г. Учебник Г. З. Байера «Извлечение из старинной государственной истории», объемом 440 страниц, был написан на немецком языке для юного Петра II – это «Auszug der älteren Staatsgeschichte» (СПб., 1728 г.)². Ясно, что Кичигин основательно постигал в школе немецкий язык и глубоко интересовался историей.

Но 25 декабря 1736 г. его отец скончался, Афанасий осиротел. Через пять дней, 31 декабря 1736 г., он подает челобитную уральскому начальству об определении жалованья. Сообщает, что после смерти отца остался с матерью, бабкой и другими детьми, денег на их содержание взять негде, «понеже я есче не в совершенных летех», и родственников, которые могли бы кормить нас, нет. Отец оставил долги, которые могут быть взысканы с семьи, «отчего имеем претерпевать великую скудость и нищету». По свидетельству ректора

¹ Проект В. Н. Татищева 1735 г. об отправлении гитенмейстера И. Улиха в Саксонию и Богемию... С. 356.

² Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга... С. 509, 155.

Б. Штермера Кичигин «имеетца в учении в первом классе, он грамматику почти всю знает, переводит с немецкого на российской» и наоборот «всякие речи, також немного и по-немецкие говорит. И оной во всем послушен и к науке радетелен». Учитывая успехи Кичигина в школе, наличие большой семьи, оставшейся без средств к существованию, начальство во главе с В. Н. Татищевым определило ему жалованье не 4 руб., как полагалось ученику немецкой школы, а 12 руб. в год из школьной суммы – «на содержание ему себя и оставших от отца домашних» с января 1737 г.¹

В марте 1737 г. Кичигин вновь обращается с просьбой: дед, отец и он сам в 1722 г. были положены в подушный оклад в Ялуторовском дистрикте, платил деньги за всех отец, за Афанасия уплатил по 1736 г., за себя – по 1737-й, но посланный оттуда человек требует плату за умершего деда и Афанасия за 1736 и 1737 гг., а за отца – за половину 1737 г., но платить нечем. Афанасий просит не спрашивать с него подушных денег.

Судя по справкам, подготовленным для слушания, указом Берг-коллегии от 7 февраля 1729 г. со взятых из приписных слобод крестьян, бобылей в приказные чины, целовальники, мастерства и в школу подушные деньги полагалось вычитать из их жалованья, чтобы крестьянам за них не платить и не разоряться. Дед здесь не жил, отец с 1727 по 1733 г. уплатил 11 руб. 26 ²/₃ коп. Хотя в свое время было решение о записи отца в оклад в Екатеринбурге, но об этом в Исетск не сообщили, и по новому месту жительства в оклад не записали. Только в июле 1737 г. начальство решило: положить Афанасия в оклад здесь, а долги по подушной подати выплачивать путем вычета из жалованья и отправлять в Исетск, но только за себя². На примере Кичигина мы видим, как затрудняло материальное положение учащихся необходимость выплаты подушной подати, если умирал кормилец семьи.

В это время Татищев решил претворить в жизнь свою задумку перенять у китайцев методы работы с рудами, содержащими золото и серебро. Поскольку китайцы своими методами делиться не хотели, путем переговоров с резидентом Л. Лангом решено было подготовить двух молодых людей с Урала для отправки в Пекин под видом обучения там китайскому языку. 17 ноября 1737 г. в Екатеринбург

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. С.8–9, 13–14.

² Там же. С. 308.

пришел ордер от Татищева из Самары (с июня 1737 г. он возглавлял одновременно и Оренбургскую комиссию) : готовить к отправке лучших учеников немецкой школы Афанасия Кичигина и Петра Степанова и между тем их «с крайним прилежанием» обучать арифметике, геометрии, знаменованию. Таким образом, программа обучения расширялась. Обучать Кичигина и Степанова этим предметам с ноября 1737 г. начали Санников и учитель знаменованной школы Мирон Аврамов¹.

21 июня 1738 г. в Екатеринбург пришла промемория от Ланга с новыми требованиями: немедленно ученикам перед отправкой в Пекин «показать, что к довольному знанию рудоплавного ремесла принадлежит», причем один из них должен знать латынь, так как обязан по договору обучать этому языку китайцев. Начальство отправило копию промемории Татищеву в Самару². Указ Татищева прибыл 11 сентября 1738 г.: заменить Степанова учеником латинской школы Весниным, «пробам, плавлению меди и чугуна обучать, чтоб они оное основательно знали, а особливо золота и серебра разными манеры». Члены Канцелярии приказали пробам и плавке чугуна обучать на Верх-Исетском заводе, а плавке меди – в Перми, «и тем всем наукам иметь им, ученикам, для всегдашней своей памяти обстоятельные записки»³.

30 марта 1739 г. Кичигин и Веснин после длительного обучения получили аттестат от гиттенфервальтера Алексея Хрушова:

Железным, свинцовым, оловянным, медным, серебряным и золотым (пробам обучены. – *Авт.*), и оные пробы они могут сами собою делать, а прочим минералам не обучались за тем, что здесь руд не имеется⁴.

Перед отправкой в Пермь для обучения плавке меди Кичигин с Весниным попросили о прибавке жалованья. Начальство «для придания к наукам охоты и для того, что Кичигин обучился говорить по-немецки, рудным пробам и некоторую часть знает в рисовании», увеличило ему жалованье вдвое, до 24 руб. в год, Веснину – до 18 руб. в счет школьной суммы⁵. В апреле 1739 г. их отправили на

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. С. 319.

² Там же. Д. 907. С. 120.

³ Там же. Оп. 12. Д. 41. С. 469; Оп. 1. Д. 907. С. 120

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 907. С. 122.

⁵ Там же. Оп. 12. Д. 267. С. 20–21.

Егошихинский завод, где Кичигин обучался плавке меди в течение года и получил такой аттестат от плавильного мастера Федора Яковлева:

...хотя де он, Кичигин при деле вновь плавильных и при починке старых печей и при пущении оных в ход, также и при плавке руды на роштейн и роштейн в черную медь, и при деле обжигальных переметных печей, и при обжеге в тех переметных печах роштейну ис пурштейну и был завсегда, токмо *за природным своим худосилием не работал, а имел один присмотр*, и наиболее обучался чрез смотрение и имел всему тому происхождению записку и сочинял чертежи. Токмо оную науку сам собою без мастера отправить может или нет, о том оной Яковлев не знает и утвердитца точно не может, и работать ему так, как надлежит плавильщику, за тем худосилием не можно. А обучался более чрез смотрение, записку и чертежи, и бес точной ево работы и искусства и практике той науки познать невозможно. Токмо ему, Кичигину, вышепоказанную науку оной Яковлев показывал безскрытно, по чистой своей совести¹.

Второй аттестат дал гармахер Тимофей Голдин:

...объявил, что ево, Кичигина, как очищать черную медь в гармахерскую, потом из гармахерской в штыки сливать в чистую медь, и пробам, сколько ево знания есть, нескрытно обучал. И обучил в совершенство, что уже сам собою работал и оную медь очисчал, и в штыки сливал, и пробу, когда медь поспеет в штыки сливать, знает, как надлежит. И впредь работать и без мастера сам собой может².

Но в дело о посылке в Китай вмешался Генерал-берг-директориум, по его указу от 28 февраля 1740 г. глава Экспедиции свидельствования казенных заводов, действовавшей на Урале, выбрал для поездки плавильщика Красноярских заводов немца И. С. Отто, поэтому Канцелярия решила вернуть Кичигина с Весниным из Перми в Екатеринбург³.

В ноябре 1740 г. Кичигин был определен маркшейдерским учеником с прежним окладом 24 руб. в год. Почти 10 месяцев он осваивал маркшейдерское искусство по проведению пространственно-геометрических измерений поверхности месторождений и последующего отображения этих измерений на

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 91 об.

² Там же.

³ Там же. Д. 907. С. 122—123.

планах, чертежах. Как сообщал Кичигин в 1742 г. в прошении об увеличении жалованья, обучал его маркшейдер Михаил Кутузов:

Будучи при оной науке находился я всегда с оным Кутузовым в посылках, в которых описывать по инструменту с надлежащим изъяснением и со оных сочинение чертежей, также и описывать горные работы и чертежи сочинять, он показывал мне основательно, почему и сам я оные делал неоднократно¹.

И вот 19 августа 1741 г. Афанасий Кичигин получает назначение на должность учителя Екатеринбургской арифметической школы вместо шихтмейстера Федора Санникова, который отправлялся в Пермское горное начальство. Кичигину предписывалось обучать детей арифметике, геометрии, чертежам, «под тем же присмотром»², т. е. главного межевщика Игнатия Юдина и надзирателя екатеринбургских школ механика Никиты Бахорева. Реконструированная нами биография Кичигина позволяет говорить о нем как о человеке, блестяще овладевшим широким кругом знаний и умений, высоко квалифицированном специалисте, которому есть что передать ученикам и в теории, и на практике. Ему в это время исполнилось 22 года, он молод, полон сил и желания претворять свои знания в жизнь.

Передача дел от Санникова Кичигину была оформлена быстро, 31 августа 1741 г. они подписали «сдаточный список» на 10 страницах³. Кичигин принял 52 ученика, из них в геометрии числилось 14 человек, т. е. почти четверть обучавшихся, в «тверждении» арифметики – 8, двое учили «кубик», 9 – различные статьи тройного правила, 19 учились первым действиям с числами. Кичигин принял под свой контроль и «филиалы» Екатеринбургской школы – Уктусскую арифметическую школу с 15 учениками и Верх-Исетскую с 5 учащимися, где своих учителей арифметики подобрать не сумели, и обучали наиболее способные учащиеся Екатеринбургской, посылаемые попеременно на месяц и больше.

«Сдаточный список» представляет для нас интерес как важный источник, содержащий сведения об имуществе арифметической школы, находившемся в ведении учителя. Во-первых, он

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 90.

² Там же. Л. 92.

³ Там же. Д. 907. С. 297–306.

свидетельствует о наличии большого числа архивных документов, передаваемых от одного учителя другому. В описи числится 28 дел, в них от нескольких десятков до сотни и более листов. Так, «столп приходящим указам и письмам» 1723–1729 гг. содержал 107 листов, за 1729–1734 гг. – 110 листов. Объем школьных документов резко увеличился с 1735 г.: столп указов и писем только за 1735 г. – 112 листов, «столп черным доношениям и отходящим письмам» 1735 г. – еще 101 лист. Самый объемный – «Столп приходящим и отходящим гошпитальным письмам с 1729 по 1736 год», на 154 листах. Отдельно выделен «Журнал повсядневной метеорологических обсерваций, при Екатеринбургe содержанный 1734–1739 гг.; Учреждение о содержании школ на 9 листах, о наблюдение метеорологическим с немецким переводом на 4 листах», т. е. инструкция, переданная в январе 1734 г. членом Второй Камчатской экспедиции Академии наук профессором Иоганном Гмелиным, о проведении метеонаблюдений в Екатеринбургe; «журнал» метеонаблюдений за 1740–1741 гг. на 24 листах.

Под рубрикой «Картин, прибитых к стенам» перечислено 20, среди них «печатная Крымская ланкарта» (приобретенная в Академии наук в 1736 г.), «рисованные» под 19 номерами: планы и «прошпекты» Горного Щита, заводов Верх-Исетского, Уктусского, Верхнеуктусского; планы «Полевской», «Полевской горной работе», «Екатеринбургской», заводов Алапаевского, Синячихинского, Каменского, «план Чусовской». На стенах висели: ландкарты Томского и Кузнецкого уезда, Томского и Красноярского, рекам Исети и Течи; «горной работы Гумешевского медного рудника». Таким образом, арифметическая школа являлась местом хранения части чертежей до возникновения настоящей чертежной при Канцелярии Главного заводов правления. Карты составлялись учителями с привлечением учеников и служили своеобразными пособиями для развития навыков продвинувшихся в науках учащихся.

Из инструментов в школе числилось: циркулей троеножных – 6, перьев для циркулей – 3, грифельных – 3, «трубок карандашных круглых» – 5, с винтиками – 3, циркуль простой, транспортов «разных» – 5, линеек кленовых – 5. Имелась готовальня, в ней циркуль троеножный, простой, перья «циркульное и графильное, да карандашное», транспорты, числившийся за Иваном Княгинкиным, увезенный в 1738 г. на Сысертский завод. Т. е. инструментов на 14 человек, изучавших геометрию, было не так уж много. Отдельно

перечислялись метеорологические инструменты: барометр, термометр, флюгер «с расписанием ветров», «доска для расписания ветров». Имелось карандашей «тоненьких» 12, чернил китайских «плохих черешков» 2; красок: «киновари, умры, комеди, белил, бакану веницейского, крутику, яри веницейской, гумилута».

В отличие от больших книжных собраний словесной, немецкой, латинской школ книг в арифметической было самое малое число: «Арифметик печатной побитой, письменных 2, математика печатная 1, логарифма печатна, геометрия письменная». Печатная «Арифметика» – это знаменитый учебник Л. Магницкого, переданный школе в 1724 г., после перевода ее с Уктусского завода в Екатеринбург. Математика печатная – это «Сокращение математическое», содержащее арифметику, геометрию и тригонометрию, учебник, написанный академиком Я. Германом для молодого Петра II (СПб., 1728).¹ Безусловно, столь ограниченное число пособий замедляло обучение и создавало дополнительные трудности как ученикам, так и учителю.

Для проведения простых подсчетов имелось 4 каменных доски с грифелями, 47 деревянных черных (хранилось и 18 обломков), 13 чернильниц «для розсылки по заводам муравленных с песошницами», без песошниц 15». Бумаги картузной насчитывалось 60 листов, часть которых использовалась учащимися арифметической школы для изготовления пособий из своих записей, становившихся их собственностью. Имелся фунт ниток, которыми сшивались документы, вероятно, и школьные пособия. Писчей бумаги – 70 дестей, (в дести – 24 листа), т. е. запас был большой, 1680 листов. Школа имела топор, кочергу, чугунный горшок для варения чернил, два деревянных ведра для воды, замок, запас из 87 свечей и шандал для них. Из мебели – пять больших столов без ящиков, два с ящиками, скамей 7 больших и 4 маленьких, два стула и два ящика. Вот в такой обстановке вели занятия учителя.

Согласно первой ведомости за 3/3 1741 г., поданной Кичигиным начальству, в школе у него стало 55 учеников, прибыло трое новичков². Среди них насчитывалось 15 сирот, 8 детей отставных от дел, т. е. более четверти учившихся были лишены материальной поддержки семьи и существовали только за счет казенного жалованья,

¹ Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга... С. 444.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 957. Л. 14–16 об.

которое было мизерным, в арифметической школе всего 4 руб. в год, правда, на 1 руб. больше, чем в словесной. Социальный состав пестрый: 12-летний Петр Юдин – сын бергмейстера, члена Канцелярии, отвечавшего за деятельность школы; шестеро детей приказных служителей (секретаря, канцеляриста, двух подканцеляристов, подьячего, писчика); детей мастеровых – 23 человека (14 – мастеров, шестеро – заводских работников, каменщика, кузнеца, горного ученика). На втором месте по численности – дети военных, 20 человек (двое – сержантов, 15 – солдат, среди них Иван Ползунов, 11 лет, в начале геометрии; сыны канонира, пушкаря, драгуна). Были и дети сторожей (двое), конюха, шведа, принявшего православие – Василий Новокрещеный, 14 лет. Это типичный состав учеников с 1720-х гг. С 1735 г. за своевременным пополнением арифметической школы уральское начальство строго следило.

Проработав четыре месяца учителем, 14 января 1742 г. Афанасий Кичигин снова подает прошение об исключении его из подушного оклада и повышении жалованья, «чтоб я и с домашними своими в содержании и домашнем не имел нужды и против других своей братии в том изобижен не был». Члены Канцелярии распорядились: «достоин ли прибавки жалованья», взять аттестат и свидетельство от бергмейстера И. Юдина. Юдин 20 марта 1742 г.

...объявил, что он, Кичигин, в деле горных и других чертежей искусен... К тому ж арифметику и геометрию, и тригонометрию он знает довольно и при обучении ныне в арифметической школе детей тем наукам находится в достойном порядке. Он же имеет труд в деле случающихся всяких чертежей, данных от Канцелярии Главного правления заводов, и за оную ево науку и труд по мнению ево, Юдина, прибавки жалованья он достоин. А для лутчаго рассмотрения оной Главного заводов правления Канцелярии зделанные оным Кичигиным тригонометрическая задача и горный чертеж приложены при сем»¹.

5 апреля 1742 г. состоялось определение начальства: Кичигину с апреля жалованье увеличить с 24 до 36 руб., «зачесть в рекруты тому месту, в котором здесь положен в подушной оклад, впредь по будущим нарядам, и когда зачтется, тогда подушные деньги платить оставшим крестьяном, а по то время платить ему, Кичигину, самому»². Так Кичигин сумел добиться улучшения своего материального

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 93.

² Там же. Л. 94 об.

положения как за счет увеличения годового оклада на 50%, так и освобождения в ближайшее время от уплаты подушной подати.

В $\frac{1}{3}$ 1742 г. у Кичигина 56 учеников, среди них 8 человек, переведенных из немецкой школы «за непонятием» языка, четверо маркшейдерских учеников, направленных для доучивания арифметики, в то же время солдатский сын Иван Ползунов 12 лет, будущий изобретатель, и сын отставного драгуна Семен Черемисинов 16 лет в марте взяты в ученики механики к Никите Бахореву¹. Постоянная смена круга учащихся – поступление одних, уход других, вызов некоторых школьников для письма в Канцелярию и конторы, к переплету дел – конечно, затрудняли работу учителя и удлинляли сроки обучения. Но приказные служители были перегружены работой, и власти вынуждены были использовать учащихся именно арифметической школы им для помощи: центр постоянно требовал присылки отчетов.

Как уже отмечалось, уральское начальство 11 сентября 1742 г. решило сократить сеть школ. Заводские конторы высылали на смотр в Екатеринбург учащихся закрываемых школ с Уктусского, Верх-Исетского, Сысертского и Каменского заводов. Уральское начальство решало вопрос о распределении их к делам или зачислении для продолжения обучения в Екатеринбургскую школу. В связи с этим на Кичигина была возложена дополнительная обязанность – свидетельствовать присылаемых учеников в знаниях арифметики.

За первую половину 1743 г. количество учащихся у Кичигина увеличилось до 113 за счет перевода части учеников из закрытых школ в Екатеринбург и приема в мае 29 новичков из словесной школы. Через год в школе числилось 103 ученика, при этом никаких новых зачислений не проводилось².

В январе 1743 г. Юдин отправился в длительную поездку по заводам А. Н. Демидова для свидетельства раскольников, а над всеми школами Екатеринбурга приказал смотреть Афанасию Кичигину, т. е. возложил на него дополнительную важную обязанность. По возвращении 11 апреля И. Юдин пишет Кичигину письмо, что не видит от него рапортов не только ежедневных, но и «недельных»; неясно, отпускались ли школьники домой на Пасху, если отпускались, то нужно сообщить их реестр и указать, «с чьего повеления» это было

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 957. Л. 93–95 об.

² Там же. Д. 1039. Л. 131–135, 291–299.

сделано¹. То есть требует отчета о выполнении обязанностей в качестве надзирателя школ.

Кичигин на следующий же день отвечает, что о состоянии школ рапортовал члену Канцелярии подполковнику Л. Д. Угримову, рапортовал по прибытии и и самому Юдину, «после того был я болен. А прошедшаго полгода чрез несколько времени вашему благородию не репортовал, в том себя не извиняю», и на Пасху учеников отпускал без вашего приказа, «ибо тогда находились вы в болезни и вас об том утрудить не дерзнул и письма оным ученикам давал за мою рукою». Не рапортовал и об отпусках учеников «в дома для крайних их нужд, понеже многия из них и жалования не получают». Виноват, наказания достоин, но делал это «от сущей моей простоты и не для моего прибитка /отчего боже сохрани/...». Согласно приложенной росписи, Кичигин отпустил из арифметической школы до 15 апреля 1743 г. 8 человек в поселение Каменского завода, 15 – Сысертского, по одному – в Колчеданскую слободу, Окуловскую, Калиновскую, Катайскую; одного ученика «в Иковскую слободу» – до 22 апреля. Из словесной школы на Сысертский завод отправилось 10 человек, Каменский – 5; из знаменованной школы двое человек – в Белоярскую слободу и на Сылвинский завод².

Эта роспись – ценный источник, свидетельствующий, что из-за закрытия школ по определению от 11 сентября 1742 г. многим учащимся пришлось обучаться с 1743 г. далеко от дома, причем часть проживала в слободах, удаленных от самих заводов на десятки верст. Поскольку они продолжали обучение в Екатеринбурге, мы можем говорить о возрастании роли Кичигина как учителя – ареал приложения его способностей резко расширился. Если Уктусский и Верх-Исетский заводы находились от Екатеринбурга в семи и двух верстах, то Сысертский – в 38, Каменский – в 90 верстах, а Сылвинский был удален от Екатеринбурга на 116 верст.

Юдин предупредил Кичигина: «чтоб ты впредь себя держал осторожно во отправлении школьных порядков, как во обучении учеников, также и в поступках, респекта во всем, надлежащаго команде»³. Так поневоле Кичигин с января 1743 г. стал выполнять

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1039. Л. 273.

² Там же. Л. 274, 275 об.

³ Там же. Л. 275 об.

роль надзирателя всех екатеринбургских школ, и забот у него прибавилось.

Как учитель и надзиратель он сам решением членов Канцелярии от 23 мая 1744 г. был подвергнут наказанию батошьем:

...пришел он в арифметическую школу в восьмом часу, да и в прочие дни, как от Канцелярии усмотрено, он, Кичигин, приходит в школу поздно. И каждого дни в школах, что в них чинится, командующим здесь не репортовал. И чертежи, кои ему даны от Канцелярии, сочинял в доме своем, а ему б надлежало оные сочинять в школе, а не в доме, при чем тому сочинению могли б обучаться ученики. Ибо ему поручено над всеми школами смотрение иметь и учеников с прилежностью обучать, и для того всегда б надлежало приходиться в школу в указанные часы¹

Ясно, что Кичигин выполнял наряду с обучением и надзором школ, параллельно, и другие поручения начальства.

Олонцов Яким (октябрь 1743 – декабрь 1746)

В октябре 1743 г. у Кичигина появился помощник, Яким Олонцов, молодой человек 28 лет. Он был старше Кичигина, прибыл с отцом, фурмовым мастером, с Олонца, что отразилось и на его фамилии. 17 июня 1731 г. поступил в Екатеринбургскую арифметическую школу, учился у Никиты Каркадинова, а рисованию, чертежам, видимо, – у Петра Яковлева, в конце 1734 г. 19-летний Олонцов числился «в чертежах и рисовании ручном» четвертым в списке, открывал который Афанасий Кичигин², т. е. они были одноклассниками, только Олонцов поступил в школу на два с половиной года позже.

Будучи на Гороблагодатских заводах учеником плотинного дела в январе 1743 г. Олонцов нечаянно посек ногу при строительных работах, из Кушвинской конторы был прислан в Екатеринбург, свидетельствован, «явился арифметики и геометрии знает, а в деле и копировании чертежей отчасти знает же». Уральское начальство 29 октября 1743 г. назначило его учить детей арифметике и геометрии «под присмотром» маркшейдерского ученика Кичиги на и «самому еще арифметика, геометрии и чертежам совершенно доучиваться», а

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1024. Л. 49 об.–50.

² Там же. Д. 506. Л. 86; Д. 577а. Л. 51.

чтобы «имел прилежность и радение» к обучению, жалованье оставлено пока прежнее, 24 руб. в год¹.

Кичигин и Олонцов проработали в школе вместе почти год. 27 августа 1744 г. начальство решило: маркшейдерского ученика Афанасия Кичигина определить в унтер-шихтмейстеры при Пермском горном начальстве с прежним жалованьем, быть там «для посылок и отправления берггешворенской должности», тем самым дало ему возможность для дальнейшего роста². Унтер-шихтмейстер – это должность младшего горного офицера. За три года преподавания в арифметической школе Кичигин, по нашим подсчетам, основанным на анализе ведомостей об успехах учащихся, обучил арифметике и геометрии по меньшей мере 137 подростков!

Старцов Пимен (1744, август – октябрь)

Принимая решение о назначении Афанасия Кичигина унтер-шихтмейстером в Пермское горное начальство, уральское начальство в тот же день, 27 августа 1744 г., предписало:

...над школами смотрение иметь и учеников арифметики и геометрии, и чертежам, а паче геодезическим, обучать геодезии ученику Пимину Старцову. При том же быть и до сего определенному учителю Олонцову под смотрением ево, Старцова³.

Но передача школьных дел состоялась только через полтора месяца, 14 октября 1744 г. Кичигин наряду с архивными делами, картами, инструментами передал Старцову и 245 екатеринбургских школьников: 98 учеников арифметической школы, также словесной, немецкой, знаменованной⁴.

Жизнь Пимена Старцова, предшествующая назначению на должность учителя, отражена во многих документах. По штату 1735 г. он был назначен геодезическим учеником при прибывшем в команде с В. Н. Татищевым геодезисте Иване Шишкове. В октябре 1736 г., подавая прошение об увеличении жалованья, Старцов сообщил: «при нем бываю безпрестанно во многих дальних посылках», жалованье получаю 24 руб. в год, «которым как в пище, и так и в одежде

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 239.

² Там же. Д. 1035. Л. 142.

³ Там же. Л. 142.

⁴ Там же. Л. 143–150.

претерпеваю немалую нужду», а другие, кто при геодезистах бывают в посылках, «получают жалованье довольное». Иван Шишков дал хороший отзыв о Старцове:

...в бытность при мне обучил геометрию, тригонометрию и часть, касающуюся к науке геодезии, чертежей практике, и к сочинению ландкарт прилежность имеет и за оную ево прилежность, мнитца мне, прибавки жалованья достоин¹.

Несмотря на этот отзыв, начальство решило: «быть ему, Старцову, пока больше обучитца, в прежнем окладе». В делах Канцелярии сохранилось множество документов о поездках Шишкова со Старцовым в 1735 г. для описания рек, гор, лесов по рекам Исети, Синаре, Течи, Тоболу, Уи и прочих мест; описания слобод, которые требовалось приписать к заводам: Верхотурской, Ницинской, Ирбитской, Тагильской, Туринской, Верхотурской и еще пяти, и мест близ Кушвинского завода. Ездили для отвода сенокосных мест «главным правителям и всем заводским управителям» и сочинения им ландкарт². По приказу Татищева к декабрю 1736 г. составили «генеральную карту Екатеринбургского ведомства провинции Соликамской и протчим местам» в двух экземплярах, для отсылки в Кабинет министров и для Канцелярии³.

В декабре 1736 г. Старцов был послан с командой во главе с бергмейстером Н. Клеопиным на Нерчинский сереброплавильный завод «для поправки» карт и сочинения чертежей рудников. В 1737 г. с Шишковым посылался в Казанский уезд «для сочинения обстоятельной ландкарты Закамской стороны»⁴.

В связи с предстоящей отправкой с Н. Г. Клеопиным к В. Н. Татищеву в Самару 29 декабря 1737 г. Старцов просил о прибавке жалованья, сообщал, что хотя в связи с поездкой в Нерчинск жалованье увеличили до 36 руб., но «едва себя не токмо одеждою, но и пищею содержал»⁵. В аттестате от Ивана Шишкова, приложенном к прошению, сообщалось:

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 626–627.

² Там же. Д. 1128. Л. 247; Оп. 12. Д. 222. С. 170; Д. 224. С. 213.

³ Там же. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 780.

⁴ Там же. Оп. 12. Д. 239. С. 141–142; Д. 242. С. 72–73.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 760. Л. 9–9 об.

...прислан ко мне для обучения геодезии, в которой зависит земноописание во всякой ясности яко гор, лесов, рек и озер и протчаго, к тому принадлежащества, ученик Пимин Страцов, которой при мне был и обучался со всякою прилежностию прошлого 1735 году генваря с 1 дня по 1737 год. И обучил от меня показанную науку, а имянно: во-первых, обсервование места, також чрез разные румбы действие и увеличение и уменьшение всяких ландкарт, а паче так, как я и сам в той науке знаю, и может то геодезическое дело отправлять так, как надлежит доброму и честному геодезисту быть. В бытность же при мне означенной Старцов отправлял все порядочно и ни в каком подозрении не бывал...¹.

Но поскольку эта поездка отменилась, начальство предписало ожидать прибавки жалованья в связи с отправкой с Шишковым в Сибирь.

В. Н. Татищев, перед отъездом в Самару, в Наставлении Канцелярии Главного заводов правления 23 июня 1737 г. поручил Ивану Шишкову сделать описание уездов Тобольской провинции: Верхотурского, Пельмского, Туринского, Краснослободского, Ялutorовского, Тюменского, Шадринского, Окуневского, Тарского, Тобольского, Якутского; каждому уезду составить особую карту, жалованье ему увеличить до 120 руб., а ученикам, «которые уже довольно обучились», – до 54 руб.² Только 30 мая 1738 г. определение о поездке состоялось, с июня месяца жалованье Старцову увеличили до 54 руб.³ По указу Татищева, присланному из Оренбургской комиссии 8 октября 1738 г., предписывалось геодезии поручиков из заводского списка выключить, Шишков остался в команде Оренбургской комиссии, Старцова же удержали в заводском ведомстве⁴.

Вот с этим окладом в 54 руб. Старцова и назначили на смену Кичигину, причем сразу же, в отличие от него, и учителем, и надзирателем екатеринбургских школ. Но проработал он на этих должностях недолго. Его, как ценного специалиста по геодезии, затребовала себе комиссия под руководством бригадира А. В. Безра,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 10.

² *Татищев В. Н.* Записки. Письма. С. 254.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 14, 131–131 об.

⁴ Там же. Д. 1128. Л. 247–247 об.; Д. 1035. Л. 159, 164 – 171.

следовавшая в это время через Екатеринбург на Колывано-Воскресенские заводы.

Комиссия была образована по указу императрицы Елизаветы Петровны в мае 1744 г. для оценки запасов серебряных руд на заводах А. Н. Демидова, а затем и негласного инспектирования всех заводов России к востоку от Волги до Нерчинска, свидетельствования первого в России месторождения рудного золота на востоке страны. Старцов должен был отбыть с А. В. Безром в Сибирь с геодезическими инструментами, определение об этом уральская Канцелярия вынесла 23 октября 1744 г., по это число ему полагалось выдать и жалованье. Вместо Старцова «у надсмотру над школами и у обучения учеников» приказывалось быть машинному подмастерью Сусорову¹.

Сусоров Иван Ильич (октябрь 1744 – март 1747)

Тотчас Игнатий Юдин отправил письмо в немецкую школу об исполнении всех требований Сусорова, касающихся подачи сведений об учениках «наличных и отлучных», припасах и прочем. Содержание письма позволяет уточнить обязанности Сусорова как надзирателя: подавать ежемесячные списки учеников к выдаче жалованья, «о науках их годовые списки, куда надлежит..., о состоянии школ каждодневно репортовать», как и прежним надзирателям².

Через неделю после назначения, 31 октября 1744 г., была составлена опись передаваемого имущества школы, список учащихся всех учебных заведений Екатеринбурга во главе с учителями³. Книжное имущество школы описывалось более тщательно, чем в предыдущий раз: «Арифметик печатной ветхой, разбит для починки и переплету, один, и иныя листы – малые лоскутки, не явилось 75, 82, 112, 119, 289, 291, 294, 306 листов, а 306 последней. Арифметиков письменных ветхих два, и оные все разбиты по листам и иныя и разтеряны»; «логарифме печатная одна, токмо ветха, перваго и последняго листа нет». Видно, что книги от непрерывного использования учащимися совсем обветшали.

Впервые в списке упомянуто: «Книг исторически[x] печатны[x] принято от Канцелярии ж Главного правления заводов для чтения

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1035. Л. 159, 164 – 171.

² Там же. Л. 161.

³ Там же. Л. 164, 165– 171.

школьников», но количество их не указано¹. В отношении ведомостей об учениках отмечено: «1742 году и 1743 году ныне, колико налице имеется, ибо оные еще присылаются, которые надлежит разобрать и переплесть, понеже оныя даны 20-го октября». Отсюда следует, что ведомости стали сосредотачиваться при надзирателе школ, которые он должен был формировать в дела. В общем списке учащихся Екатеринбурга числилось 250 человек: 108 – в словесной, 103 – в арифметической, 33 – в немецкой и 6 – в знаменованной школах. Ясно, что число учащихся в словесной и арифметической школах почти сравнялось.

Какова же была специальная подготовка Ивана Сусорова и уровень его образования? Родился он в 1720 г. в Верхотурье, имел домашнее образование, в 1734 г. числился копиистом Екатеринбургской припасной конторы, видимо, хорошо владел и арифметикой, поскольку подал прошение об определении учеником маркшейдерского дела или механики, т. е. сам выразил желание овладеть новыми специальностями, особо ценящимися при заводах. Уральское начальство, рассматривая прошение в январе 1735 г., решило обучить его сначала геометрии в Екатеринбургской школе, поэтому неслучайно Сусоров из геометрии в апреле месяце был избран механиком Бахоревым в составе четырех первых учащихся для обучения механике². В июне 1737 г. Иван Сусоров с Дмитрием Костроминым, первыми по успехам учениками Бахорева, подали прошение о повышении жалованья и включении в заводской штат лично В. Н. Татищеву. Получая по 6 руб. в год, жаловались, что «всегда бываем в неоплатных долгах», к тому ж из жалованья «вычитаются подушные деньги» (1 руб. 14 коп.)³. Начальство в июне 1737 г. включило обоих в штат с жалованьем 12 руб. в год, обнадеживая, кто лучше себя в науках покажет, будет произведен в подмастерье с достойным жалованьем⁴. Из показаний Бахорева мы видим, как складывалось начало их обучения:

арифметик, геометрию и трегонометрию и некоторую часть механика выучили, также и модели некоторых машин делали и ныне

¹ Вероятно, это была одна книга, изъятая после смерти М. Кутузова в ноябре 1741 г. из его имущества.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 117.

³ Там же. Д. 692. С. 563–564.

⁴ Там же. С. 568.

делают, и с готовых чертежей, с планов и ландкарт копировать умеют, а на практиках у строения больших машин больша не бывали, как ныне имеютца при строении здешней пильной мельницы и якорной фабрики. И в тех науках они оба равны¹.

В феврале 1739 г. Сусоров с Костроминым опять просят о прибавке жалованья, Бахорев просьбу поддерживает, член Канцелярии бергмейстер Никифор Клеопин показывает, что Сусоров «во всех поступках хорош и достоин похвалы, как он довольно об нем усмотрел в бытность ево при Кушвинских заводах, где он, Сусоров, при нем был несколько и других тамошних месяцев, и в деле разных чертежей и планов хорошо знает». Сусорову жалованье увеличили до 24 руб. с оговоркой, что мог бы, оставшись в копиистах, уже и подканцеляристом стать, имея оклад побольше этого, Костромину дали 18 руб.² Таким образом, Иван Сусоров в 1739 г. был признан лучшим учеником механики. В 1742 г. он был произведен в подмастерья с окладом 36 руб. в год³.

Итак, с 23 октября 1744 г. вместо Старцова «у надсмотру над школами и у обучения учеников» – машинный подмастерье Иван Сусоров 34 лет. Естественно, он стал обучать самых продвинутых учеников арифметике, геометрии, черчению, под его «смотрением» трудился в школе и Яким Олонцов. Перед отъездом из Екатеринбурга, 31 октября 1744 г., бригадир А. В. Беэр потребовал уральскому начальству приказать: «всех заводов и фабрик преспект и план каждой фабрики на особливом листу со всеми в ней действующими и недействующими инструмента учинить, для подания Е. и. в...». 1 ноября 1744 г. Канцелярия решила: «при здешнем и ближних заводах оное учинить арифметической школы учителю Олонцову». Позже, в выписке по делу Олонцова 1746 г., констатировалось: «которые он и сочинял, а потом, для ускорения, доканчивал с ним некоторые и Сусоров, и по окончании оные все отосланы к нему, брегадиру Беэру»⁴. Таким образом, Олонцова назначили исполнителем чертежей, поскольку Сусорова, видимо, важнее было видеть в качестве учителя и надзирателя школ.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 566, 568.

² Там же. Оп. 12. Д. 265. С. 246–248.

³ *Цеменкова С. И., Черноухов А. В.* Руководители аппарата горнозаводской власти... С. 39.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 240.

Не прошло и семи месяцев работы Сусорова в школе, как 18 мая 1745 г. уральское начальство приказало ему быть при ассессоре С. К. Неелове, главе Конторы судебных и земских дел, в деле размежевания спорных земель между крестьянами слобод, приписанных к заводам, и башкирами – «для разбирания по прежнему чертежу тех мест и урочищ и сочинения вновь тому размежеванию чертежа». При этом не упоминалось, кому Сусоров должен передать школьные дела, он сам обратился по этому поводу к начальству 31 мая. Канцелярия Главного заводов правления 4 июня 1745 г. решила:

...в небытность надзирателя... Сусорова, пока он ис посылки от размежевания ...возвратится сюда, по то время над школами надзирать знаменованной школы учителю Аврамову, против того, как должность при том надзирателя требует, во всем непременно, а учеников арифметической школы арифметике и геометрии обучать с прилежностью до возвращения оного Сусорова сюда геометрии ученику Степанову...¹.

Сусоров вернулся из поездки в конце июня, 26 числа он составляет доношение в Канцелярию о больном ученике, который по свидетельству лекаря не сможет писать и работать из-за повреждения руки². Как раз в эти дни заболел напарник Сусорова, Яким Олонцов, и начальство постановило:

...маркшейдерского ученика Попова, когда ему при рудниках тамошних (Алапаевского завода. – Авт.) для одних чертежей быть не у чего, то ево для определения в здешнюю арифметическую школу для обучения детей, пока Олонцов выздоровеет, и сочинения требуемых господином брегадиром Безром чертежей прислать сюда в самой скорости, а чертежи о горной работе может сочиня[ть] он же, Попов, по третям года, и для того туда ездить времянно»³.

Констатировалось, что жалованье там по 18-рублевому окладу он получил по июнь. Попов – сын бывшего учителя словесной школы Якова Попова, сам прошел обучение в трех школах Екатеринбургa – словесной, арифметической и немецкой. Таким образом, летом 1745 г. в арифметической школе работали с перерывом Иван Сусоров,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 153.

² Там же. Д. 1128. Л. 177.

³ Там же. Д. 1076. Л. 154.

Яким Олонцов, маркшейдерский ученик Никита Попов и еще обучавшийся в ней Иван Степанов. Но вряд ли они могли уделять достаточно времени обучению школьников из-за загруженности чертежной работой по требованию комиссии Безра, признанной срочной. Правда, при подготовке чертежей они могли использовать наиболее продвинутых учащихся для помощи и таким образом обучать их черчению на практике.

Уральское начальство 29 августа 1745 г., приказало:

...быть машинному подмастерью Ивану Сусорову у надзирания над школами и у сочинения требующихся чертежей г-ном бригадиром Безром, к чему употреблять всех и тех учеников, кои искусство в чертежах знают, и кроме того к другим делам, разве где самая крайняя нужда потребует, ево, Сусорова, не определять. При том же для вспоможения у того под ево смотрением быть и маркшейдерскому ученику Никите Попову...¹.

Таким образом, Сусорова с конца августа даже освободили от должности учителя, выполнение требования Безра, безусловно, являлось для начальства более важным. Попова также задействовали в подготовке чертежей по полной программе. У обучения школьников остался один Яким Олонцов. Напомним, Сусоров в октябре 1744 г. принял арифметическую школу со 103 учениками, в июле 1745 г. к ним добавилось еще 26 человек, переведенных из словесной школы². Новичкам надо было уделять особое внимание, правда, с ними можно было на первых порах работать, как с классом, коллективно.

В подготовке чертежей задействовали и Ивана Степанова вместе с Дмитрием Каморниковым – оба числились лучшими по успехам в школе. Это выясняется из их челобитной от 19 ноября 1745 г.: «обучили арифметик, геометрию и часть тригонометрии, а ныне находимся при копировании чертежей», жалованья имеем с февраля 1744 г. по 50 коп. в месяц, его «не тоию на одежду и обувь, но и на пропитание достает с великою нуждею», просим увеличить его, «чтобы могли хотя малую себе пищу иметь и определенное нам дело обучать со всякою ревностию и радением»³. Прошение писал Степанов, почерк, четкий, красивый.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 197.

² Там же. Л. 256–257 об.

³ Там же. Л. 246–246 об.

Судя по выпискам, Степанов, сын кузнеца 18 лет, в арифметической школе с октября 1737 г.; Каморников, сын каменщика 17 лет, – с сентября 1738 г., т. е. учатся восемь и семь лет соответственно. Причем по определению от 11 сентября 1742 г. жалованье им давать перестали, их должны были распределить к делам, но они тогда, как констатировало начальство, были «удержаны в школе при деле разных горных и заводских чертежей и при сочинении общей всего ведомства здешняго чертежам же книги», составлявшейся по заданию Татищева с 1735 г. Начальство тогда рассудило правильно: «находятся при том деле уже немалое время и делу чертежей понавыкли, а если их к другому какому делу определить, то вместо их к тому делу понадобится определить других и обучать их вновь, отчего кроме излишняго труда иного никакого способу не воспоследует». По их прошениям, поданным в ноябре и декабре 1744 г., только в феврале 1745 г. жалованье им назначили, как полагалось ученикам черчения, по 6 руб. в год. Сусоров тогда как надзиратель школ объявил, что «Каморников Степанова в науке и копировании чертежей чистотою превосходнее и поострее»¹. Пример с этими учениками показателен. Ясно, что многие способные ученики надолго «застревали» в школе по воле начальства, горнозаводское ведомство использовало их потенциал как хороших чертежников, порой без выплаты даже школьного жалованья.

Пока наводились справки по прошению о повышении жалованья, поданному 19 ноября 1745 г., Пермское горное начальство в декабре сообщило, что маркшейдерский ученик Алексей Москвин для сочинения и копирования чертежей отправлен в Москву, а унтер-шихтмейстер Кичигин объявил, что в Егошихинской школе на это место «достойных» нет, надо требовать из Екатеринбурга Каморникова или Степанова, которые при нем «находились у копирования чертежей немалое время, и как заводския и горныя чертежи, также и ландкарты, копировать обучились и рисовать отчасти умеют». Члены Канцелярии 31 декабря 1745 г. решили послать Степанова маркшейдерским учеником в Пермское горное начальство, обучаться там у Кичигина; Каморникову обучаться здесь вместе с маркшейдерским учеником Никитой Поповым, делать заводские чертежи по требованию Беэра, впредь – «и заводские, и горные чертежи; обучать их «маркшейдерской науке и на практике, и

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 247–248 об.

для того... ездить на рудники со знающими то дело». Жалованье Степанову и Каморникову увеличили с 6 до 12 руб. в год.¹ Эти данные – еще одно свидетельство успешной деятельности преподавателей Екатеринбургской арифметической школы по подготовке специалистов-чертежников, так необходимых заводам и способных совершенствовать свои знания и умения, овладевать маркшейдерской специальностью.

В конце 1745 г. Сусоров как надзиратель подал доношение о припасах, необходимых в арифметическую и словесную школу на 1746 г. Арифметическая школа использовала много бумаги по сравнению со словесной – 2 стопы против 12 дестей, причем бумага шла не только на составление документов, но и «для обучения геометрии и копировке чертежей», картузная – «на подкладки к делу чертежей и на оклейку книг по школе». Для копирования чертежей предназначалось «стекло полированное одно», для обучения геометрии, тригонометрии, черчению заказывалось 6 простых циркулей, 6 троеножных с перьями, 6 перьев грифельных, 5 транспортиров, 6 футляров для инструментов деревянных, оклеенных кожей, 12 брусков «хороших» китайских чернил, 18 карандашей черных, 12 линеек разной длины, 6 «наугольников»; для записи показаний барометра 150 сальных свеч. Впервые были заказаны 17 «ящиков чугунных с крышками к держанию белой глины для учения по доскам против модели». Наряду с ведром для носки воды запрашивалось 5 «ушатов для держания воды на школах по крышкам подле труб в летнее время», т. е. на случай тушения пожара. Заказ был изучен и принят к исполнению².

Иван Сусоров как механический подмастерье в декабре 1745 г. был высоко оценен механиком Н. Бахоревым: «он состояния доброго и не пьяница», может дело свое «править и возбуждать свою братию к добрым и прилежанию в своих должностях поступках». Определением Канцелярии 2 января 1746 г. Сусорову был присвоен унтер-офицерский чин, он стал унтер-механиком с жалованьем 48 руб. в год³.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 249–250 об.

² Там же. Л. 260–262 об.

³ *Цеменкова С. И., Черноухов А. В.* Руководители аппарата горнозаводской власти... С. 309.

Перевод Якима Олонцова учителем в школу Нерчинского завода

В августе 1746 г. Нерчинское горное начальство сообщило, что учитель грамоты и арифметики Нерчинской школы Ведерников послан «по некоторому секретному делу» в Иркутск, вместо него назначен школьник Шапочинсков, «ибо кроме ево ко обучению детей словесному и писать определить некого». Для обучения арифметики, геометрии и тригонометрии нужен «особливый» учитель, который бы и грамоте обучал, а Ведерников, если и вернется, геометрии и тригонометрии не знает. Уральское начальство решило справиться, «есть ли кто здесь особливые ко определению в учителя, а особливо ис престарелых или увечных»¹.

Оказалось, «свободных» никого нет, все при делах, поэтому 22 августа 1746 г. начальство определило: послать в Нерчинск учителя Екатеринбургской арифметической школы Якима Олонцова «по первому зимнему времени», дав жалованье до конца года и прогонные деньги на одну подводку. Одновременно решило вопрос и о его замене:

А здесь над арифметическою школою иметь смотрение и детей надлежащим наукам обучать ундер-механику Сусорову, а когда ему другое какое дело случится, то в оную отлучность ево от школы обучение учеников приказывать другому, выбрав ис тех же учеников, кто постаршее и тверже в науке².

Олонцов продолжал трудиться в Екатеринбурге в большой тревоге. В октябре составил прошение начальству, но его в Канцелярии не приняли: «мне объявлено, что определения о посылке меня в Нерчинск переменить не можно, ибо де там без того обойтись нельзя»³. Тогда 30 октября Олонцов подал второе прошение, уже на имя президента Берг-коллегии А. Ф. Томилова, находившегося в это время в Екатеринбурге. Это прошение ярко отражает нелегкую судьбу учителя и полную зависимость его жизни от воли начальства. Процитируем текст этого прошения, чтобы понять весь трагизм положения рядового скромного учителя, получившего когда-то серьезную травму на производстве и трудившегося в школе с октября 1743 г. на протяжении трех лет за небольшое жалованье в 24 руб.,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 239 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 237 об.

которое обещали увеличить по освоении геометрии и черчения, но к этому вопросу больше не возвращались, хотя Олонцов свои знания и умения усовершенствовал. Более того, начальство широко использовало полученные им навыки, поручив ему основную работу по составлению чертежей для комиссии Беэра.

Олонцов сообщает:

...я, нижайший, как и помянутой Канцелярии Главного заводов правления известно есть, правою ногою весьма болен, так что и здесь из своего дому до школы пешком с нуждою хожу, а в такой дальней путь, где в случае нужды потребно будет пешком идти, мне для того ехать небезопасно и бедственно. К тому ж имею здесь жену и детей малых, и ежели их здесь оставить, то за неимением родственников и совершенною нашею скудостью будут претерпевать голод и крайнюю нужду. И разве прошением милостыни принуждены будут бедное себе пропитание сыскивать, а мне оттуда за дальностию и от такова небольшого жалованья помогать им будет не можно. А чтоб их туда к себе перевести, того уже никак учинить будет нельзя. Естли же их взять мне ныне с собою, то на одной подводе, коя мне определена дать, с ними вместится и малой шкарп (разместить. – *Авт.*) невозможно, а нанять другой подводы за скудостью чем не имею.

А учеников при тамошних школах, как слышно, в словесной и арифметической находятся всего девятнадцать человек. я же здесь не только у одного обучения учеников, но по повелениям реченной Канцелярии у сочинения планов в проспектах заводских чертежей находился, да и впредь чаемо, что здесь для множества заводов всегда делаться такие чертежи будут же, при чем я мог по силе своей трудиться¹.

Олонцов просит от посылки в Сибирь из-за болезни, скудости и чтоб с домашними не разлучаться, уволить. Если будет послан, то для поездки выделить вторую подводу и увеличить годовое жалованье.

Начальство предписало сделать выписку и предложить к слушанию во время присутствия Томилова. Оказалось, что число учащихся в Нерчинской школе должно увеличиться за счет перевода в нее более 40 учеников с закрывавшегося завода при Красноярском горном начальстве, и 6 декабря 1746 г. А. Ф. Томилов и члены Канцелярии приговорили: быть Олонцову

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 237–237 об.

...в тамошней школе настоящим подмастерьем, учить чтению, письму, арифметике, геометрии, тригонометрии, маркшейдерству, а чего он ис того не разумеет, то оного учить по временам тамошним горным и заводским афицером можно, кто что знает и может. А другаго способного послать, кроме ево, некого. И для той не ближней посылки и тамошней дороговизны харча, платья и обуви прибавить ему жалованья двенатцеть рублей и с прежним давать по тритцати по шести рублей в год с генваря с 1-го числа 1747 года¹.

Во второй подводе было отказано на том основании, что и офицерам дается по одной (они, конечно, вполне могли нанять и вторую). Скарб, что не войдет, предложено было сложить на подводы, идущие на Нерчинский завод с деньгами и припасами. 10 декабря Сусоров принял от Олонцова чертежные инструменты, которыми тот пользовался при составлении чертежей для комиссии Беэра, а имущество школы передавать не пришлось, поскольку оно числилось на Сусорове с октября 1744 г.² [59].

Таким образом, после отъезда Якима Олонцова в Нерчинск, с декабря 1746 г. по март 1747 г., Иван Сусоров оставался единственным учителем в Екатеринбургской арифметической школе. В справке о школах, подготовленной в декабре 1746 г., отмечалось, что в ней числятся 106 учащихся: 76 обучались с получением жалованья, 27 – без жалованья, т. е. по желанию отцов. В списках школы фигурировало также трое маркшейдерских учеников, получавших жалованье на этой должности. Об Иване Сусорове отмечалось: у дела машин, у надзирания школ и обучения арифметики, геометрии и тригонометрии³. То есть Сусоров как унтер-механик, а ранее как механический подмастерье продолжал заниматься механикой параллельно преподаванию, надзиранию за школами и занятиям чертежами. В 1746 г. он выполнил чертеж намеченных к строительству Верхне-Сусанского и Нижне-Туринского заводов.

После ухода из школы Сусоров в 1750 г. был отправлен на Петрегофскую гранильную фабрику, где изучал действие камнерезных вододействующих механизмов, создал модели и подготовил чертежи «каменорезных мельниц», построенных в

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 241–241 об.

² Там же. Л. 245.

³ Там же. Д. 2321. Л. 329, 333.

Екатеринбурге и на Северском заводе. С 1751 г. и до конца своей жизни (1760 г.) руководил камнерезно-гранильной фабрикой Екатеринбурга, в 1754 г. получил горный чин гиттенфервальтера¹.

Отметим еще одно важное поручение, которые выполняли учителя Екатеринбургской арифметической школы с 1735 г. по 1746 г. Как уже отмечалось, по заданию членов Второй Камчатской экспедиции под руководством В. Беринга, проезжавших через Екатеринбург, здесь с января 1734 г. были начаты ежедневные метеонаблюдения за погодой. На основе журнала учителя составляли ведомости для отсылки в Сенат, позже – в Генерал-берг-директориум, с 1742 г. – в Берг-коллегию. Один экземпляр отсылался академикам, экземпляр «для сведения» оставался и в делах Канцелярии.

С марта 1734 г. вели наблюдения учителя Екатеринбургской школы: Никита Каркадинов, Федор Санников, Афанасий Кичигин, Яким Олонцов и Иван Сусоров. В 1741 г. барометр испортился, несмотря на попытки академика Г. Ф. Миллера, побывавшего в Екатеринбурге проездом, его исправить, в 1743 г. хрустальная трубка треснула и ртуть вытекла. Усилия Канцелярии получить три хрустальных трубки к прибору и два фунта ртути из Москвы и Петербурга ни к чему не привели, показания давления воздуха уже не отмечались. Получив ведомости о метеонаблюдениях за 3/3 1746 г., составленные Сусоровым, Академия наук промеморией от 8 июля объявила Берг-коллегии, что «с сего времени в таковых обсервациях нужды не признавается», коллегия указом от 27 июля 1747 г. уведомила об этом уральскую Канцелярию².

Подведем итоги. В 1740-е гг., как и в предшествующие, уральское начальство назначало в Екатеринбургскую арифметическую школу освобожденных учителей, в отличие от большинства арифметических школ при других заводах, где обязанности обучения возлагались по совместительству на заводских специалистов без дополнительной оплаты или присылавшихся из Екатеринбурга школьников. Лучшие учителя Екатеринбурга имели подготовку, достойную высокой оценки, не только по математике, они владели навыками черчения, составления планов и проспектов заводов, основами маркшейдерского искусства.

¹ *Цеменкова С. И., Черноухов А. В.* Руководители аппарата горнозаводской власти... С. 309.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 69–70; Оп. 12. Д. 49. С. 185; Д. 51. Л. 340.

При этом екатеринбургские учителя продолжали числиться по своей прежней должности, так и подписывали документы: Афанасий Кичигин как маркшейдерский ученик, Пимен Старцов – как ученик геодезии, Иван Сусоров – как машинный подмастерье, с января 1746 г. – как унтер-механик. И жалованье они получали по этой своей должности, поэтому у Афанасия Кичигина оно составляло 24 руб., с 5 апреля 1742 г. – 36 руб., у Старцова, благодаря поездке в Сибирь – 54 руб., у Сусорова – 36, затем 48 руб. Лишь Яким Олонцов не унаследовал должность плотинного ученика, размер его жалованья – 24 руб. в год, и он был самым низкооплачиваемым учителем.

В 1740-е гг. именно учителей арифметической школы назначали надзирателями всех екатеринбургских школ без какой-либо оплаты, а эти обязанности требовали дополнительных усилий и затрат времени: ежедневных обходов поутру всех школ, выяснения числа отсутствующих учеников, устных докладов об этом в Канцелярии, составления ежемесячных ведомостей для выплаты жалованья ученикам, подачи доношений Юдину о об их отпуске, побеггах, явки из госпиталя и в других случаях.

Все учителя постоянно использовались начальством для выполнения срочных заданий, в первую очередь, связанных с составлением чертежей, планов заводов, участия в работах по межеванию земель. Особенно много и долго им пришлось трудиться над составлением и копированием чертежей для экспедиции А. Ф. Беэра, и эта задача была объявлена первоочередной. Подобная практика отрыва учителей от своих прямых обязанностей, безусловно, удлиняла пребывание учеников в арифметической школе, власти годами использовали для подготовки чертежей и самих учащихся в качестве помощников, порой никак не оплачивая их труд.

В целом, учителя не располагали собой, их желания не брались в расчет, начальство назначало и освобождало их от должности, руководствуясь интересами горнозаводского ведомства. В связи с этим им приходилось менять местожительства, сниматься с семьей с насиженных мест, отправляться, как Яким Олонцову, учительствовать в далекий Нерчинск. При этом уральское начальство быстро решало вопрос о замене заболевшего или занятого другими обязанностями учителя, оперативно переводя маркшейдерского ученика с Алапаевского завода, временно назначая способного ученика самой школы на замену учителя.

Глава 4.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФЕДОРА САННИКОВА КАК НАДЗИРАТЕЛЯ ШКОЛ ЕКАТЕРИНБУРГА (1747–1751)

Одним из ярких представителей администрации горных заводов Урала, прошедших путь от выпускника Екатеринбургской арифметической школы до горного офицера, видного специалиста, был Федор Иванович Санников. Он более пяти лет служил учителем арифметической школы Екатеринбурга в 1735– 1741 гг. В 1747 г. Санников был повторно назначен учителем в эту школу, при этом наряду с обучением математике выполнял роль надзирателя всех екатеринбургских школ до начала 1751 г.

Как уже отмечалось выше, в августе 1741 г. Федор Санников, получив чин шихтмейстера – обер-офицера с повышением оклада до 84 руб., был отправлен в распоряжение Пермского горного начальства, где разбирая ссору между заводчиком И. Небогатовым и приписными крестьянами, встал на сторону крестьян, полагая, что их привлечение к заводским работам сверх уплаты подушной подати были незаконным. В ходе следствия по этому делу проявил себя как человек прямолинейный, честный, что не устроило начальство¹.

По возвращении в Екатеринбург, в августе 1743 г., служба обер-офицера Санникова неожиданно пресеклась. 24 числа член Канцелярии Н. Г. Клеопин ночью вызвал всех офицеров к себе домой по срочному делу. Санников не явился, заявив, что дела на дому не решаются, тем более ночью, они вершатся от имени Е. и. в., а не по вашей команде и прихоти, за что был Клеопиным арестован. Юдин, определенный Берг-коллегией временно в связи с отъездом Клеопина в столицу, во главе заводов, помог Санникову освободиться из-под караула через бригадира А. Ф. Беэра, привлечшим его к составлению чертежейк составлению чертежей для Кабинета Е. и. в. Санников

¹ *Цеменкова С. И., Черноухов А. В.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала...С.304.

подал Безру жалобу на 14 листах, тот отправил Санникова с охраной в Кабинет¹.

Побывал Санников и в Канцелярии Тайных розыскных дел, которая в октябре 1744 г. констатировала, что хотя он «продерзския слова... и писал», но «пущей важности в тех словах никакой не признавается», за это подлежит штрафу, а по именному указу от 15 июня 1744 г. – прощению, поэтому его освободить, оставить при должности². Проведя по прихоти Клеопина почти полтора года под арестом, 8 января 1745 г. Санников подал донос на него в Берг-коллегию, а 15 января коллегия утвердила того первым членом Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов. Указом Берг-коллегии от 16 февраля 1745 г. в сопровождении двух солдат Санников был отправлен в Екатеринбург с предписанием: определить его сразу же к заводским делам, не отлучать из Екатеринбурга; создать специальную следственную комиссию по его жалобе³.

Основными источниками для изучения деятельности Санникова в 1747–1751 гг. послужили его подлинные доношения в Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов как надзирателя школ, отложившиеся в двух делах школьного повывья Канцелярии — деле 1248, где оказались подшиты документы за 1748–1749 гг., и деле 2321, содержащем более тысячи листов с документами с 1742 г. по 1750-е гг., причем в обоих делах документы подшиты не по хронологическому принципу, а вперемежку. Текст доношений сопровождаются делопроизводственные выписки и определения, приказы, вынесенные членами Канцелярии. Отметим отсутствие в этих делах документов о назначении Санникова на должность, как и освобождении от нее, отсутствие «сдаточных списков» о передаче дел. В делах отложилось только две ведомости о школах за 1749 гг., поданные Санниковым. По сути, отсутствуют документы, освещающие его деятельность как учителя и его занятия по выполнению заводских чертежей. Об этом упоминается лишь вскользь. Выявлено несколько указов центральных органов управления, касавшихся судьбы Санникова, сосредоточенных в

¹ Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала... С.304.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 48. С. 983–984.

³ Там же. Д. 49. С. 280–281.

особых делах с документами вышестоящих органов, поступавших в Канцелярию. Дополняют информацию о Санникове и его судьбе протоколы заседаний Канцелярии.

Особенности положения Санникова во второй период его школьной деятельности (1747–1751)

Безусловно, служебная деятельность Санникова в эти годы проходила под определяющим воздействием особых обстоятельств, сложившихся в результате подачи Санниковым доноса в центральный орган управления горными заводами на Н. Г. Клеопина, под командой которого Санникову пришлось продолжать служить, да еще в условиях активной работы специальной комиссии, рассматривавшей его донос. Неизвестна должность, с которой он был определен в марте 1747 г. к школьным делам вместо унтер-механика Ивана Сусорова. К этому времени число учащихся в арифметической школе по сравнению с 1741 г. удвоилось: арифметике, геометрии и тригонометрии в конце 1746 г., как уже отмечалось, обучалось 103 ученика и трое маркшейдерских учеников¹.

Конечно, сложившаяся ситуация не могла не сказаться на взаимоотношениях Санникова с начальством. Тем более, что он как надзиратель школ начал активно подавать в Канцелярию предложения о необходимости изменений в организации их деятельности. Он продолжал вести себя как человек чести, не обращающий внимания на неблагоприятную атмосферу, сложившуюся вокруг него, не боящийся проявлять инициативу, чтобы исправить эту ситуацию, прилагал все силы, чтобы улучшить жизнь школ и их учащихся. Ни один другой надзиратель екатеринбургских школ в течение первой половины XVIII в. не внес столько дельных предложений начальству, касавшихся жизни школ, как Санников.

Только приняв дела по школам от Ивана Сусорова, уже 18 марта 1747 г. Санников подает доношение в Канцелярию с предложением назначить вторым учителем арифметики копииста Герасима Черепанова, учителем геометрии – кого-нибудь из учеников механики, поскольку детей в школе более 100 человек и ему одному справиться с их обучением сложно. Начальство отреагировало только по прошествии 9 месяцев (!), 30 декабря 1747 г., принимая решение об отправлении в Берг-коллегию разработанного им «расписания о

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 324.

школах», заявило: пока указ из коллегии об этом «расписании» получен не будет, «в арифметической, геометрической и тригонометрической школах обучать ему, Санникову, самому с помощью из них (учеников. – *Авт.*) первостатейных и поступать во обучении тех наук, как до сего учреждено»¹. Назначение учителя в помощь Санникову при таком большом количестве обучаемых могло бы ускорить подготовку выпускников, требовавшихся заводам.

14 марта 1748 г. Санников снова возвращается к этому вопросу, впервые подробно излагая свои обязанности в качестве учителя и надзирателя. Из этого доношения мы узнаем о существовании повседневной практики проведения учителем опросов учащихся арифметической школы, неизвестной нам по другим источникам, т. е. о методике проверки математических знаний, усвоенных подростками:

...понеже обучение арифметики и геометрии требует такого смотрения, чтоб учитель каждаго ученика спрашивал перед себя пред полуднем два и после полудни два ж раза. К сему мене собственно на меня положенная должность, содержание и обучение всех школ, не допустит».

И далее Санников обращает внимание начальства на трудности совмещения обязанностей учителя, если он один на большую школу, с обязанностями надзирателя, подчеркивая, что

...одна оная труда требует много, ибо во всех школах учеников находится около двусот человек, за которыми как в нижних, так и в вышних науках за всеми присмотреть и с каждым хотя не ежедневно, однако почасту поговорить и освидетельствовать должно. Также и жалованье на все школы, к ним припасы, материалы требовать, принимать, содержать, раздавать необходимо надобно. А сверх того, еще и копирование случающихся по оной Канцелярии чертежей мне же полагается².

И в отношении надзирательских обязанностей Санников впервые четко заявляет, что, отвечая за всех учеников, надзирателю полагается «почасту поговорить и освидетельствовать» каждого, чтобы представлять, как он продвигается в усвоении предмета. При этом Санников весьма критично высказывается по поводу предложенного

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 371. С. 316.

² Там же. Оп. 1. Д. 1248. Л. 122–122 об.

начальством использования способных учащихся в помощь учителю: «... оные сами будут в науке продолжаться», т. е. дольше усваивать новый материал, «и от обучающихся науку скрывать или упускать... как то до сего уже и было, что ученики почти все по семи лет и по восьми лет один только арифметик обучали».

На этот раз Санников предлагает определить учителем арифметики и геометрии из учеников тригонометрии Дмитрия Лаптева, так обосновывая свой выбор: «хотя в науке не весьма остр, однако ж в житье кажется других повоздержнее, а когда оное собственно на нем спрашиватца будет, то ему и во всем наилучче исправляться будет». Т. е. обращает внимание на личность юноши, рекомендуемого учителем, на его характер, полагая, что порой это важнее, чем острота его знаний. Через пять месяцев, 17 августа 1748 г., члены Канцелярии И. Н. Юдин и Г. У. Райзер наконец-то отреагировали: когда после майской трети школьникам «экзаменоване будет», тогда вопрос и рассмотрится. Но согласно справке 23 августа 1749 г. Лаптев был «определен к Екатеринбургским ротным делам писарем»¹.

В январе 1749 г. школьным подмастерьем в Екатеринбургскую школу начальство определило Василия Горшкова, причем сделало это по собственной инициативе, рассматривая прошение Семенова на должность учителя словесной школы и выписки о Горшкове².

Василий Горшков, школьный подмастерье (январь 1749 –1760-е)

Сын бобыля, Горшков обучался чтению и письму на дому за плату, в мае 1732 г. отец отдал его, 13-летнего, учиться арифметике. Именно Санников как учитель доносил И. Н. Юдину в сентябре 1736 г. о нем: «в твердость арифметик окончал, которого надлежит обучать геометрии»³. Но не успел Горшков приступить к геометрии, как был назначен учителем арифметики в новую школу Каменского завода, где проработал вплоть до ее закрытия в октябре 1742 г., потом по май 1746 г. трудился у лесных и приказных дел. Хотя Горшкову исполнилось всего 27 лет, из-за плохого здоровья его отпустили домой на год, потом еще на один. Видимо, он страдал гнойным отитом,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 123.

² Там же. Д. 1248. Л. 15.

³ Там же. Оп. 12. Д. 205. Л. 526–526 об.; 538.

болело ухо, от него и голова, правая рука была вывихнута, кисть повреждена и, как констатировало начальство, стал он «всем корпусом...стар и дряхл», и ногами плох — отекали¹. Конечно, Горшков уступал кандидатам, предлагавшимся ранее Санниковым, да и по состоянию здоровья ему было трудно работать с большим количеством подростков, изучавших арифметику (более 70 человек), поскольку он не владел геометрией. Он был назначен «по то время, пока другой учитель, знающей более ево наукой, приискан будет», должен был «писаться школьным подмастерьем», жалованье «на первой случай» было положено ему 24 руб. Но не владеющий знаниями геометрии, обучавший лишь арифметике, проработал в арифметической школе дольше всех других учителей, более знающих, которых власти в связи с этим перемещали на заводские должности. Горшков числился в школе и в 1760-е гг.²

В марте 1748 г. Санников обратил внимание, что пастору Сехтингу, прибывшему из Нерчинска по делам духовной службы 20 ноября 1747 г., начальство велело «быть при прежнем деле». А место Сехтинга, учителя немецкой школы, занял ее бывший преподаватель А. Миссет, вернувшийся из Москвы днями ранее. По прошествии четырех месяцев Санников резонно ставит перед начальством вопрос: каких учеников и чему должен обучать Сехтинг?³ Опять-таки только 20 июня 1749 г., т. е. по прошествии 15 месяцев (!), члены Канцелярии постановили: «чтоб он празден не был... дать ему из немецкой школы учеников восемь человек и обучать латинскому языку на таком же основании, как он и прежде обучал... А в немецкой школе содержать двенадцать человек и для того в то число добавить из афицерских и знатных приказных служителей детей из других школ»⁴. Так, благодаря запросу Санникова, в Екатеринбурге возобновила деятельность латинская школа, закрытая властями в декабре 1741 г.

26 апреля 1748 г. Санников поднимает в очередном доношении вопрос, заслушанный 22 сентября:

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 13–16 об.

² Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. С. 81.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 92.

⁴ Там же. Л. 95 об.

...представляет, чтоб находящихся в здешних школах учеников обучить по силе «Учреждения» о школах по класом руды познавать и пробовать, механике, архитектуре, камене резать и гранить, токарному, столярному и паяльному, объявляя, что оные мастерства за одно школьное жалованье содержаны быть могут, также про заводской расход и на продажу совершенно будут исправляемы¹.

Начальство навело справки, констатировало, что по силе «сообщения» президента Берг-коллегии А. Ф. Томилова, вынесенного в октябре 1746 г. во время пребывания его в Екатеринбурге, «учинено в здешней Канцелярии примерное расписание школ, которое для конфермации послано при доношении в Берг-коллегию... Токмо оногo еще не получено». Поэтому приказывалось: «о содержании здесь школ послать еще раз в Берг-коллегию доношение и требовать ... указа», по его прибытии предложение Санникова рассмотрится. «А до того должно при школах во учении детей поступать по силе данного наставления от господина тайного советника Татищева..., о чем в школы подтвeрдить указом»². Поскольку Санников как раз предложил вернуться к практике обучения школьников различным ремеслам во второй половине дня, введенной В. Н. Татищевым «Учреждением» 1736 г., такое решение, вынесенное первым членом Н. Г. Клеопиным и Г. У. Райзером, противоречило здравому смыслу.

11 октября 1748 г. Санников опять сообщает начальству:

Екатеринбургских школ ученики платьем и обувью почти все недовольны, а другие и питаются милостынею, понеже при нынешней дороговизне платья, обуви и хлеба определенного жалованья им весьма не достает, а у некоторых из того же жалованья вычитаются подушные деньги, и для того оных в науке содержать невозможно. А при заводах такие вакансии, яко в доменные, фурмовые, меховые, слесарные и каменнорезные и инструментальные фабрики, где бы знающие геометрии и чертежей быть должны, комплектуются людьми безграмотными, и в приказные люди производятся арифметика не знающие.

Того ради Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов покорно представляю, не соблаговолено ль будет возрастных всех, кои арифметику обучили и кои геометрии и чертежам обучаются, назначить в компле[к]т к упомянутым мастерствам, хотя с небольшою прибавкою жалованья и обращаться до полудня для окончания наук

¹ ГАСО. Ф. 24 Оп. 12. Д. 371. С. 316.

² Там же. Д. 380. С. 183.

при школе, а после полудня при работах в упомянутых мастерствах, чем они прибавочное жалованье заслужить могут.

Тако ж и малолетние, кои в подушной оклад положены, а писать хорошо умеют, не соблаговолено ль будет определить в копейсты, а кто имяны возрастные, скольких лет, каких отцов дети и в какой науке состоят, тако же и кто в подушном окладе положены и писать умеют хорошо, о том при сем прилагается реэстр¹.

Как видим, Санников хорошо продумал вопрос об использовании учащихся для обучения мастерствам и в качестве копиистов; провел большую подготовительную работу, составил списки-рекомендации учеников. Фактически, он попытался по-новому поставить вопрос об обучении подростков, овладевших математикой, различным ремеслам, параллельно школьным занятиям, не упоминая об «Учреждении» Татищева, чтобы лишний раз не раздражать начальство.

Безусловно, это было бы действенным выходом из сложного материального положения учащихся, позволило бы им овладеть определенными практическими навыками еще на школьной скамье, что пригодилось бы при будущем распределении к делам и могло одновременно принести определенную прибыль заводам. Он не постеснялся констатировать и явное недовольство учащихся недостаточностью получаемого казенного жалованья в условиях очередной дороговизны товаров, имевшей место в конце 1740-х гг., к тому же часть учащихся платила и подушную подать.

Текст этого доношения был скопирован нами при первом знакомстве с ним. К сожалению, листы с текстом доношения, реестром учащихся и решением начальства в деле не сохранились, при замене страниц на листы утрата части документов осталась неотмеченной. Во внутренней описи документов дела доношение фигурирует на странице 438, текст следующего документа – на странице 476, т. е. реестры, подготовленные Санниковым об определении учащихся к делам, были основательными, вместе с выписками, прошениями учеников, решениями начальства они занимали 48 страниц.

14 февраля 1750 г. Санников составляет, а 9 марта подает доношение о необходимости комплектования школ дворянскими и подьяческими детьми:

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 438–439.

По определениям... Канцелярии подтверждается, чтоб латинского и немецкого языков школы комплектовать афицерскими и подьяческими лутчих людей детьми, токмо ныне за неимением таких укомплектованы по большей части салдатскими и работных людей детьми за тем, что *афицеры и подьячие детей своих в школу не объявляют*. А понеже здесь не токмо латинского и немецкого языков, но, собственно, к горному и заводским делам принадлежащим и вышним наукам, кроме Екатеринбурга, школ нигде не учреждено и партикулярных учителей еще не слышно, разве токмо читать и писать и часть арифметика, почему видно, что оные (отцы. — *Авт.*) токмо от себя отлучить не желают¹.

Санников предлагает детей выше 7 лет, умеющих читать и писать, «забрать в здешнюю школу, и у которых дети пяти и шести лет, тех во обучении читать и писать и о представлении в школу на срок обязать подписками».

Это предложение Санникова также являлось важным для дальнейшего развития производства. Дети дворян во второй период руководства заводами В. Н. Татищева забирались со всей территории горнозаводского ведомства для обучения в екатеринбургские школы², только после 1742 г., с изменением состава зачисляемых учащихся (сироты, дети отставных, солдат и разночинцев), остальные – по желанию родителей, дворяне стали предпочитать обучать своих детей на дому. Санников верно отмечает, что курс домашнего обучения был ограниченным, а заводы нуждались в подготовке собственных командных кадров из дворян.

Далее следовали выписки о детях дворян, подьячих и определениях Канцелярии об их обучении в школах 1740-х гг., но какое-либо новое решение по этому вопросу в деле отсутствует, т. е. этот вопрос начальство не стало рассматривать специально, ограничившись своими определениями от 29 марта 1745 г. и 10 января 1746 г. об обязательном обучении детей дворян, управителей заводов в школах, а где школ не учреждено, отправке их в Екатеринбург, кроме удаленных мест – Нерчинска и Красноярска³. Но заметим,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 425.

² См.: Сафронова А. М. Вклад В. Н. Татищева в организацию обучения детей дворян и подготовку командных кадров для казенных заводов Урала и Сибири (1734–1739 годы) // Двенадцатые Татищевские чтения. Материалы Всерос. научно-практич. Конф. Екатеринбург, 19–20 ноября 2019. Екатеринбург, 2020. С. 8–14.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 426–428 об.

Санников констатировал, что эти определения не выполняются, и дети дворян, подьячих продолжают обучаться на дому. Поэтому и предлагал даже обязать представителей этих социальных категорий отдавать «малолетов» в обучение с 7 лет «подписками».

В целом, все эти предложения, поданные Санниковым как надзирателем школ в Канцелярию Главного заводов правления, – яркое свидетельство его активной позиции в отношении организации их работы. Рассмотренные нами доношения Санникова позволяют считать его одним из акторов процесса модернизации учебных заведений в середине XVIII в., достойным учеником и последователем политики В. Н. Татищева в этом вопросе. Возможно, если бы не его противостояние с первым членом правления Н. Г. Клеопиным, начальство не затягивало бы демонстративно так надолго рассмотрение его предложений и не отвергало их по существу. Позиция, занятая членами Канцелярии, фактически являлась тормозом на пути развития школ: ничего не менять или решить вопрос после одобрения Берг-коллегией «расписания школ» 1747 г. Уральское начальство не решалось, да и не хотело брать на себя ответственность, проявив хотя бы немного инициативы, оно покорно ожидало ответа из Москвы, от Берг- коллегии.

Санников как надзиратель предлагал и конкретные решения в отношении отдельных учащихся. Так, в январе 1749 г. предложил отправить на Полевской завод к матери двух сирот Петуховых, Нифантия и Игнатия, зачисленных в словесную школу Екатеринбурга 9 июля 1748 г. после смерти отца, горного ученика. Первый, по замечанию Санникова, был «языком гугнив», второго следует обучать «разве токмо чтению и письму, а от других наук он уже урости может, да они ж и содержания здесь не имеют», мать живет при Полевском заводе. Санников предлагает Нифантия отпустить к матери до 15 лет, Игнатия обучать в Полевской школе «при содержании родительницы». Заметим, оба ученика как сироты имели право на жалованье, но его не получали. Сам Клеопин согласился с предложениями и предписал перевести ученика в Полевскую школу с назначением жалованья¹.

Представление о числе учащихся арифметической школы и других школ, находившихся под контролем Санникова как надзирателя, дает ведомость, поданная им за 2/3 1749 г. В арифметической школе, по

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 39–39 об.

нашим подсчетам (фамилии учеников не пронумерованы), учтено 104 ученика: двое «маркшейдерского искусства» (дети солдата и капрала 17 и 16 лет); «чертежные ученики» — два человека; четверо — в тригонометрии; из знаменованной школы — пятеро, обучающихся параллельно арифметике; «геометрии ученики» — семеро; «арифметические» — 73; «немецкие» — 21 человек; словесной школы — 160 учащихся! Кроме того, вставлен лист с дополнительной информацией: *«да обучаются без указу на казенном коште без жалованья» семь человек*: сын умершего столяра, отставного солдата, молотового мастера, двое подьяческих, умершего молотового подмастерья и умершего плотника. Они завершили обучение геометрии, учили разные части знаменования, подьяческие учились еще и пению¹. Эти дети не прошли официального зачисления, при этом пятеро имели законное право учиться на казенном жалованье. Таким образом, во всех школах Екатеринбурга под контролем Санникова числилось 288 учеников, из которых более половины обучалось в словесной школе.

Вторая ведомость была подана Санниковым за 3/3 того же 1749 г.² «Маркшейдерского искусства» остался один ученик, в чертежах вместо двух стало шестеро, из знаменованной школы осталось четверо, а из изучающих геометрию образовался целый класс — 24 ученика. В арифметике по-прежнему числилось 73 человека. Всего в арифметической школе учтено 108 учеников, в немецкой — 13, выделилась латинская с восемью учениками, в словесной — 148 человек, при этом часть из них отмечена переведенной в арифметическую школу. Всего Санников контролировал обучение 273 человек. К сожалению, ни в одном документе не оговаривалось, как делились учащиеся арифметической школы между Санниковым и Горшковым. Но поскольку Горшков в свое время геометрии не обучался, ясно, что только Санников мог обучать учеников, завершивших арифметику, и осваивавших ее последние разделы.

30 июля 1748 г. в Канцелярии слушали доношение Санникова о школьниках Андреянове и Прокопьеве, «что они находятся во многих продерзостях и в непостоянном житии себя содержат и других к тому возбуждают». На это доношение начальство отреагировало так:

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 124–148 об.

² Там же. Л. 298–319.

А понеже Канцелярии небезизвестно, что находящиеся в школах ученики косо учатца и в непорядочные поступки впадают более от слабого учительского и определенного к смотрению над школами шихтмейстера Санникова. Довольно Канцелярию примечено, что он в школах не только по полудню, но и по целому дню не бывает, в некоторые же дни хотя и бывает, но надлежащих часов не высиживает, чрез что ученики, видя ево в том ...нерачительна, то же чинят. Того ради ему, Санникову, объявить, чтобы он, как надо, [за] учителями прилежное имел смотрение, и всегда определенные часы в школе высиживал, и школы оные содержал по силе «Учреждения» в надлежащем смотрении и порядке, и учеников к добропорядочным же поступкам наставлял и от непорядков, своевольностей и лености отвращал.

А чтоб он всегда определенные часы высиживал, ради того смотрение иметь над ним определенному за вахмистра артиллерийскому капралу Панкрату Иванову. Буде же в которые дни он в школе не будет или будет, да поздно придет и ранее определенных часов уйдет, о том иметь ему записку по тому, как и над прочими афицерами определено ему смотреть, и по прошествии трети предлагать Канцелярии. И для того сие объявить ему подпискою¹.

Самому Санникову об этом решении ничего не сообщили: 17 февраля 1749 г. начальство, слушая его доношение «о неведении ево, чтоб он указные часы при школах высиживал», а капрал Иванов смотрел за ним, решило: отдать доношение Санникову «возвратно с крепким подтверждением, чтоб он впредь в противность Генерального Регламента 55 главы поступать не дерзал под опасением неотменного штрафа»². Пребывание в неизвестности о принятом решении, видимо, вплоть до конца последней трети 1749 г., весьма показательно. Вероятно, начальство преднамеренно не известило Санникова. Надо полагать, пропусков занятий он не допускал, иначе штраф или какое-то другое наказание было бы на него наложено.

Если в июле 1748 г., рассматривая доношение Санникова о плохом поведении учеников, начальство обвинило в этом самого Санникова, то на подобное доношение от 6 сентября 1748 г. вообще не отреагировало. Санников сообщал, что «арифметической школы ученик Иван Стадухин 16 лет (отец – скончавшийся сын боярский), знаменованной – Михайло Чечнев 15 лет, сын солдата, «не токмо к

¹ ГАСО. Оп. 12. Д. 378. С. 316–317.

² Там же. Д. 385. С. 196.

науке не прилежат, но и пишут плохо, а более находятся в прогулах, в шалостях и плутнях, за что часто были наказываны многократно». Интересна информация об этих наказаниях, примененных надзирателем, и мерах, чтобы заинтересовать их в обучении:

...в бытность мою в 747-м и 1749-м годах, кроме словесных наставлений и легких штрафов, наказываны лозами Стадухин семь раз, Чечнев четыре раза, и для усмотрения их склонностей перевозжены были Стадухин — в немецкую, Чечнев — в знаменованную (школы. — *Авт.*), токмо и в том никакой охоты не имеют¹.

Поэтому Санников предложил «для страху другим возрастным учеником Стадухина и Чечнева определить в горную работу». Но, согласно справки, Чечнев был определен в солдаты, Стадухина же оставили в школе. Как видим, предложение о распределении их в горную работу поддержано не было, начальство поступило по-своему, без каких-либо объяснений.

Изучение протоколов заседаний Канцелярии за 1751 г. показало, что в первой половине года Санников, продолжая пребывать на должности надзирателя, 7 марта 1751 г. просил о назначении специального учителя в арифметическую школу «хотя бы из старших маркшейдерских школьников или из учеников чертежей»:

Ныне при Екатеринбурге в окончании геометрии, в тригонометрии, в чертежах и маркшейдерстве имеется 65 человек, которым те науки надлежит показывать действием инструментов и практикою, тако ж механическое и прощпективное руководство толковать, а учителя к тому не определено... хотя определенный каменного дела надсмотрщик Егор Сунгуров оное частью производить может, однако ж ему от копирования чертежей и геометрических учеников, которых особо до 51 человека, отлучаться не можно, а практики и толкования во все лето продолжатся и всегда вне школы быть надлежит. Чего ради при том потребно быть другому учителю...²

Из доношения следует, что число учащихся, достигших высших наук в арифметической школе в 1751 г., резко увеличилось, что обучал их и одновременно копировал чертежи Егор Сунгуров. В ведомости школы за 2/3 1749 г. он числился среди учеников чертежей как сын умершего лекарского ученика в возрасте 21 года, поступивший

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 160.

² Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. С. 77–78.

учиться в знаменованную школу в августе 1747 г. Согласно графы, «кто куда отлучен или взят был и куда», 16 июля 1749 г. «определен к надзираанию»¹. Поскольку Санников называет его «определенный каменного дела надсмотрщик», значит, Сунгуров был определен к надзираанию работ по резке камня. Для нас важна информация, что ученики геометрии, тригонометрии, чертежей, маркшейдерские в течение лета должны были проходить практические занятия вне школы.

Согласно справки Канцелярии, 14 мая 1750 г. по требованию того же Санникова, уже берггешворена, члены Канцелярии велели *быть Сунгурову «для помощи в обучении детей при школе в каждой недели 4, да у надсмотру мраморной фабрики и у обучения практике того дела и для вождения машин» — 2 дня*². Но по просьбе шихтмейстера Ивана Сусорова (март 1751 г.) Канцелярия своим решением от 16 апреля 1751 г. отрешила Сунгурова от обучения школьников, ему предписывалось быть всегда «у смотрения над помянутою каменнорезною фабрикою для помощи при шихтмейстере Сусорове, у обучения тому делу на практике, а вместо ево, Сунгурова, для обучения детей, выбрав, определить из здешних школ к тому достойного» члену Канцелярии, под ведением которого школы состоят, т. е. — И. Юдину³. Какое-либо решение об этом назначении в деле отсутствует.

Санников подавал рапорты о выдаче жалованья учащимся школ Екатеринбурга каждый месяц по июль 1751 г. С августа документы о выдаче жалованья стали подаваться вместо него шихтмейстером Иваном Сусоровым, а в его отсутствие — учителем А. Миссетом.

Протокол заседания Канцелярии от 12 декабря 1751 г. проливает свет на причины этого. На этом заседании заслушивался указ Берг-коллегии от 9 октября 1751 г., полученный в Екатеринбурге 11 декабря. Указом предписывалось Санникова из-под караула освободить, поэтому начальство приказало: солдат, бывших в карауле у него в доме «свесть»; Санникову быть по-прежнему у обучения детей; «бывшие прежде в его ведении дела» принять ему от Сусорова «по учиненной им росписи». Описанный дом и пожитки по росписи вернуть Санникову при протоколисте Кабакове и сержанте Панаеве,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 126.

² Там же. Оп. 12. Д. 411. С. 35.

³ Там же.

присутствовавших при их описании. Жалованье с момента получения указа давать полное, *«а с того числа, как он от комиссии под караул отдан, то есть с 24 июля»*, другую половину, удержанную в казне, давать ли, представить в Берг-коллегию, без ее повелительного указа Канцелярия удержанное жалованье «выдать опасна», поскольку Санников *«при делах не был, а содержался под караулом [праздно]»*¹. В литературе об этом инциденте, указе Берг-коллегии сведений нет, и нужны дополнительные разыскания документов о причине второго ареста учителя. Главное, мы получили достоверную информацию о его временном отстранении от должностей с 24 июля 1751 г. и возвращении к ним с 12 декабря.

14 января 1752 г. члены Канцелярии слушали доношение о выдаче жалованья ученикам екатеринбургских школ за декабрь месяц по-прежнему от шихтмейстера Сусорова; а 23 января 1752 г. — «от надзирания школ шихтмейстера Ивана Сусорова» об аттестации в унтер-шихтмейстеры четырех выпускников арифметической школы и необходимости определить учителей-помощников в нее². Т. е. Санников по каким-то причинам снова был смещен с должности надзирателя и учителя, и необходимо уточнить дату его отстранения.

Таким образом, Федор Санников за четыре с небольшим года деятельности в качестве учителя и надзирателя екатеринбургских школ продемонстрировал нам, что, являясь человеком чести и большого внутреннего достоинства, может противостоять отрицательно относившемуся к нему начальству, выражать свое собственное мнение, поднимать в доношениях, обращенных к этому начальству, важные вопросы, способные изменить жизнь молодого поколения, приобретающего знания в горнозаводских школах, в лучшую сторону, как и в целом организацию деятельности школ.

Он доказал, что несмотря на крайне неблагоприятную обстановку, прямое игнорирование его предложений, рассмотрение их по прошествии многих месяцев с момента подачи, можно действовать, руководствуясь исключительно своей совестью, продолжать делать все от тебя зависящее, используя свое должностное положение. Это редкий пример в истории прошлого нашей школы, достойный подражания. Эти новые данные, приведенные о деятельности Федора Санникова, ярко отражают его непреклонность в постановке и

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 419. С. 178–179.

² Там же. Д. 420. С. 159, 308–310.

достижении целей, если он уверен в своей правоте по изменению окружающего мира к лучшему, какую бы должность он ни занимал. Эти данные, несомненно, будут учтены в будущих работах о жизненном пути этого видного специалиста, выпускника уральских школ.

Глава 5.

МИРОН АВРАМОВ КАК УЧИТЕЛЬ РИСОВАНИЯ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

С именем В. Н. Татищева связано открытие в Екатеринбурге в 1735 г. первой на Урале школы знаменования, действовавшей более полувека. После издания Устава народных училищ 1786 г. эта школа слилась со словесной, арифметической и немецкой в единую горную школу Екатеринбурга.

Хотя в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» Татищев отнес знаменование и живопись не к полезным, а к щегольским наукам наряду с поэзией, музыкой, танцами, вольтежированием, он все-таки подчеркнул особое значение этого предмета: *«Знаменование же во всех ремеслах есть нужно»*¹.

Термин «знаменованье» в словаре В. И. Даля разъясняется как «налагать знак, метить, помечать, обозначать...», слово «знамя» — это знаменье, печать, клеймо, подпись или рукоприкладство, также чертеж, изображение, рисунок². В XVIII в. под знаменованием понимали рисование карандашом, пером, тушью, красками.

Как уже отмечалось, при составлении первого штатного расписания уральских заводов 1723 г. Татищев предусматривал в Екатеринбургской арифметической школе должности учителей арифметики и геометрии с годовым жалованьем 24 руб., чертежей — 36 руб., знаменования — с окладом 48 руб., заметим, в два раза выше, чем у учителя математики³. Берг-коллегия при рассмотрении штатов в феврале 1724 г. решила возложить преподавание знаменования и чертежей на одного учителя с жалованьем 48 руб., «требовать оного от Артиллерии», т. е. из московской Артиллерийской школы⁴.

Но через несколько дней, рассматривая повторную просьбу уральского начальства о присылке учителя знаменования, члены Берг-коллегии изменили свое решение: «в учителя велеть брать из тамошних», отправленных на уральские заводы из Артиллерийской

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 92.

² Даль В. И. Толковый словарь. М., 1956. Т. 1. С. 687—688.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1527. Л. 54.

⁴ Там же. Л. 67 об.

школы, «а нарочных из Санкт-Петербурха туда посылать есть не без убытка, понеже станут требовать великаго жалованья»¹. Поскольку московские школьники были крайне заняты в управлении заводами, рудниками, такая политика Берг-коллегии затормозила подготовку людей, знающих знаменование, на долгие годы. В какой-то мере эти навыки прививались наиболее способным учащимся Екатеринбургской арифметической школы, обучавшимся чертежному искусству: их учили тушевать, раскрашивать планы заводов и рудников.

Планы В. Н. Татищева по обучению знаменованию и архитектуре в Екатеринбурге

Через два месяца по возвращении на Урал в качестве начальника заводов, в декабре 1734 г., Татищев снова начал хлопотать о найме учителя знаменования в Петербурге. На заседании Канцелярии Главного заводов правления В. Н. Татищев с А. Ф. Хрущовым и И. И. Рудаковским 12 декабря 1734 г.

...разсуждая о содержании здешних школ, что в тех школах ученики обучающца словесному и арифметики, и иные отчасти и копированию чертежей, токмо в знаменовании тех школьников обучать некому, согласно определили: в Правительствующий Сенат послать доношение, чтоб для оной науки повелено было прислать из учеников Академи[и] наук в знаменовании искусного одного человека².

Поскольку Татищев при новом назначении получил право обращаться по всем важным вопросам непосредственно в Кабинет министров и к Анне Иоанновне, 2 января 1735 г. он лично просил о присылке учителя знаменования и архитектора кабинет-министров:

Також весьма нам нужно иметь здесь для научения детей знаменования, а для надзирания в каменных строениях архитектора, каковы из обученных при Академии, мною, способны найдутся. А понеже нам архитект не столько для украшения, сколько для укрепления нужен, то прошу, чтоб повелено было прислать такого, которой бы уже практику имел³.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10. Л. 95 об.

² Там же. Оп. 12. Д. 215. Л. 715.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 63.

На Урале ежегодно вводились в строй новые заводы, строились крепости, активно обустроивался и Екатеринбург, ставший столицей горного края. Здесь возводилось много общественных зданий, с увеличением численности жителей шло бурное частное строительство, поэтому просьба о присылке архитектора была вполне уместной.

В тот же день В. Н. Татищев составил инструкцию посылававшемуся в Саксонию на поиск мастеров гиттенмейстеру Иоганну Улиху, служащему уральских заводов. Кроме мастеров Улих должен был нанять трех учителей для открывавшихся школ латинского и немецкого языка, один из которых «чтоб в мафематике и знаменовании мог обучать»¹, т. е. Татищев предполагал обучать рисованию и учащихся немецкой школы, куда собирался привлечь в первую очередь детей горных офицеров, управителей заводов и мастеров.

Ясно, что в подготовке будущих специалистов рисование должно было, по мысли Татищева, занять достойное место, не случайно он включил этот предмет и в программу обучения четырех уральцев, которых Улиху поручалось определить в гимназию Академии наук².

Но и на этот раз столичные власти внесли коррективы в планы Татищева. Кабинет-министры, видимо, рассудили, что достаточно будет одного человека, который мог бы исправлять должность архитектора и одновременно обучать детей. Об этом свидетельствует текст двух документов. Именным указом от 25 апреля 1735 г. Татищеву сообщалось, что Академии наук повелено представить архитектора для учения детей знаменованию и укрепления строений³. В самом этом повелении, отправленном из Кабинета в Академию 29 апреля, приказывалось представить архитектора для посылки на заводы «к обучению тамошних обывателей детей». Не возражая прямо Татищеву, не оговаривая мотивов, кабинет-министры придали своему решению вполне положительное звучание.

Но Академия наук располагала единственным архитектором, нужным ей самой, и до осени 1735 г. никаких шагов в поиске архитектора, видимо, не предпринимала. Между тем, Улих, несколько

¹ Проект В. Н. Татищева 1735 г. об отправлении гиттенмейстера И. Улиха в Саксонию и Богемию для найма специалистов... С. 358.

² Там же. С. 360.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 258 об.

месяцев ожидавший в столице решения верховной власти об отправке его с юношами за границу, нашел трех нужных заводам специалистов. Получив об этом известие, Татищев 21 сентября 1735 г. написал кабинет-министрам: Улих «сыскал иноземцов ремесляных, которые суда ехать охоту имеют, а имянно, архитекта, часоваго мастера и знаменования учить, в которых нам немалая нужда...». Татищев сообщил, что отправил уже доношение в Сенат о принятии этих специалистов, кабинет-министров же просил, «чтоб в Сенат повелели о том напаятовать». Татищев не надеялся на скорую реакцию этого высшего органа, в этом же письме, ходатайствуя о присылке управителей на заводы, отмечал: «Я было не хотел утруждать вас, о людях хотел представить в Сенат, но, видя, что днесь чрез 7 месяцев и более на посланные доношения никакого определения не получал, оставил»¹.

Президент Академии наук И. А. Корф 6 октября 1735 г. доложил кабинет-министрам о явке в Академию иноземца инженера Шварца, требующего службы, который «может и архитектурную должность отправить», он и был представлен Кабинету². Через 10 дней Христоф Шварц подал прошение о принятии его на уральские заводы, подписавшись как «гамбурец» — житель Гамбурга. Через полмесяца, 1 ноября, представил и собственноручные чертежи как свидетельство познаний в инженерной науке³.

Улих подыскал иного кандидата на должность архитектора, но не представлял его в Сенат, ожидая предварительной санкции Татищева. Получив ее и узнав о Шварце, Улих 3 ноября сообщил в Академическую канцелярию: «а знаменования учителя Дункеля я здесь приискал, который в Сибирь ехать охоту имеет». Улих просил Академию наук освидетельствовать как архитектора, так и учителя, чтобы он представить их в Сенат, где заключались контракты с иностранцами, как ему приказывал Татищев⁴.

Академия признала Шварца годным в архитекторы. Дункель представил образцы своего рисовального искусства в «разных фигурах». Для более объективной оценки его способностей Академия привлекла живописца Кадетского корпуса Ведекена. И в отношении

¹ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Д. 12. Л. 318—319.

² Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 801—802.

³ Там же. С. 809, 813.

⁴ Там же. С. 816.

Дункеля академическое начальство приняло положительное решение¹. Но ни архитектор, ни учитель на Урал так и не были отправлены, хотя 29 октября 1735 г. кабинет-министры на вторичную просьбу Татищева ответили положительно: «По требованию вашему архитекта велено приискать а Академии, а как приискан будет, то оной к вам пришлется»². Причины, по которым отправка уже найденных специалистов не состоялась, нам не известны.

Проблему с учителем знаменования пришлось решать на месте. Поскольку из столицы уже прибыли учителя немецкого и латинского языков, готовилось открытие иноязычных школ, ставших первыми школами повышенного типа на Урале, Татищев решил открыть одновременно и школу знаменования. Ранее такой предмет ни в одной школе Урала не преподавался, в Екатеринбурге же сразу открывалась школа. 3 ноября Татищев и члены Канцелярии заслушивали итоги переписи детей школьного возраста на горнозаводском Урале, назначали учителей школ, обучение знаменованию поручили Мирону Аврамову³.

Примечательно, что и после этого назначения, Татищев продолжал настаивать на присылке учителя из Петербурга вместе с архитектором: в феврале 1736 г. Татищев с Хрущовым обосновывая невозможность сокращения должностей в новых заводских штатах 1735 г., как предлагал Кабинет министров, просили прислать еще ряд специалистов, в т. ч. отмечали: «в школу весьма нуждны учитель знаменования один, механики и архитектуры один или два...»⁴.

Как видим, Татищев не отказался от идеи заполучить учителя из столицы, более того, аппетиты его выросли, он хотел иметь специальных учителей механики и архитектуры, т. е. намеревался ввести преподавание архитектуры в одной из школ Екатеринбурга, возможно, в знаменованной. По сути, Татищев подхватил идею верховной власти об архитекторе как учителе. Параллельное использование архитектора по прямому назначению — для «укрепления» строений, — в принципе, не исключалось. Знание же основ архитектуры будущим заводским специалистам, безусловно, пригодилось бы.

¹ Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 820—821.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 165.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 226. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 13.

К тому же для преподавания архитектуры в Екатеринбургe имелась достаточная учебная база: в личной библиотеке Татищева, привезенной им в Екатеринбург, было немало новейших западноевропейских изданий по архитектуре и строительству крепостей на немецком языке. Заметим, основы архитектуры были включены Уставом народных училищ 1786 г. в программу обучения детей в главных народных училищах, открываемых Екатериной II в губернских центрах России. Для горнозаводского Урала, где в 30-е гг. XVIII в. велось широкое строительство, знания архитектуры были как нельзя кстати. Но Кабинет министров словно перестал замечать просьбы Татищева, и ни архитектора, ни учителя знаменования из столицы так и не прислали.

В проекте новых заводских штатов (июнь 1737 г.) Татищев увеличил число учителей в знаменованной школе до двух: один должен был учить знаменованию с жалованьем 36 руб., другой — живописи с жалованьем 60 руб. в год. В немецкой школе предполагался свой учитель знаменования и чертежей с жалованьем 120 руб., при нем еще и помощник с окладом 24 руб.¹ Это штатное расписание свидетельствует, что Татищев по-прежнему стремился расширить преподавание знаменования и живописи, хотел выделить их в качестве самостоятельных предметов. Судя по сравнительно низким размерам жалованья учителей знаменования и живописи, помощника учителя в немецкой школе, он предполагал назначить на эти должности кого-то из имеющихся в Екатеринбургe специалистов.

Обратим внимание, Татищев ввел знаменование в качестве предмета и для учащихся немецкой школы, причем эти занятия, как и по математике, должны были идти на немецком языке. Хотя с отправкой Улиха в Саксонию и найме там учителя знаменования и математики ничего не вышло (верховная власть на это не пошла), Татищев не отказался от намерений ввести этот предмет в немецкой школе и не терял надежды заполучить учителя из столицы. Но этим широким планам не суждено было претвориться в жизнь. Хотя штаты 1737 г. и стали действующими, причем на протяжении десятков лет, эти учительские должности продолжали оставаться вакантными, так как перерасход штатных средств на школы стал хроническим, и в 1742 г. уральское начальство резко сократило как сеть школ, так и число учащихся в них.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 631. Л. 188—189.

Аврамов Мирон Васильевич – учитель знаменования (ноябрь 1735 – май 1753)

Как уже отмечалось, 3 ноября 1735 г. Татищев и члены Канцелярии заслушивали итоги переписи детей школьного возраста на горнозаводском Урале, назначали учителей, обучение знаменованию поручили Мирону Аврамову с жалованьем 48 руб. в год¹.

Знаменованию и основам живописи Мирон Аврамов обучал в школе Екатеринбурга на протяжении 15 лет, до своей смерти в мае 1753 г. (в 1745—1747 гг. школа временно закрывалась). В справочнике А. В. Козлова о нем дается краткая информация: «Мирон Васильевич Аврамов (1682—1753). Один из первых уральских графиков, живописец. Он обучался живописи и шпалерному делу в Петербурге. Затем исследовал месторождения минеральных красок на Урале (1726), работал живописцем на заводах Демидова (1730—1733), преподавал черчение, рисование и живопись в екатеринбургских школах (1735—1753). В 1753 г. обследовал месторождение краски темной мумии возле Сысерти»². В. Н. Будрин отмечал, что Миронов — тобольский беспоместный дворянин, с 1719 г. служил в солдатах, в момент назначения учителем ему было 37 лет³. Если данные А. Г. Козлова о годе рождения Аврамова верны, в момент занятия должности учителя ему было года 53.

Об Аврамове нам удалось выявить ряд новых документов, уточняющих этапы его деятельности до назначения учителем. В протоколах Берг-коллегии за 20 декабря 1721 г. о нем имеется такое решение:

...по выписке живописцу Аврамову за ево искусство в живописном мастерстве, которое в Берг-коллегии объявлено, и дабы он к тому наипаки прилагал прилежание и наилутче [трудился], к прежнему ево окладу прибавить по рублю ж на месяц» и в Штатс-контор-коллегию в общем именном списке, «как о протчих Берг-колегии служителейх будет посылатца, объявить имянно»⁴.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 226. Л. 12.

² Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII — начала XX века. С. 6—7.

³ Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. С. 60.

⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 90. Л. 580 об.

При этом деньги предписывалось выдавать на счет Кабинета, «понеже шпалерное дело содержится на кабинетных деньгах». Видимо, Аврамов состоял на службе в Берг-коллегии и в конце 1721 г. состоялось решение об обучении его шпалерному искусству для потребностей Кабинета Петра I, либо об участии в этих работах. Аврамов был юным, в возрасте 23 лет. На Урале в 1726 г. он побывал временно: начальник заводов В. И. Геннин отмечал в указе от 8 апреля 1728 г.: «в прошлом 726 году в бытность твою в Екатеринбургe доношением ты меня просил, чтоб тебя к сысканию всяких красок на оные заводы определить»¹.

Указ Геннина об этом назначении был дан Аврамову 8 апреля 1728 г. в столице:

...понеже по представлению моему в Государственную Берг-коллегию и по определению оной коллегии велено тебе быть в Сибири на Екатеринбургских заводах у сыскания всяких разных красок, о чем в прошлом 726 году в бытность твою в Екатеринбургe доношением ты меня просил, чтоб тебя к сысканию всяких красок на оные заводы определить. И того ради по получении сего Е.и.в. указу ехать тебе отсель в Сибирь на Екатеринбургские заводы и искать со всякою ревностию и радением всякие разные краски, которые ты в доношение ко мне объявил, да и сверх того, какие сыскать можешь...².

Найденные краски Аврамов должен был объявлять в Сибирский обер-бергамт для отправки в Берг-коллегию. Аврамов подтвердил в одной из сказок: «прибыл сюда в Екатеринбург в 1728 году для приску красок³. На заводах Акинфия Демидова Аврамов работал в 1730—1733 гг., об этой его деятельности нам ничего не известно.

Судя по выписке, 19 октября 1733 г. Геннин в Обер-бергамте принял решение на основе указа Сената начать строительство в Екатеринбургe каменной церкви Святой Анны Пророчицы «и во оную заблаговременно по учиненному от него, генерала-лейтианта, абрису надлежит писать надлежащие в ней быть образы и иконостас». Пока «маляры» и резчики, затребованные у митрополита Тобольского и Сибирского Антония, не прибыли в Екатеринбург, можно готовить на «образы» холст и рамы и грунтовать, «а маляр к тому призванной им, генералом-лейтиантом, з заводов дворянина Акинфея Демидова

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 569. Л. 641.

² Там же.

³ Там же. Л. 639 об.

Мирон Аврамов есть... ему, Аврамову, на образы по абрису... велеть готовить ... холст», прикреплять к рамам и грунтовать. Для этого подобрать «особливую квартиру», топить ее, дать свечи. Холст сшивать находящимся под караулом женкам или «присыльным» за указную плату. Для помощи в изготовлении грунтовых красок дать Аврамову из школьников одного человека. Аврамову платить «по договору» на месяц 4 руб., школьнику — по 2 коп. в день сверх школьного жалованья, ставить выданные суммы на церковный счет в 2 тыс. руб., на них покупать холст и краски¹.

Таким образом, Аврамов во второй раз был нанят Генниным в связи со строительством новой церкви в Екатеринбурге. Примечательно, что «образы» и иконостас должны были делаться «по учиненному» от него, Геннина, абрису» (рисунку).

В ноябре 1733 г. был отправлен в контору Коммерц-коллегии в Москву заказ на краски и на двух, «знающих силу в тех красках людей». Но краски так и не прислали, поэтому в марте 1734 г. был отправлен нарочный в Москву к приказчику Акинфия Демидова и к фабриканту Томилину с просьбой о красках, но ни золота, ни серебра достать так и не удалось. Из-за этого работы временно приостановились. 26 апреля 1735 г. в Канцелярии

...на доношение и при том реэстр от живописца Мирона Аврамова о приеме от него образов и протчих к тому удобных красок и припасов определено: краски принять в Канцелярию регистратору Кичигину, а образы отделанные поставить в церковь, а неотделанные отдать под охранение в заводскую контору с роспискою².

Но оказалось, что «против» поданного реестра выявился «недовес» и вместо годной умбры — пустой камень, за что приказывалось «умру годную взыскать с него, живописца Аврамова, без упущения сполна»³. В августе при выдаче жалованья Аврамов внес за три фунта негодной умбры 36 коп.⁴

В июле 1734 г. работы по написанию икон для новой церкви в Екатеринбурге вообще пресеклись. Об этом становится известно из протокола заседания Канцелярии от 19 декабря 1735 г. в связи с

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 569. Л. 637—638 об.

² Там же. Оп. 12. Д. 219. С. 155.

³ Там же. Д. 221. Л. 80.

⁴ Там же. Д. 223. Л. 133.

прошением Аврамова о выплате ему жалованья с июля 1734 г. «по окладу, каков определен был во время письма образов в здешнюю церковь»¹. Согласно справке, оказалось, что он «был на воле» с июля 1734 г. до 3 ноября 1735 г., до назначения учителем знаменованной школы, т. е. перестал получать жалованье из казны. К тому же в апреле 1735 г. Татищев приказал строительство церкви вообще прекратить, «для малости оной», построенное разобрать и строить новое здание, более просторное. Аврамов пояснил, что с 1 июля 1734 г. у письма икон не был «за неимением к тому потребных красок»².

Ясно, что и в XVIII в. художник считался человеком вольной профессии: перестал работать, хотя и не по своей вине, не стало и жалованья. «Простой» у Аврамова длился 16 месяцев. Члены Канцелярии Татищев, Хрущов, Клеопин, Юдин решили: жалованье ему за те месяцы, «в которые у казенной работы не был, не давать, ибо он тогда, может, работал постороннее, для того, что был свободен». При этом указывалось, что с момента назначения учителем жалованье ему «производить по оному прежнему окладу, а с 1736 году давать с прежним на месяц по пяти рублей, а в год по шестидесят рублей и с положенной на школы суммы»³.

В деле имеется реестр написанных Аврамовым икон для Екатеринбургской церкви до июля 1734 г.:

«Образ моление о чаше», холст размером 6 × 3 аршина, «подмалевано в краски»; «Двунадесятых праздников»⁴, «Воскресение», «Вознесение», «Благовещение», «Сошествие Святого Духа», «Рождество Христово», «Обрезание», «Преображение», «Благовещение», «Святая Троица», «Рождество Пресвятой Богородицы». Дополнительно к готовым иконам приведен список нарисованных «в подмалевку», упомянуто: 10 картин выгрунтованы на образы на холсте...Имеется справка Казначейской конторы о выданных для написания икон красок⁵.

И после назначения учителем Аврамов как живописец продолжал использоваться властями для заводских нужд. В декабре 1735 г. по его

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 227. Л. 208.

² Там же. Оп. 1. Д. 569. Л. 639 об.

³ Там же. Оп. 12. Д. 227. Л. 208–209.

⁴ Двенадцать важнейших после Пасхи праздников, посвященных земной жизни Спасителя и Богородицы.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 569. Л. 639.

доношению приказывалось «о выдаче ему разных красок к письму образов», какие имеются налицо¹. В июле 1736 г. он потребовал три фунта умбры и «пристойного числа» конопляного масла для покраски дверей и окон в новом загородном доме Татищева², выстроенном на том самом месте, где сейчас стоит церковь Вознесения Господня, т. е. цвет покраски был коричневым.

Аврамов писал иконы и для строящейся на Сысертском заводе церкви во имя святых Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. В мае 1735 г. было принято решение о начале ее строительства³. В январе 1736 г. начальство поручило Екатеринбургской заводской канторе доставить в Сысерть пуд слюды, поставить оконничного ученика, выковать крест, сделать рамы на «царские двери»⁴. Аврамов должен был расписать эти «царские двери», «отделать» две иконы – Рождества Богородицы и Сретения Христова, «да написать Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы» и «для скорости в письме» приказывалось «определить ему в помощь вольного иконника»⁵.

В доношении уральскому начальству от 23 сентября 1737 г. Аврамов сообщает, что в феврале 1737 г. ему был прислан указ Канцелярии, повелевающий для церкви Сысертского завода

...написать царские, южные и северные двери и запрестольной крест, и образ Богоматерней, и над царскими дверьми, именуемая сень. И по оному указу оные царские двери написал живописною работою, а вокруг евангелистов и царских дверей в полдорожника вызолотил, и средней горбыль, и венцы все вызолочены красным казенным червонным золотом в готовность и отправлены.

А южные и северные двери, також де запрестольной крест, и Богородичен образ, и сень имеетца ныне в подмалевке, а в готовность мне стала быть отправить нечем, понеже по требованию моему в прежнем доношении на оную показанную церковную работу толикою число красок и золота не выдано, токмо выдано на одне вышеозначенные царские двери...прошу о приеме оных царских дверей решение учинить⁶.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 227. С. 83.

² Там же. Д. 234. Л. 123—124.

³ Там же. Д. 220. С. 179.

⁴ Царские врата – главное украшение иконостаса, через которые незримо проходит «Царь всего мира» во время богослужения.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 228. С. 165—166.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 747. Л. 300.

В середине марта 1737 г. начальство рассматривало его доношение о выдаче красок для письма «образов» в Сысертскую церковь «и об отдаче в мастерскую для письма образов и картин из заводской канторы». О наличии красок тогда решили «предложить» к рассмотрению, «а прочие образы для описывания заводской канторе отдать ему, Аврамову, с роспискою»¹. Возможно, их он использовал для письма «образов» в церковь Сысертского завода.

Только 15 июня 1738 г. члены Канцелярии на доношение Аврамова от 23 сентября 1737 г. приказали: сколько нужно красок, освидетельствовать управителю Сысертского завода Н. С. Порошину и нужное количество купить². Не удивительно, что работы над иконостасом для сысертской церкви шли очень медленно. Но заметим, в Екатеринбургe со времен Геннина, с 1733 г., действовала мастерская, где писались картины и «образы».

В январе 1739 г. Аврамов просит «для подновления» данных ему из Канцелярии «образов» бакану венецианского два, скипидару три золотника³. Но выполнение этих поручений уральского начальства Аврамову, как и другим учителям школ, не сулило каких-либо дополнительных выплат. Жалованье оставалось стабильным – с 1736 г. оно было увеличено на рубль в месяц и стало составлять 60 руб. в год⁴.

11 января 1737 г. Мирон Аврамов подает челобитную о его увеличении, сообщает, что восемь его учащихся изучают знаменование,

...да из латинской и немецкой велено школьником приходить в научение ко мне, а мне их обучать, которых и обучаю неленостно, но со всякою охотою, бес корысти. К тому ж отправляю и живописное дело, пишу недописанные в церковь образы и другие всякия поделки, о чем известна и оная Канцелярия. А за те мои труды определено В. и. в. в год по шестидесят рублей. И оным жалованьем з домашними едва питаюсь, отчего пришел во всеконечную скудость и впал в немалые долги, а паче от дороговизны хлеба и харчевых припасов, чим и оплатить из оногo жалованья невозможно. И к вышепоказанному делу, ко обучению учеников имел бы охоту и наиболее и выучить бы мог и

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 242. С. 198.

² Там же. Оп. 1. Д. 747. Л. 303.

³ Там же. Оп. 12. Д. 264. С. 102.

⁴ Там же. Д. 692. С. 34.

скоряе, только вышепоказанная скудость и убожество до оного едва допускает. ... Прошу...для вышеозначенной всеконечной моей скудости и убожества, и для показанных трудов и обучение учеников, дабы впредь мог наипуще о том прилежать и охоту иметь, наградить В. и. в. милостию, прибавкою жалованьем¹.

Только через три месяца, 5 апреля, просьба была рассмотрена, заслушаны выписки, и А. Ф. Хрущов определил: «впредь до разсмотрения быть ему, Аврамову, в старом окладе»². Между тем, фамилия Аврамова числилась в списке должников, которых ссужал деньгами преподаватель немецкой школы Иоганн Гейнш, скончавшийся в декабре 1737 г.³ Возможно, кроме 5 руб., занятых у Гейнша, были и иные суммы долга. К тому же, как уже отмечалось выше, в связи с большим перерасходом штатных сумм, выделяемых на школы заводскими штатами 1735 г., с января 1738 г. была приостановлена выплата жалованья учителям, кроме иностранцев, до августа 1738 г., что еще более ухудшило семейное положение Аврамова.

Один из протоколов заседания Канцелярии от 17 февраля 1739 г. позволяет говорить, что уральское начальство не вполне удовлетворял уровень способностей Аврамова как живописца:

В Канцелярии Главного заводов правления по известиям явилось, что в Тобольску есть из сыльных умеющие живописное художество, а здесь той науке учреждена школа, в которой учителем обретається по нужде не весьма тому искусен и ради того по указу Е. и. в. согласно определили: писать в Сибирскую губернскую канцелярию, чтоб благоволила ис показанных ссыльных, умеющих означенное искусство для обучения здесь определенных в тою школу учеников прислать сюда одного или двух человек, и о том во оную губернскую канцелярию послать промеморию⁴.

Подписали протокол Л. Угримов, Н. Клеопин, Т. Бурцов. Как мы видим, они полагая, что Аврамов «не весьма тому искусен», занимает должность учителя «по нужде», делают попытку заполучить личность более достойную, заговаривают даже о желании присылки двух

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. С. 32–33.

² Там же. С. 35.

³ Сафронова А. М. Описи имущества учителей екатеринбургских школ XVIII в. С. 324.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 265. С. 232.

кандидатов. Это пример свидетельствует, что члены Канцелярии могли проявлять и инициативу, правда, это случалось в крайне редких случаях, но результатов не принесло.

Помещение знаменованной школы

О месте размещения знаменованной школы нам становится известно благодаря доношению, поданному Бахоревым в ноябре 1735 г. о поиске помещения для своих учеников механики:

Удобные места я обыскал, где был прежней Обер-бергамт, подле той, где ныне обучают немецкому языку, имеется один порозжей покой, в котором токмо окончин нет, а другой покой тут и с окончинами, в котором ныне сумы шьют. Еще ж есть порозжее место *в прежнем генеральском доме подле той светлицы, где Мирон Аврамов обучать будет знаменовать*. И ежели повелено будет окончины зделать, паче в той, где сумы шьют, то весьма к тому способно будет, понеже в вышеозначенной немецкой школе определен сторож для топления печей, которой может и ту печь топить, в котором покое будут и механики обучаться...¹.

Резоны Бахорева понятны, вопрос с обеспечением сторожем и дровами немецкой школы был уже решен – она почиталась властями как самая престижная. Но начальство 22 ноября решило иначе:

Бахореву механике учеников обучать подле рисовальной и о том ему объявить, а сторожу во всех тех покоях, где ко мнению сочинения Устава, рисовальной и механике обучатца будут, быть одному, ибо те покои в одной связи имеютца, дрова к тем покоям, кроме комисче[й], употреблять из данных на школу².

Так, благодаря доношению Бахорева, начальство обеспечило сторожем и дровами школу знаменования и механики, обязало топить печи в них сторожу, обслуживавшему собрание представителей администрации и частных заводов по разработке и обсуждению норм Горного устава.

На зиму 1736 г. дрова в нее выдавались особо, с октября месяца³. В 1737 г. начальство о дровах школам «забыло», 20 октября Миронов сообщал Канцелярии: «время хладное, и [из-за] не топи оной школы

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 314.

² Там же. Д. 577а. Л. 314.

³ Там же. Д. 236. Л. 255.

печи ученикам обучаться и знаменить невозможно»¹. Только 31 октября последовало решение о выдаче дров всем школам.

Работа школы

Получив 3 ноября 1735 г. назначение учителем, 22 ноября Аврамов затребовал «припасы» для обучения школьников, которые ему были выданы из Канцелярии², и с 24 ноября начались занятия: это число указано в первой ведомости за 1735 г. как время «вступления в науку»³. Аврамову дали из арифметической школы четырех учеников: сыновей молотовых мастеров Ивана Борисова и Андрея Оберехтина, сына молотового подмастерья Ивана Юдина и солдата Семена Звонарева. Они были уже зрелыми юношами, первые двое 20 лет и двое 18. По-видимому, их отобрали как наиболее способных к рисованию и живописи. Все получали казенное жалованье. Сам Аврамов в декабре 1735 г. был в возрасте 37 лет, более солидным по сравнению с учителями, назначаемыми в арифметическую школу. Напротив фамилии каждого ученика помечено: «обучал гласки, ушки, губки начерно».

Следующее пополнение школы произошло через год, 22 сентября 1736 г.: снова направили четырех учеников, но уже из словесной школы: сына мастера Ивана Денисова, детей молотовых подмастерьев Кирилла Шагова и Тита Михалева (12 лет), сына капрала Гаврилу Панаева (15 лет). Но уже в декабре 1736 г. Звонарев и Оберехтин были взяты учиться геодезии⁴. В мае 1739 г. поступило еще семеро из арифметической школы (трое детей мастеров, кузнеца, капрала, солдата 12—14 лет: Агап Палкин, Павел Барышников, Иван Мокронос, Петр Коптелов, Степан Лопаницын, Егор Сунгуров⁵).

По «Учреждению» Татищева 1736 г. учащиеся школы знаменования в определенные часы должны были заниматься в арифметической школе, обучаться токарному, столярному, паяльному, гранильному мастерству, пробирному делу, а ученики арифметической, немецкой, латинской школ — дважды в неделю на

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. С. 223.

² Там же. Д. 226. Л. 167.

³ Там же. Д. 625. Л. 111.

⁴ Там же. Л. 113—114.

⁵ Там же. Д. 857. Л. 120.

два часа ходить к Аврамову, учиться рисованию. Но это предписание Татищева поначалу не выполнялось.

Только в результате особого настояния Татищева перед отъездом в Самару (июнь 1737), жалобы Юдина в Канцелярию, на то, что ученики немецкой школы «в тех науках не обучаются» (март 1738 г.), члены Канцелярии постановили: составить расписание занятий и раздать учителям, чтобы они знали, когда и в какие часы им нужно заниматься с учениками, приходящими из других школ¹.

В начале мая 1738 г. Аврамов сообщал в Канцелярию, что ученики из латинской, немецкой и арифметической школ, приходящие в знаменованную, «бумаги ...при себе не имеют, а требуют от оной школы», а лишней бумаги нет². Судя по аттестатам учеников знаменованной школы, и они в конце 30-х гг. XVIII в. посещали в определенные часы арифметическую школу и параллельно рисованию усваивали математику. Но, возможно, эта практика распространялась не на всех учащихся.

Учебные пособия школы

Основным пособием для обучения рисованию являлась книга Иоганна Прейслера (1666—1737), главы Нюрнбергской академии живописи, переведенная на многие языки в странах Европы. На русский язык книгу в 1734 г. перевел историк и библиотечарь Санкт-Петербургской Академии наук И. И. Тауберт и она была напечатана в академической типографии под названием «Основательные правила, или Краткое руководство к рисовальному художеству» (с параллельным текстом на немецком)³ и высоко оценивалась современниками. Не случайно Академия наук ходатайствовала перед Сенатом о распространении этого издания в школах России в качестве учебного пособия⁴. Книга переиздавалась в 1734 г., 1781 и 1795 гг.⁵ и, как отмечают специалисты, играла «...огромную роль в

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 117.

² Там же. Л. 118.

³ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725—1800). М., 1964. Т. 2. С. 469.

⁴ См.: *Луттов С. П.* Книга в России в послепетровское время (1725—1740). Л., 1976. С. 81.

⁵ Сводный каталог русской книги... Т. 2. С. 469—470.

художественном образовании на протяжении всего XVIII в.»¹ По ней учились рисовать даже в Российской Императорской Академии художеств.

Книга И. Д. Прейслера состояла из трех небольших по объему частей (22, 15 и 10 страниц), каждая часть имела по 18 иллюстраций. Это было первое руководство по изобразительному искусству, изданное на русском языке, которое должно было привить ученикам навыки рисования с натуры. Автор объяснял значение прямых и кривых линий, геометрических фигур и тел в теории и практике рисования. Обучение основывалось на геометриальном методе: при построении рисунка требовалось сочетание законов перспективы и знание анатомии. Но на практике обучение проходило путем механического перерисовывания таблиц-рисунков из книги И. Д. Прейслера.

Два экземпляра книги Прейслера в переплете были приобретены в Книжной палате Академии наук, согласно ее счету, в феврале и октябре 1736 г. И. Улихом по цене 1 руб. 90 коп. за экземпляр, еще четыре книги были отправлены в феврале 1739 г. с выпускниками Академической гимназии и переданы на хранение в библиотеку Екатеринбургa (одна без переплета)². Экземпляр книги числился и в личной библиотеке В. Н. Татищева в Екатеринбургe под № 333.

В Государственном архиве Свердловской области нами выявлен уникальный документ, поданный в Канцелярию Главного заводов правления библиотекарем Лаврентием Сехтингом в мае 1740 г., — рапорт о книгах, взятых из Екатеринбургской библиотеки и не возвращенных, несмотря на его напоминания³. Сехтинг просил Канцелярию, «чтоб повелено было объявленные книги собрать и возвратить по-прежнему в библиотеку, ибо у иных неоднократно просил, но оные их не присылают».

Рапорт Сехтинга дает нам представление о дополнительном круге литературы, использовавшейся в знаменовой школе. Учитель Мирон Аврамов оказался среди наиболее активных пользователей казенной библиотеки. В школу «для обучения» Аврамов взял в апреле 1737 г. 11 томов книг⁴. Среди них были специальные труды по

¹ Гравировальная палата Академии наук XVIII века. Л., 1985. С. 14.

² Сафронова А. М., Библиотека. С. 532-533, 545, 343.

³ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 222—226 об.

⁴ См.: Там же. Л. 223.

живописи и архитектуре, числившиеся в каталоге библиотеки В. Н. Татищева, оставленной им в июне 1737 г. в Екатеринбургe, перед отъездом к новому месту назначения — в Самару. Эти книги уже хранились в помещении казенной библиотеки, но отметим, до отъезда Татищева являлись его личной собственностью.

Среди книг — двухтомная «Кирхнерава Живопись» (видимо, это «Kunstpforte» (Врата в искусство) в двух частях, зарегистрированная в каталоге библиотеки Татищева под № 510; «Декерова. Архитектура цивялис» («Deikers Furstlicher Baumeister oder architectura Civilis, pars I. Augsp., 1711», № 329), «Перспектива хитрости наук» Шиблера («Schüblers persctivische Zeichen Kunst, pars 1, 1719, pars 2, 1720. Nürnberg[erg]»), «Аугсбургская золотая резьба» (Augsburgische Gold Arbeit), № 332 и 334. Труд Кларация «Arspictoria» («Искусство рисования») согласно каталогу книг Татищева являлся составной частью сборника, в который входили еще две книги: «Kromsemers Reisu[nd] Zeichnungs Buch», «Weigels schönste Blihmten» (№ 362—363) — «Кромсемера. Книга чертежей и рисунков», «Вайгеля. Красивейшие цветы»).

Были также взяты книги, имевшие богатые иллюстрации, по ним, видимо, совершенствовал свое мастерство сам учитель, они показывались учащимся, копировались ими. Это «Описание коронации» Анны Иоанновны (Москва, 1730) с 14 гравюрами, среди которых портрет императрицы, изображение короны, державы и скипетра; виды Успенского собора, в котором проходила коронация, и Соборной площади, заполненной народом; изображение фейерверка, устроенного в честь этого события, и др.

Учитель взял и одну из семи книг Ф. Х. Кевенгиллера (1584—1650) — «Анналы Фердинанда», о жизни курфюрста Бранденбургa Фердинанда (1578—1637), лейпцигское издание 1720-х гг. на немецком языке, также имевшие замечательные гравюры исторической тематики, в частности, изображения крепостей, битв, виды городов. Наряду с этими западноевропейскими изданиями были взяты и три «тома» книги И. Д. Прейслера. Три части книги не были, видимо, переплетены, поэтому и числились за учителем как три тома¹.

¹ См.: Сафронова А. М. Использование книг В. Н. Татищева и казенной библиотеки Екатеринбургa в 30-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2001. С. 296—337.

Все эти книги принадлежали лично Татищеву, они были взяты Аврамовым в апреле 1737 г., т. е. до отъезда Татищева с Урала. Поэтому можно с уверенностью говорить, что Татищев, владелец книг, разрешал библиотекарю Сехтингу выдавать свои книги учителям, позволял использовать иностранные издания для преподавания в школе, несмотря на высокую цену, заплаченную за них.

Из текста росписи следует, что учитель Аврамов обращался к Татищеву за нужной книгой и непосредственно, получал ее из его рук. «1737 году взято живописцом Аврамовым у его превосходительства 1) Ниренбергскую немецкая личная Библия в 2 листа», — записал Сехтинг¹. Это единственное указание на передачу книги самим Татищевым: видимо, Библия находилась у него на дому, он сам просматривал ее.

Возможно, иллюстрированная Библия помогала Аврамову не только в обучении живописному делу своих питомцев, но и в росписи церкви, в частности, на Сысертском заводе. Примечательно, что в июле 1738 г. Аврамов взял второй том этой Библии, изданной в Нюрнберге в 1720 г., уже у Сехтинга². Но этих 15 книг учителю было недостаточно, и в апреле 1739 г. он взял «Боклереву Фантальную хитрость», в декабре на него была записана «Краусова Хисторициская в лицах Библия»³.

Хотя эта книга Боклера не числится в каталоге библиотеки Татищева, она могла принадлежать только ему, так как списки поступлений книг в казенную библиотеку в эти годы нам известны, каталог же неполон. В первой партии литературы, переданной Татищевым в пользу заводов по приезду на Урал за плату, имелась другая книга этого же автора, известного немецкого архитектора и инженера Георга Боклера (1644—1698) — «Механика верная»⁴. Вероятно, сочинение Боклера об устройстве фонтанов имело красочные иллюстрации, которые могли перерисовывать ученики. Вторая книга, облюбованная учителем, — иллюстрированная Библия — прибыла в Екатеринбург в составе партии книг, высланных

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 223.

² См.: Там же. Л. 223 об.

³ См.: Там же. Л. 224, 226.

⁴ См.: Сафронова А. М. Екатеринбургская казенная библиотека горного ведомства: Первое приобретение книг В. Н. Татищевым в 1734 г. // Вторые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1999. С. 275.

Татищевым из Самары. Она дополнила двухтомную Библию Татищева.

Таким образом, на руках учителя знаменованной школы числилось по меньшей мере 15 томов, а учитывая три переплетенные вместе книги, 17 изданий. Поскольку в школе в эти годы имелось не более 10 учеников, можно говорить о хорошей обеспеченности их литературой, как учебной, так и иллюстративной. На требование вернуть книги в библиотеку, учитель Аврамов объявил в августе 1740 г. что «оные книги у него все налице при школе и ко обучению детей ему впредь надобны»¹.

На 1750 г. для обучения знаменованию Аврамовым было затребовано три книги «краткого руководства к рисовальному художеству Прейслерова» и «французские фигуры». Члены Канцелярии решили, что пособия Прейслера следует заказать в Берг-коллегию, а «фигуры к рисовальному делу неспособны». Аврамову предписывалось

...из архитектурных и прочих книг, которых при библиотеке довольно находится, выбрав способные, срисовать довольно число аккуратно и по регулом рисовального художества, и те ученикам для навыкания предложить².

Для обучения нужны были карандаши, кисти, краски. С конца 1735 г. списки на припасы, необходимые школам в следующем году, подавались члену Канцелярии Юдину, он оформлял сводные требования. В декабре 1735 г. «к живописному делу» было затребовано 28 названий красок, кисти хорьковые большие, средние и малые 200 штук, три барсучьи кожи; по 5 фунтов: щетин свиных, охры турецкой темной, скипидару, к рисованию карандашей красных и черных; хвостов хорьковых «пятков», александрийской бумаги три дести, картузной — шесть (десть — 24 листа)³. В. Н. Татищев вместе с А. Ф. Хрущовым приказали: краски, «каких нет здесь», карандаши, хорьковые хвосты купить на Ирбитской ярмарке, бумагу — в Москве⁴.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 232.

² Там же. Оп. 12. Д. 396. Л. 190.

³ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 20 об. — 21.

⁴ Там же. Оп. 12. Д. 228. Л. 108.

На 1737 г. учитель затребовал до 30 цветов красок, в том числе две «венецианской», умбру немецкую и турецкую, но члены Канцелярии уменьшили число красок наполовину, как и большинство других припасов. Решено было купить щетинок свиных 10 фунтов, шелку китайского на вязание кистей пять золотников, мыла 10 фунтов, золота червонного три «книги», в 20 «книгах» серебра было отказано. Утиных крыльев решено было купить 30 штук, как и просил учитель, гусиных же 30 вместо 50 и лебязьих 10 вместо 20¹.

На 1745 г. запрашивалось бумаги «на рисовку и тушевку» 12 дестей (№ 1), «александрийской на тушевку» — 12, «картузной серой на подкладки ученикам 8 листов», «мелу белого для рисовки» 5 фунтов, 40 хорьковых хвостов, клею на кисти фунт, «барсуков на кисти и на фленцыи 2», ниток на кисти фунт, дюжина толстых карандашей и т. д. Отдано было и шесть скамей в починку².

Иногда Аврамов заказывал припасы дополнительно: в октябре 1737 г. просил выдать 70 свечей «для остережения книг» и прочих, «имеющихся при школе припасов и картин»; плиту, изготовленную на гранильной фабрике, отполировать и передать школе для растирания красок³. Летом 1749 г. были заказаны на Ирбитскую ярмарку карандаши, чернила, хвосты хорьковые и беличьи для изготовления кистей, но до сентября их не купили, из-за этого в обучении произошла остановка. Поэтому решено было купить у купца в Екатеринбурге, хотя и дороже, половину карандашей, чернил 30 брусков, часть хвостов; заказать хвосты и на ярмарку, а 24 карандаша и две коробки чернил — в Берг-коллегию⁴.

Умения учеников

Умения учеников видны из их «удостоинств» и аттестатов, дававшихся Мироном Аврамовым как учителем в связи с подачей ими прошений об увеличении жалованья или определении к делам. Так, об Иване Денисове в июне 1742 г. Аврамов показал:

Токарного мастера Маркела Денисова сын ево Иван книги рисовальные прорисовал первую часть начерно, ту ж вторую и третью

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 13—14.

² Там же. Д. 1035. Л. 31—32.

³ Там же. Оп. 1. Д. 691. Л. 223.

⁴ Там же. Оп. 12. Д. 392. Л. 228—229.

части набело с прописьми, також де и Вольдеевы фигуры набело. Из иных книг рисовал и тушевал царские персоны и разные фигуры из Евангельских притчей, к тому ж рисовал монстров и другие разные фигуры в Главную Канцелярию и в аптеку здешнюю, о чем и в Канцеляри[и] небезизвестно есть, под которыми он, Денисов, и подписывался. Оной же Денисов обучает арифметики пята[ю] статью и в письме своем исправен и во всей помянутой науке против своей братьи учеников искуснее и в том деле силу знает лутчее¹.

Возможно, известный художник, уроженец Екатеринбургa, А. К. Денисов-Уральский (1863—1926) — потомок этого ученика, чьи авторские работы украшали стены наиболее важных учреждений Екатеринбургa? О Кирилле Шагове учитель отмечал, что и он «Волдеевы фигуры», «цветы» и «другие фигуры» рисовал в аптеку (1742 г.)².

Петр Коптелов писал о себе в 1749 г.: обучился

...знаменовать и тушевать, и грунтовать, и подмалевать, и на подмалевку краски составлять, и позолотить. Ныне состою в твержении трегонометрии, копирование чертежей и тушевать обучаюсь, сочинению планов, профилей и прешпектов, а в живописном обучаю[сь] отживке³.

Ученики знаменованной школы в случае срочных работ использовались в помощь чертежным ученикам для копирования планов заводов и рудников. В 1741 г., например, в школу выдавались бруски чернил и карандаши для «сочинения машинных и прочих чертежей»⁴.

В июне 1745 г. в условиях нехватки людей начальство назначило Миронова лесным надзирателем на Сысертский завод⁵, работа школы пресеклась. Но в октябре 1746 г. президент Берг-коллегии А. Ф. Томилов во время пребывания на Урале приказал возобновить занятия в знаменованной школе, а на Сысертский завод послать другого человека⁶.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 55.

² Там же.

³ Там же. Д. 1248. С. 440—441.

⁴ Там же. Д. 907. Л. 441.

⁵ Там же. Оп. 12. Д. 349. С. 111.

⁶ Там же. Д. 50. Л. 505.

После скоропостижной смерти Мирона Аврамова (он заболел во время обследования месторождения красок в Сысерти в мае 1753 г.) обучать школьников поручено было его лучшим ученикам Ивану Морозову и Егору Южакову «с переменою». С июня 1754 г. занятия стал вести Южаков, назначенный официально подмастерьем с жалованьем 18 руб. в год¹. В декабре 1757 г. жалованье ему было повышено до 24 руб., так как будучи подмастерьем, он продолжал совершенствовать свое мастерство. Знание арифметики, геометрии, умение рисовать планы и делать чертежи, рисовать и тушевать на бумаге, Южаков дополнил навыками грунтовать на дереве и холсте, «подтушевать, помалевать, вызолотить и отживить из масла (хотя не так, чтоб против чистой живописной работы умеет)...»². В 1762 г. Южаков был послан в Петербург для сопровождения каравана с мраморными изделиями и, как специалист высокого класса, оставлен на время в Берг-коллегии. Президент Берг-коллегии И. А. Шлаттер, автор «Обстоятельного наставления рудному делу», поручил ему роспись красками «по изданным им... чертежам плавильным и прочим горным печам и другим вещам, моделям по содержанию каждого качества...». Эту работу не мог выполнить живописец Академии наук, Южаков же раскрашивал модели на пробу «не хуже академического живописца»³.

Выпускники школы знаменования использовались в качестве помощников геодезистов при проведении ими картографических работ (Звонарев и Оберехтин, 1737 г.); Оберехтин в марте 1737 г. был послан с Иваном Шишковым в Казанское начальство для составления карты Закамской стороны⁴. Борисова в 1739 г. направили к камнерезным делам к мастеру Рейнеру, Шагова — в мае 1744; Михалева в 1745 г. — к доменному уставщику Орловскому⁵. Шагов с Михалевым в феврале 1744 г. просили, первый о прибавке жалованья (33 коп. в месяц ему, сироте, не хватало даже на пищу), Михалев же, сын подмастерья Сылвинского завода, просил о назначении жалованья. «Для свидетельства» своих умений каждый приложил свою «картину» — «Грот-фантан» и «Фантан» (они в деле

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 449. Л. 12.

² Там же. Д. 491. Л. 62—65.

³ Козлов А. Г. Указ. соч. С. 175—176.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. С. 509.

⁵ Там же. Д. 1035. Л. 37—38; Д. 1076. Л. 180.

отсутствуют). Путем распределения к делам просьбы этих юношей и разрешили¹.

Палкина и Коптелова начальство отказалось определить к мастерствам по их просьбе в 1746 г., приказало «доучиваться наукам»; в 1747 г. отказало распределить в кузницу и к слесарному делу. В 1748 г. Сунгуров и Коптелов просили определить их учениками резчика на Екатеринбургский монетный двор, куда требовались два человека с навыками рисования, но начальство решило направить туда менее способных Палкина и Пазникова. В 1750 г. Палкин и Денисов были определены в ученики инструментального дела, параллельно должны были совершенствовать свои познания в геометрии, тригонометрии, знаменовании, для чего по часу ежедневно обучаться этим предметам в школе². Коптелова зачислили в маркшейдерские ученики, а в 1750 г. произвели в унтер-шихтмейстеры Екатеринбургского завода³.

Воспитанник Аврамова Егор Сунгуров в 1749 г. был представлен надзирателем школ Ф. Санниковым на должность подмастерья знаменования и «малевания» в помощь учителю. В школе было уже более 20 учащихся, к тому же для обучения рисованию должны были приходить все ученики арифметической школы, приступившие к геометрии.

Но поскольку Берг-коллегия молчала на представление уральского начальства о назначении новых учителей, Сунгурову поручили «смотрение иметь... над каменною мраморною фабрикою и притом самому тому каменному делу и вождению машин практикою обучаться». В 1751 г. он официально был назначен смотрителем первой камнерезной фабрики Екатеринбургa⁴.

Деятельность школы рисования сыграла большую роль в подготовке специалистов для горных заводов: маркшейдеров, геодезистов, чертежников, ее выпускники направлялись и к новому для Урала мастерству — камнерезному делу. За короткий срок школа воспитала собственных рисовальщиков и живописцев, способных обучать молодежь. Навыки знаменования уральских школьников по достоинству были оценены и в столице.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1076. Л. 178.

² Там же. Оп. 12. Д. 351. С. 280—281; Д. 374. С. 347—348; Д. 405. С. 105—107.

³ Там же. Д. 402. С. 130.

⁴ Там же. Д. 389. С. 108—110; Д. 411. С. 35.

Не случайно в 1749 г. в Петергоф на шлифовальную мельницу для обучения «как машины удержать и ими действовать» были взяты 6 учащихся екатеринбургских школ и «совершенно обучены» «содержанию машин и действию», шлифованию и полированию агатов и прочих камней. В 1757 г. Кабинет императрицы Елизаветы Петровны затребовал в столицу к камнерезному делу уже 20 учащихся екатеринбургских школ, знающих геометрию, от 15 до 20 лет. Среди отправленных были и ученики, которые «знаменования, рисовать и тушевать исправно» умеют (Д. Левзин, С. Вонявин), «знаменования совершенно рисовать умеют» (Л. Морозов, Ф. Иванов, Н. Кайгородов)¹.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 963.

Глава 6.

УЧИТЕЛЯ ШКОЛЫ ПЕНИЯ И ИХ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА

Горнозаводские школы Урала с первого года их деятельности стали центрами приобщения учащихся к музыкальной певческой культуре, и инициатором этого начинания, как и многих других, стал глава заводов В. Н. Татищев. До 1735 г. главной формой обучения детей хоровому пению являлось их участие в церковных службах под руководством духовенства. В наказе заводскому комиссару 1723 г. Татищев предписывал, чтобы учащиеся школ по воскресным дням и праздникам во время утренней, дневной и вечерней служб читали по очереди церковные книги и обучались пению «согласно», т. е. хором. Если учесть, что 52 воскресных дня в году дополнялись тогда 37 праздничными, пение должно было стать постоянной практикой в среде учащихся словесной и арифметической школ Екатеринбурга. Но мы не имеем каких-либо данных о претворении в жизнь этого предписания до середины 1730х гг.

Во второй период руководства казенными заводами Урала и Сибири по инициативе Татищева в Екатеринбурге к школам словесной и арифметической с ноября 1735 г. добавились школа пения, ставшая первой на горнозаводском Урале. В ней должны были обучаться наиболее способные к этому учащиеся. Об этой школе не упоминалось в штатных расписаниях заводов 1735, 1737 гг., но учитель пения числился в словесной школе наряду с учителями чтения и письма.

Заводскими штатами 1737 г. предусматривалось даже два учителя пения в школе Екатеринбурга, но из-за выявившегося перерасхода годовых школьных сумм второй так и не был назначен. При этом размер жалованья учителю пения был установлен даже больше, чем учителю чтения и письма: 18 руб. в год против 12 руб.¹ Тем самым подчеркивалась особая ценность предмета пения и умения ему обучать. Примечательно, что все учителя пения назначались из ссыльнопоселенцев, как и учителя чтения и письма.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 651. Л. 2 об.

Школа пения начала действовать осенью 1735 г., 3 ноября в присутствии Татищева состоялось важное решение Канцелярии Главного заводов правления о назначении учителей в екатеринбургские школы. В словесную взамен одного учителя грамоты было назначено сразу четверо: двое для обучения чтению, учитель письма и особый учитель пения. Ссылный «черкашенин» Федор Корноушенков, до этого на протяжении года обучавший детей чтению и письму, занял первую и единственную на горнозаводском Урале первой половины XVIII в. должность учителя пения.

В декабре 1735 г. Татищев составил специальную инструкцию главному межевщику Игнатию Юдину, от имени Канцелярии курировавшему деятельность школ. В ней расписывался порядок посещения екатеринбургскими школьниками церковных служб для чтения книг и обучения пению, обязанности учителей по приводу, размещению учеников, контролю за их поведением¹.

В ноябре 1736 г. Татищев составил «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать». Этой инструкцией вводился новый порядок: помимо коллективных посещений церкви в праздничные дни, когда часть подростков участвовала в церковном хоре, предписывалось *«каждодневно посылать... в церковь по очереди по 2 или по 3 ученика читать книги и на крылесе петь»*. Видимо, эта норма должна была распространяться на учащихся всех словесных школ, действовавших при казенных заводах Урала. Особая оговорка делалась в отношении церковнослужительских детей, которые, как и дети мастеровых, солдат, подьячих, подлежали обязательному обучению в школах горного ведомства: их предписывалось *«учить пению по нотам, дабы в церкви искусными певцы быть могли»*².

Согласно расписанию занятий, составленному лично Татищевым и приложенному к «Учреждению», все дети, освоившие в словесной школе чтение и письмо букв, по субботам должны были начинать учиться петь в течение двух часов (с 10 до 12)³. В отношении учеников словесной школы это не должно было составлять

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 250—255 об.

² Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 240.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Т. 2. Л. 742.

сложностей, тем более субботным днем, когда подростки, как и их родители, обязывались присутствовать на церковной службе.

По-видимому, этот порядок вошел в повседневную практику. Во всяком случае, в связи с временной нехваткой церковнослужителей уральское начальство стало рассматривать школьников как подспорье в проведении церковных служб. Так, через несколько дней после отъезда Татищева в Самару, в июле 1737 г., старший член Канцелярии Главного заводов правления А. Ф. Хрушов, усмотрев, что при церкви в Екатеринбурге дьячка и пономаря нет, предписал избрать их прихожанам, а до определения их обязал приходить к церковной службе *«из учителей, определенных к обучению словесного, петь и писать, к чему брать им с собою из школьников для чтения, пения и протчей церковной услуги человек по пяти и к тому приходить им между собою с переменою...»*¹.

Первый учитель пения, Федор Корноушенков, был прислан в Екатеринбург с партией ссыльных из Сибирской губернской канцелярии без указания вины². Более года он проработал учителем пения. В январе 1737 г. Игнатий Юдин поставил вопрос о его увольнении по той причине, что Корноушенков оказался «по нотам пения недостаточен». Юдину же и поручили подобрать нового учителя³. Выразил желание обучать пению бывший дьякон Семен Иванов, тоже ссыльный. Но он недолго проработал в школе: в феврале сменил Корноушенкова, а в мае скончался⁴.

Третий учитель, Феофилакт Митенев, оказался самой достойной кандидатурой и успешно проработал в школе с июня 1737 г. по сентябрь 1744 г., т. е. более семи лет. Он был сослан на вечное житье в Сибирь за утрату из московской Военной канцелярии, где был у прихода-расхода денежной казны, 1862 рубля; деньги удалось вернуть, но Митенев, битый кнутом, на этом завершил свою карьеру канцеляриста.

Он бывший монах, вполне образованный по тем временам человек. Прибыл в ссылку в Екатеринбург в сентябре 1736 г. из Казанской губернской канцелярии вместе с Семеном Ивановым,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 246. Л. 54—55.

² Там же. Оп. 1. Д. 692. С. 48.

³ Там же. С. 39—40.

⁴ Там же. Д. 692. С. 50.

своим предшественником в учительской должности. В прошении о зачислении учителем чтения, письма и пения в одну из горнозаводских школ в январе 1737 г. указал: «ныне скитаюся ни у какого дела»¹. В тот самый день, когда Иванова назначили учителем пения, Митеневу предложили подождать известия, есть ли дети, годные по возрасту в школу на вновь строящихся заводах².

Кандидатура Митенева на должность учителя была предложена Юдиным начальству очень оперативно — 19 мая 1737 г., в тот же день, когда скончался Иванов: «А к тому пению искусство имеет из ссыльных же Феофилакт Митенев, которой ныне обретаетца на время у письма при строении пильной мельницы на речке Кунгурке», т. е. к этому времени он успел найти себе приработок «у письма». Митенева вызвали в Екатеринбург, и 10 июня он приступил к исполнению новых для него обязанностей учителя пения³.

Именно Митенев внес наибольший вклад не только в обучение детей пению, но и в развитие музыкальной культуры в Екатеринбурге. Как будет показано ниже, при нем увеличилось число учащихся в школе, он проявил большую активность в пополнении числа учебных пособий, по собственной инициативе занялся перепиской нотных книг, собственноручно переписав более 15 из них. Осенью 1744 г. из центра пришел указ об отпуске Митенева в Военную коллегию, 25 сентября он сдал свои дела учителю грамоты, тоже ссыльному, Семену Иванову⁴.

На освободившееся место сразу же никто не был определен. Только в феврале 1745 г. машинный подмастерье Иван Сусоров, назначенный к надзору школ, подал доношение об этом уральскому начальству, и 25 числа последовало распоряжение: «доучить» детей пению Никите Афонасьеву⁵. О личности этого человека имеется справка в другом деле, составленная в 1735 г. в связи с просьбой Уктусской конторы открыть школу при заводе и определить Афонасьева учителем грамоты. Афонасьев — тоже ссыльный, бывший иеромонах, в Новгородской епархии при

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. С. 45.

² Там же. Оп. 12. Д. 241. С. 77.

³ Там же. Оп. 1. Д. 692. С. 497, 508.

⁴ Там же. Д. 1035. Л. 214—217.

⁵ См.: Там же. Д. 1128. Л. 120—121.

Бежецком монастыре был инквизитором (судьей). Сослан «за многие... продерзостные поступки и за пьянство, и за блудодеяние с некакими женками»¹. Более семи лет, с 1735 по 1742 г., вплоть до закрытия школы, Афонасьев учительствовал на Уктусском заводе, после освобождения от должности пожелал остаться в Екатеринбургe. Неясно, «доучивал» ли он детей пению, никаких документов об этом в деле не имеется, в том числе и об определении жалованья.

В августе 1745 г., в связи с поиском второго учителя грамоты для Екатеринбургской словесной школы, в уральской Канцелярии констатировалось, что учителя пения в ней так и нет. Среди четверых грамотных ссыльных, не определенных к делам, был представлен и Афонасьев. Он согласился учить чтению половину учеников, а если обучать еще и письму всех учащихся (поскольку другой учитель сам писал плохо), то с повышением оплаты с 18 до 24 руб. и с условием: разрешить доучить в школе 25 вольных детей, обучавшихся у него на дому².

Только в феврале 1746 г. вопрос о назначении Афонасьева был решен. Видимо, тот согласился с условиями начальства: с марта за 18 руб. учить чтению половину учеников, письму — всех «приспевших», еще и доучить пению бывших подопечных Митенева, «ибо он в том искусство имеет». Афонасьеву разрешили в помещении школы заниматься и со своими домашними учениками, только не по казенным книгам, а по их собственным³. Вряд ли при такой нагрузке учитель мог должное внимание уделять пению, скорее всего — учить всему понемногу и вряд ли успешно. В октябре 1748 г. Афонасьев скончался⁴. Назначенный на его место бывший копиист Андрей Семенов, находившийся в отставке «за старостию и болезнями», обучал только чтению и письму в течение 10 месяцев, после его смерти — с сентября 1749 г. — престарелый отставной копиист Иван Ашерин⁵.

Таким образом, после ухода Митенева в 1744 г. школа пения фактически перестала существовать, занятия Афонасьева пением параллельно с обучением грамоте нескольких десятков детей вряд ли

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а, Л. 159—160.

² Там же. Оп. 1. Д. 1128. Л. 92—95.

³ См.: Там же. Л. 97—98.

⁴ См.: Там же. Л. 33.

⁵ См.: Там же. Оп. 12. Д. 384. Л. 130—132; Д. 392. Л. 50—51.

были длительными. Специальный учитель пения не назначался: в 1742 г. в связи с хронической нехваткой выделенных штатами школьных сумм пришлось сократить даже сеть словесных школ и категории детей, содержавшихся на жалованье. Берг-коллегия на представления Канцелярии Главного заводов правления о нехватке штатных сумм, сделанные в 1742 и 1745 гг., не отвечала.

Только в октябре 1746 г. прибывший в Екатеринбург президент Берг-коллегии В. Томилов на поданный ему «экстракт» о школах внес ряд важных предложений, в частности, счел нужным учить детей пению и музыке, иметь для этого особого учителя с жалованьем 18 руб. в год¹. В декабре 1746 г. Канцелярия постановила: «о музыке, како обучать, требовать наставления», но объемный запрос, касавшийся всей организации школьной жизни, был подготовлен для отправки в Берг-коллегию только в декабре 1747 г.², последняя на него не отреагировала, как и на повторный запрос 1748 г. Только во второй половине XVIII в. возобновила действие «певчая школа»: в 1757 г. упоминается ее учитель Варокин.

Документы содержат очень скудные сведения об учащихся школы пения 1730—1740-х гг. Официального набора в нее не проводилось. Ученики приходили из других школ — словесной, арифметической, латинской. Учитель сам отбирал детей, отличавшихся музыкальным слухом и голосом; возможно, и отцы, любители пения, просили взять их сыновей на обучение. Начальство никак не вмешивалось в этот процесс, поэтому никаких документов на этот счет в делах Канцелярии, делах отвечавшего за деятельность школ И. Н. Юдина не откладывалось. Внутренняя же документация школ не сохранилась.

Ведомостей об успехах своих учащихся по третям года учителя пения в Канцелярию не подавали. Поскольку приходящие к обучению пению подростки официально числились за другими школами, в ведомостях этих школ, поступавших Юдину по третям года, упоминалось о продвижении некоторых учеников в певческом искусстве. Но сведения эти были далеко не полными и касались, вероятно, наиболее способных подростков, большее время проводивших у учителя пения. Так, в ведомости о детях духовенства, обучавшихся в школах горного ведомства, составленной в декабре 1739 г. для Генерал-берг-директориума, в словесной школе были

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 50. Л. 504—505.

² Там же. Д. 371. Л. 336.

показаны в пении шесть человек из восьми, а в латинской из 32 — ни одного¹.

Отдельные упоминания об обучении пению встречаются в документах о «разборе» учащихся в 1742 г. В словесной школе из 14 учащихся, не подлежавших обучению с жалованьем, названы дети копииста Пахотинские Сергей и Иван, 9 лет, первый «пел троеголосную обедню», второй — «греческие двенадцатые праздники». Об ученике арифметической школы сыне лесного надзирателя Андрее Пивоварове, 14 лет, значилось: «в певчей школе»².

Сам учитель пения Митенев дважды приводил сведения о числе своих подопечных. В связи с нуждой в новых пособиях сообщал в доношении Юдину о наличии у него в июле 1737 г. 34 учеников. В связи с изъятием певчих книг в пользу Кунгурской школы в декабре 1738 г. упомянул в Канцелярии, что у него учится 56 подростков³. Ясно, что число учащихся в школе пения постепенно увеличивалось, и хор из 56 голосов должен был звучать очень мощно.

Обучение пению было невозможно без специальной литературы. Постепенно при школе было сформировано богатое книжное собрание. Вскоре после назначения Корноушенкова (ноябрь 1735) была введена практика сбора заявок у учителей на приобретение учебных пособий на следующий календарный год. Заявки подавались члену Канцелярии Юдину, который составлял сводную ведомость о припасах для всех школ, рассматривавшуюся на заседании Канцелярии. В словесную школу на 1736 г. Корноушенков затребовал

...к пению книг нотных: Ермологов числом десять, Октаев нотных на восемь голосов числом десять, Триодей нотных числом пять, Обиходов или Трезвонов числом четыре, киевских Ермологов нотных числом пять», всего 34 пособия⁴.

Чтобы лучше представить содержание этих книг, те знания, которые они могли дать учащимся, воспользуемся сведениями, имеющимися в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 820. Л. 786—789.

² Там же. Д. 2321. Л. 109 об., 108.

³ См.: Там же. Д. 693. Л. 185; Д. 820. Л. 18.

⁴ Там же. Д. 624. Т. 1. Л. 18.

Ирмологий содержит молитвы, которые поют при богослужении: ирмосы, песнопения литургий, тропари воскресные, об усопших, песнопения утрени, особые стихи на праздники Господние и Богородичные, песни Священного Писания и др. Ирмологий нотный содержит лишь ирмосы и припевы 9-й песни канонов, причем с нотами для пения по особой, усвоенной церковью с древних времен нотной системе¹. Таких книг заказывалось 15, в том числе 5 нотных.

Октоих нотный (от греч. *ὀκτώ* — восемь и *ἦχος* — голос, «осьмигласник») — церковно-богослужебная нотная книга, в которой песнопения построены на восьми гласах. По их числу книга разделяется на восемь частей. Первую часть составляют мелодии для песнопений первого гласа, вторую — для песнопений второго гласа, и т. д. Все мелодии песнопений написаны знаменным и киевским распевами². Таких пособий требовалось 10 экземпляров.

Знаменный распев — наиболее старинное пение православной церкви, записанное особыми безлинейными знаками, славянскими и греческими буквами в разных положениях, называемых знаменами, отчего и распев, записанный такими знаками, называется знаменным. Знаменное пение называется еще и *столповым*, потому что на славянском языке знак называется столпом. Первые сохранившиеся записи знаменного распева относятся к XII в. Это пение основано на осмогласии, т. е. на восьми гласах, или музыкальных ладах, заимствованных из греческой церкви. Под словом «осмогласие» не следует подразумевать хор, положенный на восемь голосов, оно обозначает пение церковных мелодий, написанных сообразно требованиям церковных ладов или гласов. На них основаны все песнопения, называемые ангелоподобным пением. Безлинейные ноты знаменного распева бывают черными (тушевыми) и красными (киноварными). Черные знаки, или крюки, изображают звуки неизменные, красные — переменные. Мелодии знаменного распева переведены на линейные ноты³.

Киевский распев, имеющий в основе все восемь гласов, появился позже знаменного, он стал известен во второй половине XVII в.

¹ См.: Ирмологий // Энцикл. слов. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1894. Кн. 25. С. 342.

² См.: Октоих // Там же. СПб., 1897. Кн. 42. С. 850.

³ См.: Знаменный распев // Там же. СПб., 1894. Кн. 24. С. 617; Глас // Там же. СПб., 1893. С. 826.

и встречается в нотных рукописях безлинейных и линейных книг. Мелодия киевского распева разнообразна и легко поддается гармонизации¹.

Триодь объединяет две богослужебные книги, в которых содержатся каноны не полные, а состоящие чаще из трех песен. *Триодь постная* содержит песнопения для дней приговорительных к Великому посту, самого Великого поста и Страстной недели, выражающие чувство покаяния. Это песнопения Андрея Критского, Козьмы Маюмского, Иоанна Дамаскина, Иосифа и Феодора Студитов и других авторов. *Триодь цветная* — это молитвословия от первого дня Пасхи до недели Всех Святых. Начало ее применения в богослужении совпадает с началом весны, временем цветов. Это песнопения, посвященные трем важнейшим событиям — воскресению Христа, его вознесению и сошествию Святого Духа на апостолов. Песнопения цветной триоды, как и постной, — произведения многих неизвестных писателей, а имена известных относятся к V — XIV вв. Знаменитейшие из песнопений принадлежат Иоанну Дамаскину (Златоусту)². Для екатеринбургских школьников заказывалось 5 экземпляров триодей.

Обиход церковный — книга, в которой церковные песнопения, постоянно употребляющиеся при богослужении, положены на ноты церковных напевов для руководства на клиросе — месте в православном храме, где помещаются во время богослужения чтецы, певчие, а также лица священного сана, если они не принимают участия в богослужении, а лишь помогают в чтении и пении, например, дьяконы. В Обиходе нотного пения содержатся главные песнопения вечерни, утрени, литургий Златоуста, Василия Великого, тропари, величания, припевы и пр. Кроме обыкновенного Обихода, есть сокращенный («учебный»), он назначается для обучения церковному пению в духовных училищах, хотя употребляется и в церкви. В нем имеется азбука нотного пения³. Обиходов заказывалось 4 экземпляра.

¹ См.: Киевский распев // Там же. СПб., 1895. Кн. 29. С. 261.

² См.: Триодь // Энцикл. слов. / Ф.А. Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1901. Кн. 66. С. 860.

³ См.: Обиход церковный // Энцикл. слов. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1897. Кн. 42. С. 508.

Сам состав и количество затребованных певчих книг подтверждают серьезность намерений в отношении обучения пению школьников. Уральское начальство в лице В. Н. Татищева и А. Ф. Хруцова, рассматривая 10 января 1736 г. заявки учителей, согласились с заказанным Корноушенковым составом певчих книг и их количеством¹. Комплект из 34 книг предписывалось купить на Ирбитской ярмарке вместе с часословами и псалтирями для словесных школ². Они вошли в роспись припасов, отправленную для исполнения в Екатеринбургскую казначейскую контору³.

Примечательно, что в январе того же 1736 г. в Канцелярию поступило доношение из Сысертской заводской конторы с просьбой приобрести церковную утварь и книги для строящейся при заводе церкви⁴. Список заказанных книг был довольно широк: «Евангелие..., вместо Октоихов — Шестоднев, Апостол, Служебник, Устав церковной, псалтирей со Следованием да малую часослов, Треодей посную и цветную, Минею праздничную, Ермолог, Требник малой, Минею общую». Уральское начальство и эти книги распорядилось приобрести на Ирбитской ярмарке⁵.

В марте 1737 г. в реестре недокупленных на ярмарке припасов, поданном в Канцелярию из сысертского заказа, упоминались «Устав церковной», «Евангелие толковое», «Октоих на 8 голосов», «Минеи месячные во весь год»⁶, т. е. часть книг для церкви Сысертского завода найти удалось. Для Екатеринбургской же певчей школы не было куплено ни одной (по экземпляру Триоди и Ирмология, заказывавшихся и в школы, передали церкви). Ясно, что круг певчих книг на Ирбитской ярмарке был весьма ограниченным как по названиям, так и по численности.

Несмотря на первый невыполненный заказ при формировании заказа учебных книг на следующий, 1737-й год, в ноябре 1736 г. Корноушенков затребовал 16 новых пособий: по четыре экземпляра

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 18 об. — 19 об.

² См.: Там же. Л. 24—24 об.; Оп. 12. Д. 228. Л. 108.

³ См.: Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 25—26.

⁴ См.: Там же. Оп. 12. Д. 288. Л. 33—34.

⁵ Там же. Д. 288. Л. 34.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 693. Л. 75—76.

Октоихов, Праздников, Триодей (все на четыре голоса); по два экземпляра Ирмосов «киевских» и «столповых»¹. Хотя в отношении этих книг отвечающий за деятельность школ И. Юдин пометил: «Купить», в реестр припасов, подлежащих закупке, начальство включило только Октоихи и Праздники — 8 книг.

«*Праздники греческие*» — это нотная книга, содержащая песнопения на двенадцатые Господские и Богородичные праздники, расположенные в том порядке, в каком праздники следуют в году, начиная с сентября. Песнопения принадлежат в основном большому знаменному распеву, а также малому. Поскольку в печати книга появилась только в 1772 г.², она должна была приобретаться в рукописи.

Уральская Канцелярия в ноябре 1736 г. отправила в московскую контору Коммерц-коллегии промеморию о приобретении припасов с приложением их реестра³. Из невыполненного заказа учебной литературы на 1736 г. в новый заказ включили и 34 певческие книги. Вошли в него и книги, которые не были куплены на Ирбитской ярмарке для церкви Сысертского завода: Устав церковный, Евангелие толковое, Минеи месячные на весь год⁴. Адресуя заказ певчих книг в Москву, в контору Коммерц-коллегии (а не в Петербург, где действовала сама коллегия), Татищев «с товарищи» исходили, видимо, из того, что на книжных рынках Москвы легче найти эти книги, чем в столице.

Но выполнить заказ контора Коммерц-коллегии не смогла: в это время она уже прекратила заниматься делами заводов. В столице для управления горной промышленностью России был учрежден специальный орган — Генерал-берг-директориум, в Москве появилась его контора. Указом директориума от 21 сентября 1736 г. об этом ставилась в известность уральская Канцелярия. 17 января 1737 г. в контору директориума было направлено новое требование

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 16.

² См.: Праздники // Энцикл. слов. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1898. Кн. 48. С. 943.

³ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 36—37.

⁴ Там же. Л. 32—35.

уральского горного начальства о покупке припасов, не присланных конторой Коммерц-коллегии¹.

Коммерц-коллегия передала новому учреждению нерешенные дела, относящиеся к заводам, и 16 января 1737 г. Генерал-берг-директориум сам приказал подчиненной конторе приобрести припасы для отправки на Урал. Но найти «певчие» книги и в Москве оказалось делом непростым. Только весной удалось выполнить часть заказа, и 28 марта промемория московской конторы об отправке книг с солдатом Екатеринбургской роты Федором Ухиревым была отослана в Екатеринбург, 30 апреля она легла на стол уральской Канцелярии².

В списке припасов числились: «Ермологов простых нотных» — 10 экземпляров, столько же «Октаев на восемь голосов нотных», «Обиходов или трезвонов нотных» — четыре, «Треодей посных нотных» — три, «Октаев четвероголосных нотных» — четыре, «Праздников четвероголосных» — один экземпляр. Далее следовал список не купленных «за скорым отправлением» припасов, среди которых — 10 книг. Не удалось разыскать на книжных рынках Москвы нужное число Триодей (приобретено три из пяти заказанных), Праздников (достали лишь один вместо четырех), Ирмологий киевского распева нотный отыскать вообще не удалось, а затребовано было пять.

Примечательно, что промемория прибыла в Екатеринбург без книг — единственный случай, когда припасы, о которых сообщалось, что они «куплены и отправлены», застряли в пути (как оказалось впоследствии, в Нижегородской губернской канцелярии). По указу Московской конторы директориума губернское начальство отправило их в Екатеринбург как только установился санный путь, и только 9 января 1738 г. книги вместе с аспидными досками были доставлены солдатом Турсуковым, 20 января о них последовало распоряжение уральского начальства, и через три дня книги принял регистратор школьного поветья Канцелярии Иван Аистов³.

История с закупкой «певчих» книг весьма показательна: книги, затребованные учителем осенью 1735 г., не удалось приобрести на Ирбитской ярмарке, только в ноябре 1736 г. старый и новый заказы

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 64—68.

² Там же. Л. 95—100.

³ Там же. Л. 210.

адресовали Московской конторе Коммерц-коллегии, оказавшейся упраздненной, в январе 1737 г. переадресовали его конторе Генерал-берг-директориума. Два месяца у последней ушло на поиск книг в Москве, приобрели только часть пособий, да и те затерялись в пути на две недели.

Еще до получения самих книг уральское начальство «поработало» с поступившим 30 апреля списком и, судя по пометам, решило не требовать не докупленные Триоди, Праздники, киевские Ирмосы (10 книг из 42): напротив них выведено: «не надобно» и «нен.». Делопроизводителями Канцелярии был составлен очередной реестр припасов, затребованных из Москвы, в особой графе отмечалось, что куплено и чего не следует покупать.

Промемория в Московскую контору директориума с требованием прислать не докупленные припасы и не приобретать часть запрошенных ранее ушла 11 мая 1737 г.¹ Еще до ее прибытия служащие московской конторы смогли приобрести по три экземпляра Праздников и киевских Ирмосов «нотных»². Промемория о их приобретении прибыла в Екатеринбург 16 августа 1737 г., сами же книги пришли позже. Как извещала московская контора, их вручили с прочими припасами капралу Екатеринбургской роты Ивану Евтюгину, привезшему в Москву на трех больших стругах деньги для Монетной канцелярии и серебро. Московское начальство сообщало, что струги «за великостию их и за нынешним моловодиём никак отсюда спровадить невозможно»³. Только 8 декабря Евтюгин добрался с припасами до Екатеринбургa, подал доношение о их приеме. Примечательно, что и в данном случае уральское начальство не торопилось: лишь 16 января 1738 г. книги были приняты у Евтюгина тем же регистратором школьного повывья Канцелярии Аистовым⁴.

Таким образом, школа пения в январе 1738 г. получила сразу же 38 пособий для обучения певческому искусству. До прибытия литературы из Москвы учителя, по-видимому, использовали свои собственные книги, брали на время книги и из церкви Святой

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 110—111.

² Там же. Л. 117.

³ Там же. Л. 112.

⁴ Там же. Л. 210.

Екатерины, действовавшей в Екатеринбурге с 1726 г. Так, учитель пения Семен Иванов в марте 1737 г. ходатайствовал о выдаче пособий из церкви. И уральское начальство распорядилось отдать на руки главному межевщику Юдину «книги певчие шести голосов Литургии казенные» с предписанием: «когда случится петь в церкви, тогда брать из школы»¹. По этому поводу был отправлен специальный указ Екатеринбургской полиции. При промемории, подписанной главой полиции Карлом Брандтом, шесть книг, содержащих литургию, были доставлены Юдину, который при письме передал их в словесную школу. На последнем — роспись учителя Семена Иванова, отвечавшего с этого дня за сохранность этих пособий².

Согласно счетной выписке из приходо-расходных книг церкви Святой Екатерины за 1733—1735 гг. (составлена в связи со сменой церковного старосты), сама церковь приобрела эти книги в ноябре 1735 г. у частного лица: «куплены певчие книги шести голосов Литургии капитана командора за секретаря Ивана Селиванова» за 62 коп. Это, кстати, единственная покупка книг за эти годы. В том же году зафиксирована выдача денег за переплет (видимо, этих же книг): «к переплету книг певчих дано за работу 75 коп.»³.

Вероятно, после прихода в церковь нового священника взамен арестованного в мае 1737 г. и высланного к следствию протопопа Ивана Фроловского порядок передачи церковных певчих книг в школу упростился. Во всяком случае, Феофилакт Митенев через месяц после назначения учителем уже по собственной инициативе, без посредничества начальства, взял книги, причем значительное число. В июле 1737 г. он сообщал главному межевщику Юдину: «Понеже имелось в школе пения книг шестиголосная Обедня только одна, а ныне взял я из церкви Великомученицы Екатерины у священника Иякова с росписью девять книг певчих, а имянно: Обиход во весь год киевского роспеву четвероголосно, Праздники греческого роспеву четвероголосные, Ирмологий столповского роспеву во весь год, а по скаске Козьмы Федосеева, которой был у той церкви дьячком, что те книги государевы...»⁴

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 182.

² См.: Там же. Л. 183—184.

³ Там же. Д. 677. Л. 378, 392.

⁴ Там же. Д. 693. Л. 185.

Но и этой литературы для хорошей подготовки певчих, по мнению учителя, было мало. Митенев заявил:

...надлежит быть у науки книг одногослсных и четверогослсных и штигослсных и осмигослсных, ибо оная наука бес того состоять не может, чего ради и ныне есть не без нужды, понеже школьных учеников в пении у науки имеетца тритцеть четыре человека»¹.

Он просил вынести определение о взятых в церкви книгах и решить вопрос о недостающих. По прошествии месяца начальство распорядилось: «оныя книги приняв, записать в приход, а ежели вознаграбятца к пению в церковь, то брать из оной школы и паки возвращать во оную школу»². Таким образом, постоянным пользователем взятых из церкви книг, а по сути — и фактическим обладателем стала Екатеринбургская словесная школа.

Учитель пения Митенев за недостатком пособий пытался организовать переписку нотных книг. Об этом свидетельствует его доношение, поданное на имя Юдина 15 июня 1737 г. Обратим внимание, уже на пятый день после вступления в должность Митенев просил выдать ему «для письма нотных книг бумаги книжной доброй 3 дести, для линеваания купоросу 15 золотников, для писания ноты чернил орешковых бутылку, камеди 5 золотников, киновари 5 золотников, губку в киноварницу, облетуру зделать иконнику»³.

Через три недели в Канцелярии рассматривали доношение Юдина об этом (согласно субординации, именно он обращался к начальству). Поскольку при Канцелярии этих припасов не оказалось в наличии, кроме чернил, предписывалось все необходимое купить Казначейской конторе, а чернила орешковые брать «к сочинению книг», когда понадобится, из Канцелярии⁴.

Перечень припасов, составленный учителем, показывает, что он хотел начать переписку в небольшом объеме: три дести бумаги — это всего 72 листа, при этом соблюсти красоту: использовать киноварь, облечь книгу в красивую обложку. В справке Казначейской конторы о выдаче бумаги учителям за пять месяцев 1738 г. находим: требовано

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 185.

² Там же. Л. 186.

³ Там же. Л. 188.

⁴ См.: Там же. Л. 192.

на 1738-й г. «к пению для писания нотных книг книжной доброй одна стопа», писчей — полстопы. Выдано Митеневу с расписками — «доброй первого номеру» стопа – это 480 листов¹.

В декабре 1738 г. учитель представил замещавшему Юдина в надзоре за школами механику Бахореву 15 «написанных» им книг: четыре Октоиха на восемь голосов, «киевский» и «греческий» Обиход, «Обедни шестиголосны», «Канцерты троеголосные партесные», «Праздники греческие» (число отдельных книг, за исключением Октоиха, не указывалось)². Он просил записать их в приход.

Таков был итог полуторалетней самоотверженной деятельности Феофилакта Митенева, дополнительной к его каждодневному труду по обучению школьников. К переписке книг его никто не принуждал, не оплачивал этот дополнительный труд. Он занимался перепиской книг по собственной инициативе, движимый единственным желанием хорошо выполнять порученную ему обязанность, обучить своих подопечных всем тонкостям церковного пения.

Обратим внимание на термины *греческий Обиход*, *Праздники греческие*. Их употребление означает, что в Екатеринбурге имелись линейные нотные книги, написанные современным греческим распевом, введенным в России юго-западными певцами, особенно благодаря иеродьякону Мелетию, приглашенному в 1655 г. Алексеем Михайловичем для обучения русских этому пению. Ревностным приверженцем греческого распева, проникнутого замечательной мелодичностью, и его активным распространителем был и патриарх Никон.

Отметим, Митенев переписал и светские партесные трехголосные концерты. Партесный концерт – это жанр хоровой многоголосной музыки на православные литургические и (реже) свободно сочинённые тексты, получивший распространение в России второй половины XVII и в XVIII в. Партесный концерт первоначально задумывался как церковная музыка, позже стал звучать и в публичных светских концертах, исполнявшихся, как правило, по торжественным случаям, будь то исторические события или тезоименитство монархов, рождение наследников. Партесное

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л.120.

² Там же. Д. 762. Л. 1077.

пение как многоголосное хоровое пение, разделенное на голоса или партии, пришло в Россию с Запада в XVII в., его любителем был Петр I, сам исполнявший на клиросе басовую партию.

Неугомонный Митенев, представляя Бахореву 15 переписанных им певчих книг, не хотел останавливаться на этом, готов был продолжить роль переписчика. Он сообщал: «к тому ж потребно еще писать нотных книг, на что и бумага есть», и, хотя указом Канцелярии полагалось дать краски камеди и чернил китайских, но «по се время не дают», и просил решить вопрос с их выдачей.

Митенев подал это доношение в декабре 1738 г., помета же механика Бахорева, замещавшего отсутствовавшего Юдина (о красках — *представить*, о книгах — *записать*), появилась лишь 26 марта 1739 г., по прошествии четырех месяцев! В отпуске доношения в Канцелярию Бахорев вычеркнул два слова о Митеневе, что он «непрестанно просит» о выдаче припасов, но указал, что из-за отсутствия нужных книг происходит остановка в учении¹. Это еще один яркий пример замедленной реакции со стороны школьного начальства, резолюции же членов Канцелярии на доношение Бахорева в деле вообще отсутствует.

Как ясно из документов, приобретенные казной певческие книги из школьного поветья Канцелярии передавались в школу и подлежали учету как материальная ценность вместе со школьными документами. Отвечал за их сохранность учитель пения, который передавал их с описью при увольнении новому учителю. Подлежали учету как собственность школы и книги, взятые из церкви, переписанные Митеневым, а также купленные взамен утерянных. Об этом свидетельствуют распоряжения начальства: «приняв, записать в приход», «записать в приход»². Постоянным же местом их хранения являлась словесная школа.

Осенью 1737 г. именно учитель пения Митенев доносил «словесно» надзирателю школ, что надо в школу к окнам изготовить 16 затворов и к ним 32 петли, под кровлею «по концам» забрать досками или горбылем, «дабы оттого наносу в школу течи не было». Для хранения книг «к пению» просил сделать ящик с петлями и два

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 762. Л. 1078.

² Там же. Д. 691. Л. 186; Д. 762. Л. 1079.

висячих замка¹. Ясно, что книги пения хранились в словесной школе отдельно от азбук, часословов и псалтырей, за которые отвечали учителя, обучавшие грамоте.

Благодаря сказке Митенева, данной в декабре 1738 г. в Канцелярии в связи с требованием начальства поделиться книгами с Кунгурской словесной школой, становится ясна последовательность обучения пению. Сначала дети овладевали Октоихом (это были самые ходовые книги), потом приступали к изучению Праздников, Ирмосов и других:

Книг в учении Октаев одногласных 15, четвероголосных 4, к тому же за неизменем Октаев многие по своим учатся. Праздников четвероголосных 6, из них учатся ныне по двум, Ирмосов одногласных 11, из них учатца ныне по двум. И те Праздники и Ирмосы, которые не в учении, к учению надобны по выходе из изучения Октаев, и потому излишних в школе пения как Ооктаев, так и Праздников и Ирмосов не имеетца².

Примечательна оговорка Митенева о том, что «многие» дети за недостатком казенных Октоихов учатся по своим книгам, т. е. в семьях жителей Екатеринбурга имела певческая литература, дети не случайно становились продолжателями семейных традиций, а под руководством учителя могли продвинуться и дальше отцов в овладении культурой пения.

Из доношения Митенева мы получаем интереснейшую информацию о любителях церковного пения, имевшихся в Екатеринбурге, располагавших собственными книгами, и временных пользователях школьного собрания. В 1737 г. какие-то книги «в Преображенъев день брали для пения копейист Яков Протодияконов с товарищи и потеряли, вместо которой... взято в школу купленных ими у подканцеляриста Рожина 4 книги Праздники и греческого распева»³. Возможно, утраченными и являлись именно Праздники, переданные в 1737 г. в школу из церкви, они и были возмещены за счет покупки у частного владельца. Имелся и другой случай пользования школьными книгами и их утраты. В сдаточной описи школьных припасов 1744 г. констатировалось: «да вместо потерянаго Яковом Барановым

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. Л. 224—225.

² Там же. Д. 820. Л. 18.

³ Там же. Л. 1077.

тенорового голоса взято с него в школу Праздники четыре голоса греческого распеву»¹.

Опись школьных припасов, составленная в связи с уходом Митенева из школы в сентябре 1744 г., дает полное представление о количестве и составе книжного собрания школы пения². К этому времени оно включало по меньшей мере 90 книг, как печатных, так и рукописных. 57 книг были приобретены казной (в описи: «взятых из Канцелярии»): Октоихов одноголосных «учебных» — 10, четырехголосных — 3, «а книгами» — 12, греческого распева — 4; Праздников четырехголосных греческого распева — 3, «а книгами» — 12; Ирмосов одноголосных 9, «малых» — 1; «Ермологи, киевской обиход» — 2; «Трезвонный книга» — 1, «Обиход русского распева, тут же и Азбука книга» — 1; «Ирмосы праздника книга» — 1; Триодей постных — 3; «Обиход, здор всякой» — 1.

Книг, взятых из церкви, имелось 18: Обиход киевский четырехголосный — 4; Праздники греческие четырехголосные — 4; Ирмосы — 1; Обеден шестиголосных — 6; три тетради Обеден.

«Учителя Феофилакта Митенева, написанных им», — 14 книг: Обиход киевский — 1; Октоих — 4; Концерты трехголосные — 3; Обедня шестиголосная — 6 книг. Кроме того, вместо потерянного Барановым «тенорового голоса», как мы уже отмечали, были взяты с него в школу Праздники четырехголосные греческого распева.

Пять книг (Ирмосы и Праздники четырехголосные) были изъяты начальством в декабре 1738 г. из собрания школы в пользу учащихся Кунгурской словесной школы, которых начал обучать пению учитель грамоты. С их учетом количество учебных книг в Екатеринбурге составило бы 95 экземпляров.

Среди школьных припасов числились также две «кожи на переплет книг», «лоскутья» от переплета, «остаток кожи красный», из чего следует, что рукописные книги, написанные учителем, переплетались и имели кожаные обложки. Наличие в списке припасов 9 дестей бумаги (216 листов) позволяет говорить о продолжении процесса переписки книг учителем и в 1744 г.

Аттестат, данный учителем Митеневым в 1744 г. в связи с увольнением из школы лучшим своим ученикам, подьяческим детям Ивану Вторых и Сергею Пахотинскому, подтверждает данные сказки

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1035. Л. 216.

² См.: Там же. Л. 216—217.

учителя 1738 г. о методике обучения пению путем постепенного выучивания отдельных книг:

... выучили Октай, Праздники, Ирмосы, Обиход киевской, одноголосное и четвероголосное [пение] и Обедни четвероголосные и ш[ес]тиголосные и во учении школьного обхождения достойны и сами за учителя править, токмо еще не в силе человека, а во оной науке остротою превосходны и сим аттестатом уверяю¹.

Состав певческой литературы, которой располагала Екатеринбургская школа, убеждает в том, что в учебной практике широко использовалось многоголосное хоровое пение, разделенное на голоса, или партии, представленное почти полным годовым кругом музыкальных церковных композиций. Школьники владели разными певческими стилями в рамках этого круга. Сам репертуар богослужебной нотной литературы, используемой в школьном обучении, предполагал высокий уровень исполнительского мастерства. Учащиеся пели сложные многоголосные произведения от трех до восьми голосов. Это значит, они владели традиционным партесным четырехголосием и трехголосием с дублировками, т. е. имели представление о гармоническом складе хоровой музыки, владели искусством ансамблевого пения.

Это навыки, свойственные западноевропейской традиции обучения. Можно предположить, что любители музыки в Екатеринбурге были в курсе новейших теоретических трактатов о музыке, в которых излагались основы такого учения (Н. Дилецкий «Идея грамматики мусикийской»; И. Коренев «Ключ разумения...»). Помимо служебной литературы в репертуаре учащихся, судя по описи книг 1744 г., были и светские трехголосные концерты, исполнявшиеся, как уже отмечалось, по торжественным случаям.

Судя по аттестату учеников, они не только овладевали исполнительскими навыками, но должны были досконально знать весь годовой ход служб, т. е. знали наизусть основные книги традиционной службы и их стилевые разновидности: Октай, Праздники, Ирмосы, Обиход, в т. ч. и киевский, обедню. Диапазон певческих памятников, задействованных в обучении в Екатеринбурге, был очень широк — от древнерусской традиции знаменного пения до новейших сочинений композиторов первой половины XVIII в.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1035. Л. 213.

Ориентация преимущественно на певческую культуру была призвана воспитать вкус к чисто мелодическим типам музыки, что согласуется с традиционным пониманием русской музыки как распевного искусства.

Хотя в 1740-е гг. деятельность школы на время пресеклась, думается, что навыки пения, полученные ее учащимися, не утратились: в Екатеринбурге сформировалась и действовала большая группа любителей многоголосного пения, и молодежь стала ее достойным пополнением. Начинание В. Н. Татищева по обучению школьников пению, выписывание специальной литературы из Москвы, ее копирование путем переписки способствовали не только развитию певческой культуры в Екатеринбурге, но и ее подъему на более высокий уровень мастерства. И на примере учителя Феофилакта Митенева мы видим, как много зависело от наличия достойного, знающего, опытного человека на должности учителя, который самоотверженно отдавался обучению молодого поколения. Как много мог сделать один человек для развития музыкальной культуры, преумножения круга ее любителей. И этот человек – ссыльный!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Екатеринбург накануне пуска завода в строй, что считается основанием города, в наказе заводскому комиссару, разработанному В. Н. Татищевым и утвержденному В. И. Генниным, поручил широкую программу развития, согласно которой должен был стать центром управления всеми казенными предприятиями горнозаводского Урала, центром развития медицины, школьного образования. Первые школы, словесная и арифметическая, были открыты в Екатеринбурге уже через несколько месяцев после основания завода, с 1725 г. они стали единственными действовавшими после сворачивания деятельности школ, основанных в 1721 г.

Благодаря назначению В. Н. Татищева главой казенных заводов Урала и Сибири (1734–1739) в Екатеринбурге наряду со словесной и арифметической школами в 1735 г. были открыты школы немецкого, латинского языков, рисования, пения. Именно в этот период наиболее ярко проявился талант Татищева как крупного администратора России первой половины XVIII в. и выдающегося деятеля Просвещения. Первые два года, когда он имел право непосредственного обращения к верховной власти, был полон идей по развитию образования, стали звездным часом в его деятельности. Татищев сразу же взялся за расширение сети словесных и арифметических школ и организацию «хорошей» школы в Екатеринбурге. Он поставил задачу открыть школы при всех заводах, фактически обучение в них было объявлено обязательным для детей заводских жителей и детей духовенства, проживавших в слободах. Можно говорить о широком охвате обучением детей в заводских поселениях, благодаря чему поколение, родившееся в 1725—1735 гг., стало почти поголовно грамотным. Такой всплеск детской грамотности можно считать уникальным явлением для России первой половины XVIII в.

Благодаря В. Н. Татищеву школы Урала, и Екатеринбурга в частности, получили глубоко разработанную нормативно-правовую основу организации и деятельности. В наказе Неклюдову 1723 г., проекте Заводского устава 1735 г., нормы которого о школах действовали в виде инструкции главному межевщику, «Учреждении, коим порядком учителя русских школ имеют поступать» (1736) был сформулирован ряд передовых положений, вошедших в золотой фонд российской педагогики. «Учреждение» стало первой инструкцией, адресованной всем учителям «русских школ», уникальным памятником педагогической мысли. В «Учреждении» Татищев подчеркнул важную роль учителя не только в обучении детей, но и в познании «полезных правил жизни человеческой», изложил требования к личности учителя, к методам обучения и воспитания детей, попытался ввести расписание занятий, заменить часослов и псалтирь новыми учебными пособиями, ввести новые методы параллельного обучения чтению, письму, началам арифметики, профессиональное обучение школьников наиболее важным для развития заводов ремеслам.

Но широкая сеть словесных и арифметических школ, открытых при большинстве заводов, необходимость назначения казенного жалованья большому числу детей, приглашение дорогостоящих учителей-иностранцев для немецкой и латинской школ, приобретение учебных пособий, которыми школьники обеспечивались бесплатно, привели к хроническому перерасходу штатных сумм, положенных на деятельность школ. В сентябре 1742 г. горнозаводские власти пытались преодолеть кризис путем закрытия школ при семи заводах, оставив при четырех и обучения в Екатеринбурге детей с Верх-Исетского, Уктусского, Верхне-Уктусского, Сысертского и Каменского заводов. В школы стали зачислять лишь сирот, детей отставных от дел, солдат и разночинцев и назначать им жалованье, а детей мастеровых, составлявших ранее большинство учащихся, стали принимать лишь по желанию родителей, которые обязывались их содержать. Все попытки уральского начальства запросить мнение Берг-коллегии о предлагаемых им мерах по выходу из кризисного состояния школ заканчивались неудачей, центральный орган руководства горной промышленностью России боялся брать на себя ответственность и не реагировал на доношения Канцелярии Главного заводов правления.

Но несмотря на бурный взлет в развитии школьного образования на горнозаводском Урале во второй половине 30-х гг. XVIII в. и последующее кризисное состояние школ в 1740-е гг., численность учащихся в Екатеринбурге продолжала оставаться высокой. Учителя продолжали оставаться на своих местах, выполняли свои обязанности со всей ответственностью, в словесных школах перешли на новые методы параллельного обучения чтению и письму, пытались в конце 1730-х гг. освоить новое расписание занятий по часам в арифметической школе – сходящими учениками из словесной, знаменовой, немецкой школ; в знаменовой – с учениками немецкой и латинской. В школе пения обучались способные к этому учащиеся из словесной и арифметической.

В условиях острой нехватки свободных от дел грамотных людей, способных обучать в словесной школе детей грамоте, еще в большей степени потребности в специалистах горнозаводского дела в условиях активного строительства новых заводов и освоения рудных месторождений, новых методов плавки металлов, проведения картографических работ на огромной территории, от Волги на западе до Амура на востоке, составления и копирования сотен чертежей заводских сооружений и других дел, чрезвычайно трудно было находить лиц, способных обучать детей в школах, даже в условиях Екатеринбурга, центра управления заводами, наиболее крупного заводского поселения, где концентрировалось большинство заводских специалистов, был большой приток новых поселенцев.

Для нужд заводов выписывались специалисты-иностранцы, у них осваивали новые профессии выпускники столичных школ, постепенно их стали заменять и выпускники екатеринбургских школ, постепенно они стали назначаться в качестве учителей и в местные школы. Профессия учителя еще только зарождалась, потребности заводского производства были важнее школьных, и зачастую учителей волей начальства возвращали к исполнению заводских обязанностей, отсылали на другие заводы, при этом назначали и на более высокие должности.

Но и в этих условиях можно говорить о том, что учителя учебных заведений Екатеринбурга составили особую социальную страту населения, объединенную по профессиональному признаку, занятости общим трудом по обучению и воспитанию молодого поколения. При этом они отличались по возрасту, образованию, своему статусу, имущественному положению. Большие различия по этим показателям

были присущи учителям словесной и арифметической школ. К учителям словесной примыкали и учителя школы пения.

В словесной школе Екатеринбурга трудились в основном пожилые люди низкого социального статуса – в 1720-е гг. бывший дьячек Яков Попов, разночинец Иван Патрушев. С 1734 г. из-за острой нехватки незанятых грамотных людей учителями чтения и письма стали назначаться исключительно ссыльные, бывшие священно- и церковнослужители, которые концентрировались в основном в Екатеринбурге, в 1740-е гг. – получившие свободу бывшие ссыльные и вышедшие в отставку по старости бывшие копиисты. Они имели самую низкую оплату труда – 12, 15, 18 руб., с 1738 г. – 12 руб., на уровне начинающих заводских учеников, вахтмистров, сторожей, получавших те же 12 руб. в год. Единственным исключением среди учителей словесной школы стал дворянин Сергей Ярцев, ученик плавильного дела, затем лекарского, попавший в учителя в связи с повреждением ноги, получавший оклад 24 руб., а в 1734 г. заслуживший младший офицерский чин шихмейстера с увеличением жалованья до 36 руб.

В школе пения, открытой в Екатеринбурге в 1735 г., вели занятия также ссыльные, среди них особо выделялся Феофилакт Митенев, бывший монах, трудившийся у прихода-расода денежной казны в московской Военной канцелярии, сосланный за утрату крупной суммы. Более 7 лет он обучал нотному пению учащихся екатеринбургских школ и внес основной вклад в развитие музыкальной культуры в Екатеринбурге.

В арифметической школе трудились лица в молодом возрасте, в качестве помощников учителей использовались наиболее сильные по успехам юноши из числа самих учащихся – Феокист Балакин (1726–1729), Иван Степанов (1745). Юными, молодыми были и Михаил Кутузов, Петр Яковлев, Федор Санников, Афанасий Кичигин, пришедшие в школу в возрасте 20-22-х лет; чуть старше – Никита Каркадинов, Иван Сусоров (24 года), Яким Олонцов (28), Василий Горшков (30 лет). Они имели высокий уровень образования: двое выпускников Московской артиллерийской школы (Петр Рыбников и Петр Яковлев); Морской академии – Михаил Кутузов и Никита Каркадинов, стажировавшийся еще два года в Швеции, и наконец, восемь выпускников екатеринбургских школ : Балакин, а начиная с 1735 г. – Санников, Кичигин, Олонцов, Старцев Сусоров, Попов, Горшков. Причем большинство из них продолжали совершенствоваться

свои познания и в период нахождения на должности учителя по распоряжению начальства или по собственной инициативе, числясь по штатному расписанию на прежней должности – учеником маркшейдерским, геодезии, унтер-шихтмейстером, шихтмейстером и т. д.

Учителя арифметической школы были из разных социальных слоев. Среди них – дворянин Кутузов, сын солдата лейб-гвардии Семеновского полка Каркадинов, сын работника Алапаевского завода Балакин, дети подьячих Санников и Кичигин, Олонцов – сын мастера, присланного с Олонца, Попов – сын учителя словесной школы, Горшков – сын бобыля. Все они по статусу были выше учителей словесных школ, занимали более высокие ступени положения в обществе. Имели более высокие оклады – 36 – 48 – 54 руб., самым низкооплачиваемым среди них был Олонцов, попавший в учителя из-за повреждения ноги с должности плотинного ученика (24 руб.).

Благодаря своим личным качествам, полученному образованию, совершенствованию своих знаний, умений некоторые из них добились изменения статуса, повышения своего места в социальной иерархии, перехода в группу высоко квалифицированных специалистов, получили горные и заводские чины, успели добиться их повышения. Но это происходило не столько за заслуги в деле обучения школьников, сколько за проявленные способности в деле совершенствования своих знаний и умений как заводских специалистов, обладания определенным талантом, мастерством. Конечно, они отличались и по уровню своего благосостояния, своим потребностям. Для них была характерна не только вертикальная мобильность, но и горизонтальная – постоянная смена места работы, зачастую и места жительства. Всего несколько месяцев проработали на должности учителя Пимен Старцов, Иван СУсоров, Михаил Кутузов (в 1735 г.), Никита Попов; по три года – Балакин и Олонцов, Никита Каркадинов – более 6 лет, Федор Санников – более 5 лет в первый раз (1735-1741) и менее 4-х во второй (1747-1751). Именно он обучил наибольшее число учащихся математике, выполняя одновременно во второй период учительства еще и должность надзирателя екатеринбургских школ, проявив себя самым активным по сравнению с предшественниками.

В школу знаменования, ставшую первой на Урале, В. Н. Татищев пытался выписать учителя из Санкт-Петербурга через Академию наук, Кабинет министров, Сенат, но безрезультатно. Хлопотал и об

учителе архитектуры, механики для нее. Рисованию, основам живописи с 1735 г. стал обучать Мирон Аврамов, обучавшийся живописи и шпалерному делу в столице, занимавшийся поиском месторождений минеральных красок на Урале, трудившийся на заводах Демидова, у росписи образов для церкви Св. Анны в Екатеринбурге. Он преподавал в знаменованной школе в 1735–1753 гг. с перерывом в 1745–начале 1747 гг., когда назначался в связи с производственной необходимостью в надзиратели к лесным делам.

Учителя несли большую нагрузку в школе, параллельно выполняли многочисленные поручения, отрывавшие их от обучения и замедлявшие сам его процесс. Они не располагали собой, начальство назначало и освобождало их от должности, руководствуясь интересами исключительно горнозаводского ведомства. В связи с этим им приходилось менять и свои занятия, и место жительства. Начальство редко шло навстречу их интересам.

Но в целом, первые учителя Екатеринбурга достойно выполняли свои обязанности, подготовили сотни учеников, овладевших грамотой, освоивших основы математических знаний, овладевших геометрией, тригонометрией, черчением, рисованием, применивших полученные в школе знания на практике и внесших свой вклад в модернизацию экономики края, развитие образования, культуры и изменивших социокультурный ландшафт горнозаводского Урала.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Раздел 1.	
ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ ЕКАТЕРИНБУРГА (1724–1734 гг.)	11
Глава 1. План организации екатеринбургских школ В. Н. Татищева 1723 г.	11
Глава 2. Учителя словесной школы Екатеринбурга (1725–1734)	22
Глава 3. Преподаватели арифметической школы (1724–1734)	35
Глава 4. Положение учителей в социуме	51
Раздел 2.	
УЧИТЕЛЯ РУССКИХ ШКОЛ (1735–1750-е гг.)	62
Глава 1. Политика В. Н. Татищева и Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов в отношении школ (1734–1750)	62
Глава 2. Учителя словесной школы Екатеринбурга (1734–1750-е гг.)	99
Глава 3. Учителя арифметической школы Екатеринбурга – ее выпускники (1740-е гг.)	133
Глава 4. Деятельность Федора Санникова как надзирателя школ Екатеринбурга (1747–1751)	175
Глава 5. Мирон Аврамов как учитель рисования и его последователи	191
Глава 6. Учителя школы пения и их вклад в развитие музыкальной культуры города	216
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	237

Научное издание

Сафронова Алевтина Михайловна
ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ ЕКАТЕРИНБУРГА
(1724–1750 гг.)

Редактор и корректор Е. Д. Бугрова
Макет А. А. Сафронов

Электронное сетевое издание
размещено в электронном архиве УрФУ
<http://elar.urfu.ru>

Дата выхода в свет 21.12.2023 г.
Формат 60 × 84 1/16. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 10,5 Объем данных 1,95 МБ.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350–56–64, 358–93–22
Факс: +7 (343) 358–93–06
E-mail: press-urfu@mail.ru

САФРОНОВА Алевтина Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Автор более 230 научных работ по источниковедению и истории культуры и образования на Урале и в России, в том числе 14 монографий (трех коллективных), 48 статей в энциклопедических изданиях: «Российской педагогической энциклопедии: в 2 т.» (Москва, 1993—1999), «Уральской исторической энциклопедии» (2000), «Екатеринбург. Энциклопедия» (2023).

Статьи и монографии А. М. Сафроновой посвящены истории грамотности населения Урала, истории горнозаводских школ Урала, системе учебных заведений Урала XVIII — начала XX вв., вкладу В. Н. Татищева в развитие просвещения в России первой половины XVIII в., анализу документов как исторических источников, в частности школьного законодательства, документов органов управления заводами, регламентировавших деятельность учебных заведений. Особая тема научных интересов А. М. Сафроновой: история библиотек и книжных собраний Екатеринбурга, в том числе личной библиотеки В. Н. Татищева, переданной им в 1737 г. в пользу города, что значительно усилило уникальный характер Екатеринбургской библиотеки Горного ведомства как крупнейшего собрания провинциальной России на иностранных языках.

Успех не за

